

В Ъ С Т Н И К Ъ
Е В Р О П Ы,

ИЗДАВАЕМЫЙ
Николаемъ Карамзинымъ.

Ч А С Т Ъ І V.

М О С К В А , 1802.

ВЪ Унивѣрситетской Типографіи,
у Люби, Гарія и Попова.

О Д О Б Р Е Н І Е.

Книгу , подѣ заглавіемъ : *Вѣстникъ
Европы , издаваемый Николаемъ Карамзи-
нымъ , Часть IV.* разсмотрѣвалъ и не на-
шелъ въ ней прошивнаго къ напечатанію,
Университетской Ценсоръ

Антонъ Проколовичъ - Антонской.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 13.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

*Топографическое описаніе царства
Поэзіи.*

(Переводъ съ Французскаго.)

Поэзія есть царство весьма обширное и, къ несчастью, слишкомъ многолюдное. Оно граничитъ къ востоку съ Краснорѣчьемъ, къ югу съ Живописью и съ Ваяніемъ, къ западу съ Музыкою, а къ сѣверу съ Океаномъ Учености.

Царство Поэзіи раздѣляется, подобно многимъ другимъ землямъ, на вышнюю и нижнюю часть. Въ первой живутъ люди весьма важные характеромъ, угрюмые лицомъ и гордые осанкою; языкъ ихъ въ сравненіи съ языкомъ другихъ провинцій есть по же, что языкъ Славянской въ сравненіи съ Рускимъ. Они всѣ ремесломъ Герои, и такіе страшные бойцы, что имъ бездѣланца однимъ махомъ разрубить человека съ головы до ногъ. Что

принадлежитъ до тамошнихъ женщинъ, по онѣ всѣ совершенныя красавицы, и самую дурную изъ нихъ обидишь; если уподобишь ее лучезарному солнцу. Лошади тамъ быстрѣе яроспныхъ Аквилоновъ, а деревья, самыя низкія, гордо возвышаются вѣтви свои до неба. Столица сей провинціи называлась нѣкогда Эпическою Поэмою. Въ ней жили обыкновенно всѣ Цари: Гомеръ, Виргилій, Тассъ, Мильшонъ и прочіе. Но въ наше время она совсѣмъ запустѣла. Не удивительно: ибо сей городъ былъ построенъ на землѣ песчаной и глинистой, копорю весьма не многіе умѣли пользоваться. Говорятъ, что онъ превосходилъ обширностію Лондонъ, Москву и Парижъ; по крайней мѣрѣ по извѣстно, что странники, желавшіе видѣть всѣ его части, уставали не дошедши до конца. Нѣкто Бонапарте, какъ слышно, готовитъ нынѣ матеріалы, чтобы снова выстроить сей городъ. — Жители вышней Поэзіи не славились никогда любовію къ истинѣ; всегда прибавляли чудесное къ своимъ повѣстямъ и рассказывали нечестности съ важнымъ видомъ, по большей части складно и даже любопытно. Они любили водить иносранцевъ на кладбище Царей своихъ и говорили: „здесь лежишь Царь Лапинскихъ Поэповъ; шумъ слышишь

вѣчнымъ сномъ божественный Гомеръ ; тамъ кости нѣжнаго Тасса. Профаны ! благоговѣйте : прахъ безсмертныхъ есть святыня !“

Въ главныхъ городахъ Вышней Поэзіи всего ужаснѣе видѣшь безпрестанные поединки, убійства, сраженія. Прежде можно было отдыхать сердцемъ въ ихъ мирныхъ и щасливыхъ предмѣстіяхъ, называемыхъ *Романами*, гдѣ взоръ открывалъ всегда новые виды и картины, къ удовольствію любопытныхъ. Тамъ пѣли соловьи и малиновки, журчали томные ручейки, паслушки украшались цвѣтами и любовники таяли въ восторгахъ. Теперь въ сихъ предмѣстіяхъ видны одни разрушенные замки, гробы, кости человѣческія, и слышно одно карканье вороновъ, крикъ филиновъ и совъ. Жители тамошніе, образованные Лесажемъ, Фильдингомъ, Прево, были нѣкогда совершенны въ своемъ родѣ ; любили путешествовать, обожали красавицъ, веселились, праздновали съ утра до вечера, и всякаго иностранца угощали по крайней мѣрѣ на пяти или шести блестящихъ свадьбахъ. Теперь желчь разливается у нихъ въ сердца ; они всѣ гипохондрики, мрачны, задумчивы ; выходяшь изъ домовъ только ночью ; видяшь вездѣ мершведовъ, кладбища, знаки

плѣнїя и всякіе ужасы ; а когда начнутъ говорить , то недоспаютъ терпѣнїя слушають ихъ : несутъ сумбуръ , и на яву бредятъ . Всего страннѣе то , что наши любезныя красавицы не боясь сихъ предметовъ , ѣздятъ туда въ гости , и рады съ утра до вечера гулять тамъ по могиламъ и черепамъ , вмѣстѣ съ привидѣнїями и мертвецами .

Не далеко отъ древней столицы возвышается цѣпь крутыхъ горъ , окруженныхъ со всѣхъ сторонъ ужасными пропастями . Онѣ называются *Трагедіею* . На вершинѣ ихъ видны развалины древнихъ храмовъ и городовъ , которыхъ самые остатки великолѣпны . Жители сихъ горъ ходятъ всегда съ кинжалами , въ пернатыхъ каскахъ , въ лапахъ , Греческой или Римской одеждѣ ; они шакъ жестокосерды и кровожадны , что самыя женщины бьютъ въ ладоши , видя , какъ несчастные убиваютъ или оправляютъ себя ядомъ , терзаютъ грудь свою и падаютъ на землю въ страшныхъ судорогахъ . На сихъ же горахъ возвышаются амфитеатромъ огромныя чудесныя палаты , названныя , не извѣстно для чего , *Олерою* , отъ Латинскаго слова , которое означаетъ *творенїя* . Не лзя вообразить ничего смѣшнѣе характера людей , живущихъ въ сихъ волшебныхъ

палатахъ; они считаютъ себя полубогами или по крайней мѣрѣ чрезвычайными Героями; при звукѣ трубъ и литавръ, съ барабаннымъ боемъ и пушечною стрѣльбою пьютъ, ѣдятъ, прыгаютъ, смѣются, плачутъ, летаютъ, сходятъ съ неба, вылѣзаютъ изъ шарпара, поютъ — и умираютъ.

Верстахъ въ трехъ опшуда, на пріятной долиинѣ, гдѣ ежеминутно рѣзвяпся Иры, Смѣхи и Купидоны, сіяетъ древній и богатый городъ *Комедіи*: искусство подражанія доведено шамъ до рѣдкаго совершенства; жаль только, что оно живыми красками своими изображаетъ не рѣдко опасные предметы, не соблюдая въ картинахъ законовъ Морали и благопристойности. Жители сего веселаго города любяшъ посмѣяться надъ ближнимъ; одни дурачатъ другихъ, и всякой въ свою очередь служитъ предметомъ насмѣшекъ. Однакожь надобно согласиться, что сіи вѣпренные люди иногда шуткою научаютъ болѣе, нежели важные Моралисты своими тракипатами. Тамъ въ великолѣпныхъ поршикахъ спояшъ лаврами и гирландами украшенные бюсты Аристофана, Плавта, Теренція, Мольера, Ренара, Дешуша. Тамъ, у городскихъ воротъ, оспанавлавають всякаго любопытнаго; сказываютъ

ему, что есть достойнаго примѣчанія въ городѣ, и просятъ его вести себя учтиво и благоразумно. Симъ средствомъ жители надѣяшся обезоружить дерзкихъ *Критиковъ* и *заговорщиковъ*, людей опасныхъ и жестокихъ, которые не хотятъ жить въ мирѣ съ народомъ *Поэзіи*.

На скамѣ пригорка является взорамъ странника другой, еще новый городъ, называемый *Траги-Комедіею*. Жители его долго ссорились съ гражданами *Комедіи* и *Трагедіи*, которые хотѣли прогнать ихъ, доказывая, что они всѣ не законныя дѣти и враги вкуса. Однакожь многіе иностранцы, любящіе плакать и смѣяться въ одно время, приспали къ сему новому народу, который нынѣ утвердился и разбогатѣлъ въ царствѣ *Поэзіи*.

Верхняя и нижняя *Поэзія* раздѣлены обширными пустынями *Здраваго Разсудка*, гдѣ нѣтъ ни городовъ, ни селеній, кромѣ уединенныхъ хижинъ, разсѣянныхъ по долинамъ. Тамъ живутъ мирные пустынноики, весьма малочисленные, занимаясь земледѣліемъ и скотоводствомъ. Но сіи мѣста прекраснѣе и живописнѣе всѣхъ другихъ въ царствѣ *Поэзіи*; тамъ есть все нужное и пріятное для жизни; а мало жителей для того, что пустыня весьма широкъ, неудобенъ, и рѣдко

можно найти вѣрнаго путеводителя. Сія провинція окружена обласцію *Ложнаго Ума*, копорой жипели легкомысленны, вѣпрены, и всегда гоняются за бездѣлицами; сластолюбіе еспь божество ихъ: мудрено ли, что они, упоенные его восторгами, не хопящъ оставишь прелестнаго жилища своего и скипашься по окрестнымъ пустынямъ *Здраваго Разсудка*? Главный городъ сей обласпи называеця *Пѣснею*; онъ окруженъ лѣсами *грустныхъ воспоминаній*, гдѣ вѣперокъ вѣепъ любовными вздохами, ручейки шекупъ слезами нѣжноспи, эхо повпоряешъ: *люблю! люблю!* и горица тоскуешъ о дружкѣ своемъ.

Въ царствѣ Поэзіи шекупъ двѣ рѣки: *Смыслъ* и *Ривма*. Первая орошаешъ пустыни *Здраваго Разсудка*, и для того берега ея весьма уединенны; а впорая выпекаешъ изъ-подъ горы, называемой *Пустымъ Трудомъ*. Тутъ построень блестящій замокъ въ новомъ вкусѣ, и на воропахъ его написано золотыми буквами: *замокъ Пустисловія, гдѣ согласіе звуковъ служитъ мѣсто ума и таланта*. Въ семъ домѣ собираешся множество не только молодыхъ, но и старыхъ людей, копорые съ ушра до вечера сидящъ въ задумчивости, приспавивъ палецъ ко лбу, и онъ времени до времени вскрикивающъ

съ восторгомъ Архимеда: *нашелъ! нашелъ!* *Риола* орошаетъ большую провинцію, называемую *Подражаніемъ*; она бесплодна, и бѣдные жители ея ходящъ подбирають колосы въ другихъ мѣстахъ, не изъясняя благодарности хозяину; а въ случаѣ нужды и крадутъ. Достойно примѣчанія то, что никто не можетъ уберечь отъ нихъ своего имѣнія. — Не далеко отсюда начинается боръ *Тупоумія* и *Глулости*, столь густой и темный, что лучи солнечные никогда не могутъ въ него проникнуть.

Царство *Поэзіи* весьма холодно къ сѣверу. Тамъ люди низки ростомъ, щедушны, и пинаются однѣми крошками; разговоръ ихъ состоитъ въ игрѣ словъ или въ разныхъ оборотахъ одной мысли. Тамъ находятся маленькіе городки, называемые *Анаграммами*, *Акrostихами*, *Загадками*, *Каланбурами* — и другіе, недоспойные любопытства. Надобно только замѣнить, что въ сей провинціи нѣтъ ни одного пожилаго челоуѣка; всѣ умираютъ въ молодости, и большая часть въ самый первый день своего рожденія.

Съ сей стороны царство *Поэзіи* граничитъ съ *Океаномъ*, о которомъ было упомянуто выше. Въ верстѣ отъ берега находится островъ *Сатиры*. Море, окру-

жающее его, наполняетъ воздухъ соляными часшицами, копорыя, входя черезъ дыханіе во внутренность жишелей, раздражаютъ нервы. Вотъ причина ихъ безпреспаннаго негодованія и сердца! Они всегда призываютъ Аполлона, но бранятся не столько за оскорбленіе вкуса и нравовъ, сколько за малое уваженіе ихъ собственныхъ сочиненій или мнимыхъ достоинствъ. На семъ островѣ начальствовалъ нѣкогда Ювеналь, человекъ добродѣтельный, искренно ненавидѣвшій пороки своего времени; но ему не многіе слѣдуютъ въ правилахъ и чувстввахъ.

Упомяну еще о полуостровѣ *Элиграммы*, который вдается въ море *встрѣмъ* мысомъ. Жители крайне любятъ убивать время и людей, весьма дружны съ обитателями *Ложнаго Ума*, хотя въ грубую бранью поддѣлаются подъ остроуміе, и всегда мѣшаютъ человеку прямо въ сердце; но *стрѣлы* ихъ, копорыя они по скромности называютъ *Аполлоновыми*, едва ли не всегда падаютъ имъ же на голову.

Вотъ краткое описаніе царства *Поэти*! Тѣ, копорыя вздумаютъ изъ любопытства видѣть его, должны проѣхать мимо острова *Сатиры*, провинціи *Ложнаго Ума*, заразительнаго города *Каланбуровъ*, только взглянувши на шемный лѣсъ *Глу-*

лости, слѣдовать за теченіемъ рѣки *Смысла*, и непремѣнно добравшись до пустынь *Здраваго Разсудка*; однимъ словомъ, подражать Рускимъ Стихотворцамъ, изъ которыхъ всякой съ честію и славою шамъ спрансшвоваль или странствуешъ!

II.

Исторія Лафлѣра, Стернова слуги.

Читателямъ уже извѣстно, какимъ образомъ я нашелъ Лафлѣра (*). Мнѣ всего болѣе хотѣлось узнать отъ него истинный нравъ Стерновъ, и подлинно ли нѣжность чувства его была такова, какою описывается она въ Йориковомъ путешествіи? Но сіи тонкія черты превосходили умъ добродушнаго Лафлѣра. Онъ искренно признавался, что господинъ его, сынъ мечтательности и непостоянства, такъ раскрасилъ многіе анекдоты своего путешествія, что они кажутся ему — Богъ знаетъ, чѣмъ!

„Иногда, говорилъ Лафлѣръ, любезной господинъ мой погружался въ глубо-

(*) Но намъ не извѣстно. Книжка *Декады*, въ которой эта исторія начинается, не дошла до насъ. Думаю, что всѣ Читатели знаютъ (слѣдственно и любящъ) Стерна.

кое уныніе и совсѣмъ забывалъ меня, такъ что я, боясь слѣдствій, нарочно старался выводить его изъ задумчивости, входилъ къ нему и предлагалъ, что умѣлъ на шопъ разъ выдумать, для разсѣянія его меланхоліи. Онъ всегда съ улыбкою принималъ такіе знаки моей искренней любви, и показывалъ, что разсѣяніе ему нужно; иногда, какъ будто бы проснувшись, вскакивалъ съ мѣста, развеселялся и начиналъ пѣть: *vive la bagatelle!*

„Въ такую четверть часа Господинъ Спернъ познакомился съ служанкою перчаточнаго магазина (*). Она послѣ была у него въ комнатѣ.“ . . . Вспомнивъ объ этомъ свиданіи, Лафлёръ не сказалъ мнѣ ничего болѣе; но говоря о служанкѣ Госпожи * *, которая также приходила къ Сперну, онъ примолвилъ: „бѣдная казалась очень жалка; она была такая маленькая и такая миленькая!“

Дама, означенная буквою L, есть Маркиза Ламберти. Она выходила Йорикку паспортъ, который въ самомъ дѣлѣ начиналъ беспокоить его. Не смотря на Шекспира, Лафлёръ думаетъ, что Графъ

(*) Всякая бездѣлица Йорикова путешесствія памятна тому, кто читалъ его.

Б* (Брепёль) не спалъ бы хлопотать объ немъ. Шуазель былъ тогда Министромъ.

Бѣдная Марія къ несчастью не еспь вымышленное существо. — „Когда мы пришли къ ней (говорилъ Лафлёръ), она какъ ребенокъ ползала на дорогѣ и сыпала себѣ на голову пыль; но прудно вообразить женщину любезнѣе Маріи. Въ пу минушу, какъ Стернъ началъ прогашельно говорить съ нею и обнялъ ее, она пришла въ себѣ, успокоилась, рассказала ему печальную свою испорію и оросила его грудь жаркими слезами. Господинъ мой рыдалъ. Она тихонько высвободилась изъ его объятій, и зашѣла молишву Богоматери. Добродушной господинъ мой закрылъ себѣ глаза рукою и пошелъ вмѣстѣ съ Марією къ ея хижинѣ. Тамъ онъ долго разговаривалъ съ матерью.

„Всякой день“, пока мы были въ Муленѣ, я носилъ имъ изъ практира пинь и ѣспь; а когда поѣхали, то господинъ мой далъ матери свое духовное благословеніе и нѣсколько денегъ; а сколько? не знаю. Онъ давалъ всегда болѣе другихъ.“

Стернъ имѣлъ недостатковъ въ наличныхъ деньгахъ. Война мѣшала переводить ихъ изъ Англіи во Францію; а онъ худо вычислялъ издержки, считая одни прогоны, и не предвидя того, что ему вспрѣ-

нящихся несчастные, и что онъ подѣлился съ ними.

„Часто, сказалъ Лафлёръ, когда мы перемѣняли лошадей, господинъ мой обращивался ко мнѣ со слезами: *бѣдные люди, какъ они жалки! а у меня нѣтъ денегъ!*

Парижъ и безчисленные любопытные предметы его занимали Сперна около чепырехъ мѣсяцевъ.

Англичанинъ путешествуетъ не для того, чтобы видѣть Англичанъ, говорилъ онъ, и воступалъ сообразно съ симъ правиломъ; никогда не ходилъ къ землякамъ своимъ, и встрѣчаясь съ ними, старался опдѣлаться обыкновенными учпиво-спями. Удовольствіемъ его было *смѣшиваться* съ народомъ каждой земли.

Спернъ много писалъ, и по ночамъ. Лафлёръ удивился, слыша отъ меня, что его сочиненій мало въ печати. „Я знаю, сказалъ онъ, что у него былъ цѣлой сундукъ бумагъ.“ — Какого содержанія? спросилъ я. — „Всякаго роду мысли о характерѣ народовъ. Въ Италіи онъ съ великимъ спараніемъ развѣдывалъ о всѣхъ частяхъ Правленія и собиралъ примѣчанія доспойныя черпы нравовъ; пользовался библиошеками, а еще болѣе самъ наблюдалъ. Спраннѣе всего то, что Господинъ Спернъ никакъ не могъ говорить по-Ита-

ліянски; я выучился, а онъ, нѣсколько разъ бесполезно принимавшись за Грамматику, наконецъ потерялъ надежду узнать правила. Это удивляло меня тѣмъ болѣе, что Латинской языкъ ему конечно былъ извѣстенъ.“

Не лзя сомнѣваться въ истинѣ Лафлёровыхъ словъ — и въ иакомъ случаѣ жаль, что наслѣдники Сперновы лишили публику любопытныхъ его записокъ, которыя безъ сомнѣнія были бы во сто разъ любопытнѣе многихъ ученыхъ трудовъ нашего времени.

„Свидѣтельствуюсь Небомъ (сказалъ „нашъ Йорикъ), что ни въ какой землѣ „подъ солнцемъ не найдешь столько пред- „метовъ для ума и столько разнообра- „зія въ характерахъ, какъ въ Велико- „британніи.“ Спернъ хотѣлъ вылечить Англичанъ отъ ихъ излишней справки къ путешествіямъ; а самъ скакалъ, лепѣлъ изъ мѣста въ мѣсто! Когда душа угнетена горестію, которую покой всегда усиливаетъ, тогда всего благоразумнѣе странствовать. Скорое движеніе нѣкоторымъ образомъ усыпляетъ внутренняго дракона, и кажется, что мы осна- вляемъ за собою часть горести. Можешь быть Спернъ чувствовалъ сію потреб-

носпѣ, и для того спѣшилъ въ Италію изъ одного города въ другой.

Лафлёръ сказалъ мнѣ, что господинъ его былъ нѣсколько дней въ Миланѣ, въ Пармѣ, въ Моденѣ, въ Болоньи; однакожь въ Туринѣ прожилъ шесть недѣль. Флоренція плѣнила его множествомъ чудесъ своихъ: онъ оспался въ ней — на шесть дней! но пробылъ въ Сіенѣ девять: для чего же? Угадайте, виршуозы, знашочи, любители древностей! Для того единственно, чтобы удивляться красотѣ тамошнихъ женщинъ; чтобы въ оппѣнкахъ милаго лица ихъ видѣть разное выраженіе души, и *читать ея внутренность при свѣтѣ блестящихъ глазъ*: Иориково слово, котораго не забылъ Лафлёръ, ибо оно показалось ему спраннымъ!

Въ Римѣ приняли его съ великою честью. Папа нѣсколько разъ говорилъ съ нимъ въ кабинетѣ, и дозволилъ ему, въ знакъ особенной милости, осмотрѣть *Катакомбы*.

Спернъ прожилъ въ Римѣ четыре мѣсяца, и всякое утро ходилъ въ прелестные сады *Виллы - Медичи*, читать или размышлять на свободѣ и безъ свидѣтелей. Тамъ былъ онъ нѣсколько времени въ крайности, не получая денегъ изъ Англій — и благотѣтельный путеше-

шестственникъ сдѣлался даже предметомъ оскорбительной недовѣрчивости. Вексель и рекомендацельныя письма вывели его изъ бѣды: письма къ знапнымъ фамиліямъ Конпи, Доріа, Санта - Круца — и Йорикъ выѣхалъ изъ Рима съ пріятными чувствами, ибо имѣлъ деньги, безъ которыхъ худо и чувствительнымъ путешественникамъ!

Тѣмъ, которые нѣкогда будутъ въ Неаполѣ, сказываю, что Спернъ жилъ тамъ въ *Кази - да - Манозаль*, прошивъ самаго моря. У него было письмо къ Князю Кардино Лофредо, который принялъ его съ обыкновенною своею учтивостію. Черезъ три дни онъ поѣхалъ въ Мессину — опшуда въ Венецію — въ Германію, Вѣну, Франкфуртъ — и нигдѣ уже не останавливался, спѣшивъ возвратиться въ опечество. Нѣмецкая земля не можетъ имѣть прелестей для человѣка; который видѣлъ Италію.

Многое безъ сомнѣнія не стоило его вниманія; но удивляюсь, что онъ, будучи въ Ліонѣ, не видалъ Картезіанскаго монастыря. Имѣя пѣстическое воображеніе, Спернъ живою своею кистію прекрасно изобразилъ бы намъ мрачнаго меланхолика, который помился голодомъ среди богатствъ Провидѣнія, забывая

сладостную должность, возложенную на человека Богомъ и Природою — должность прудиться для ближнихъ и радоваться тѣмъ щастіемъ, копорымъ они ему обязаны. — На пути изъ Ліона къ Бовуазеньскому мосту Йорикъ былъ не далеко отъ того мѣста, гдѣ Грей сказалъ въ воспортѣ: „бытіе Вѣчнаго всего „болѣе поражаетъ насъ среди горъ величественныхъ, ужасныхъ безднъ, шума „рѣкъ и мрака лѣсовъ!“ Но Спернъ не заѣхалъ туда: онъ спѣшилъ или не вспомнилъ. — —

Лафлёръ не рѣдко слышалъ отъ него восклицаніе: *увы! бѣдной Йорикъ!* И мудро ли? Человекъ (по словамъ его), *образованный раздѣлять съ другими всѣ ихъ чувства*, могъ ли не жаловаться на свою бѣдность, вспрѣчаясь съ бѣдными? Спернъ, какъ мы сказали, не считалъ денегъ; давалъ — и наконецъ, при новой вспрѣчѣ, видя пусному въ кошелькѣ своемъ, говорилъ: *увы! бѣдной Йорикъ!* Философъ на его мѣстѣ сказалъ бы равнодушно: *тотъ не даетъ, кто не имѣетъ*; но Спернъ плакалъ!

Скворецъ, копорый споль жалко говоритъ чипашелямъ *Йорикова путешествія*: „не могу выпити!“ говорилъ сполько *ушимъ воображенія*. Спернъ, обязанный ему пріят-

нымъ, живымъ чувствомъ, опдалъ его на руки Лафлэру, который благополучно прѣхалъ съ нимъ въ Англiю. „Но онъ, можениъ быниъ, забылъ говоришь,“ при-молвилъ Лафлэръ: „знаю по одно, что я не слыхалъ отъ него ни слова.“

Повѣривъ Доктору Джонсону, многiе утверждали, что Спернъ любилъ слишкомъ вольные разговоры. Лафлэръ клянется, что онъ никогда не замѣчалъ въ немъ и тѣни сего порока, и что Йорикъ имѣлъ онимѣнный даръ разсуждать о важныхъ вещахъ прiятнымъ образомъ, а всего болѣе умѣлъ говорить съ женщинами о любви; онѣ, слушая его, задумывались. „Не хочу божиться, сказалъ мнѣ Лафлэръ, чпобы господинъ мой жилъ Анахоретомъ; но по вѣрно, что онъ ненавидѣлъ распущенно, и во время нашего путешесниья пога его не бывала въ подозрительномъ домѣ.“

Мертвый оселъ не есть выдумка; хозяинъ его былъ въ самомъ дѣлѣ такъ жалокъ и протподушенъ, какъ описалъ Спернъ. Лафлэръ живо помнитъ это обстоятельство.

Я долженъ уведомить нашихъ красавиць, что смѣшной анекдотъ *булавокъ*, который многихъ изъ нихъ заславлялъ смѣяться, а можеть бышь (къ щасью)

и краснѣться, естъ совершенная выдумка во всѣхъ своихъ забавныхъ подробностяхъ.

Лафлёръ замѣнилъ, что Стернъ не имѣлъ большой любви къ Испаліянскимъ монахамъ. Всякой разъ, когда они присупали къ нему, онъ спзѣчалъ имъ одно: „почтенный опецъ! я занятъ, и такъ же бѣденъ, какъ вы.“ — —

Вотъ что я могъ свѣдать отъ вѣрнаго слуги неподражаемаго Авнора. Многие скажутъ, что все это неважно: спорить не буду. Нѣкоторые поблагодарятъ меня — шѣ, кошорымъ, вмѣстѣ съ однимъ великимъ человѣкомъ, пріятно знать, что *Мильтонъ завязывалъ ремнемъ башмаки свои!*

III.

Феноменъ Англійской Литтературы.

Натура производитъ стихотворцевъ: nascuntur poetae. Одинъ Геній могъ научить первыхъ Поэтовъ, и стихи уже были тогда, когда еще не имѣли идеи о правилахъ.

Робертъ Блумфильдъ, бѣдный Англійскій сапожникъ, едва умѣющій писать, недавно сочинилъ Поэму, въ кошорой не

только Англійскіе, но и Французскіе Крипики находятъ много прекраснаго. Онъ научился разумѣть рѣчи Борка и Фокса, справляясь съ крапкимъ лексикономъ, найденнымъ имъ у хозяина; учился Реторикъ въ церквахъ, слушая проповѣди; узналъ Поэзію, бывая иногда въ театрѣ. Случай доставилъ ему въ руки Томсоновы *Времена Гола*, Мильпоновъ *Потерянный Рай* и нѣсколько романовъ: онъ читалъ ихъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ, и душа его обогатилась новыми идеями. Черезъ нѣсколько времени ему надлежало ѣхать въ деревню: тамъ видъ полей и Томсоновы прекрасныя описанія воспалили его воображеніе. Блумфильдъ сочинилъ въ головѣ своей цѣлую сельскую Поэму, не написавъ на бумагѣ ни одного стиха.

Онъ назвалъ свое твореніе *Сельскимъ Работникомъ*, и раздѣлилъ его на четыре пѣсни, посвятивъ каждую изъ нихъ особливому времени года. Однакожь родъ Поэмы его опличенъ отъ Томсоновой; она ничто иное, какъ самое простое и скромное буколическое стихотвореніе. Герой Блумфильдовъ есть добродушный и трудолюбивый земледѣлецъ. Поэтъ слѣдуетъ за нимъ въ его сельскихъ упражненіяхъ, описываетъ ихъ, изображаетъ Напуру,

предается чувству и размышленію, видя ея дѣйствія.

Въ картинѣ весны описывается пашня, сѣвъ — прекрасное утро — скопный дворъ — веселая крещьянка, доющая коровъ — паръ молока — славный Честерскій сыръ — игры рѣзвыхъ ягнятъ и свирѣпый мясникъ. „Тлѣнная роза, печальный образъ судьбы ихъ!“ говоритъ Поэтъ: „они, подобно тебѣ, гибнутъ въ своемъ цвѣтѣ!“

Лѣто представляетъ другое зрѣлище. Колосъ растетъ, желтѣетъ, гнется подъ тяжестью своего богатства. Коса сверкаетъ на браздахъ. Шастливый земледѣлецъ съ гордостью смотритъ на успѣхъ трудовъ своихъ, и вмѣстѣ съ радостною семьею наслаждается ихъ новыми плодами. — Находясь тучи; блискаетъ молнія, и Блумфильдъ, какъ впорыи Вернетъ, беретъ кисть и пишетъ величественные ужасы грозы.

Суровый климатъ Англїи и шумами покрышья равнины ея не могли представить ему веселой картины собиранїя винограда. Трогательная повѣсть, описаніе сельскаго храма, благодарное моленіе земледѣльцевъ, добродушіе Пастора и нѣкопорыя мысли о кладбищѣ, *гдѣ мы полираемъ ногами предковъ нашихъ,*

пріяшнимъ образомъ занимають чинателья въ изображеніи осени.

Каминъ, зимнія упражненія, стойло, обращеніе къ лошади земледѣльца, изображеніе ея щасливаго состоянія въ сравненіи съ почповою лошадыю, и привидѣніе въ маѣтѣи, которое есть ничто иное, какъ старое дерево, составляютъ предметъ четвертой пѣсни, заключенной гимномъ Вѣчному.

Таково расположеніе карпины. По слѣдующимъ мѣстамъ чинатель можетъ судить о кисти живописца:

„Уже никто не смопритъ на раннюю маргарипку; и ты, блѣдная фѣялка, не одна цвѣтешь въ полѣ. Весна въ свѣтѣмъ *плодоотворномъ* шеспвіи сыплетъ цвѣтны всякихъ красокъ и ароматы сладчайшіе. Вездѣ, гдѣ она ступишь, любовь улыбаешся; рѣзвое и легкое удвольспвіе играетъ ея прозрачною одеждою. Милая царица прикасаешся скиптромъ своимъ къ Натурѣ, и все оживаетъ; лиспочки разверпываются, и новыя вѣтви быстро спѣшаютъ одна за другою.“

Говоря о Лондонѣ, Поэтъ восклицаетъ: „Огромная столица, но живущая однимъ благодѣяніемъ сель! опасная волшебница, манящая людей и зазира-

„ющая ихъ въ душныхъ своихъ пемни-
 „цахъ! Эссекскія равнины для тебя един-
 „ственно питають пельцовъ своихъ; ма-
 „сло съ береговъ Спора течешъ рѣкою въ
 „нѣдра твои. Подобно могилѣ, ты из-
 „сушаешь все окрестности, и подобно
 „гробу сокрываешь богатства земледѣля!“

Сію Поэму можно назвать гирландою сельскихъ простыхъ цвѣтовъ, милыхъ свѣжестію и смиренною красою. Другое ея достоинство есть кропкая, человѣколюбивая, убѣдительная Мораль, которая безъ всякаго украшенія непосредственно изливается изъ сердца.

Авторъ прославился въ Англїи. Многие знатные люди, Герцогъ Йоркской, Графтонъ и другіе, спѣшили изъяснить ему знаки уваженія. Нѣкоторые Лондонскіе Журналисты называютъ его твореніе единственнымъ и превосходнымъ; но многое, что хорошо на Англійскомъ языкѣ, показалось бы спраннымъ въ переводѣ: на примѣръ мысли о несчастной судьбѣ почтовыхъ лошадей, описаніе свиньи, и проч.

*Письмо молодого Француза изъ
Неаполя.*

Путешественникъ съ удивленіемъ встрѣчаетъ въ Неаполѣ множество праздныхъ людей, которые на всѣхъ улицахъ представляютъ разительное зрѣлище наготы и бѣдности. Ни въ какомъ другомъ Европейскомъ городѣ не видалъ я такого многочисленнаго и такой ужасной нищеты. Вообразите кучу муравьевъ: вопль единственное подобіе, дающее о томъ идею! Неаполь вдвое менѣе Парижа, но жителей въ немъ почти столько же. Не лзя безъ горестнаго чувства видѣть полунагихъ людей среди предметовъ роскоши и великолѣдія, подъ яснѣйшимъ небомъ Европы и на землѣ обогатенной всякими плодами. Здѣсь-то человѣчество является на послѣдней степени возможнаго униженія! Первое чувство всякаго добраго сердца есть сожалѣть о сихъ несчастныхъ; но когда вообразишь, что причиною того неизбѣжимая ихъ лѣность, небреженіе, мотовство и другіе пороки; что они нѣкоторымъ образомъ хвалятся своею праздностію и не хотятъ слышать о работѣ, которая могла бы вывести ихъ изъ нищеты; что они всегда были гну-

сными орудіями спрасшей, и никогда не опказывающіеся служить злобѣ кинжалами своими за нѣсколько червонцевъ; что они при Шампіоне хотѣли быть Якобинцами, а по возвращеніи Короля Роялистами, единственна для того, чпобы грабить, убивать, пить кровь человѣческую: тогда разсудокъ прошившійся сердцу, осуждая его сожалѣніе о людяхъ, которые бѣдны не отъ злощастія, но отъ пороковъ. Безчисленные злодѣйства ихъ кажутся невѣроятными. Убийство есть для нихъ величайшее удовольствіе. Дворяне, священники, монахи, купцы, Французскіе Эмигранты, были ихъ жертвами, когда Шампіоне шелъ къ Неаполю и когда Кардиналь Руффо вступилъ въ сей городъ. Самые миролюбивые граждане, не бравшіе никакого участія въ дѣлахъ, должны были, видя ихъ неистовство, соединиться съ Революціонистами и желать, чпобы Французы скорѣе заняли Неаполь. Самый Принцъ Молитерно, избранный ими въ начальники, ужаснулся ихъ свирѣпости и передался къ Французамъ. Они кричали, что Макъ и Пиньяпели изменники; хотѣли умертвить ихъ, сражались за Короля, и въ то же самое время разграбили дворецъ.

Всякая постоянная работа кажется Лацароніямъ несною; они бывають только гребцами и нанимаются носить факелы, письма, плоды, разныя легкія вещи; и на то употребляютъ единственно малую часть дня. Довольствуясь обыкновенно немногимъ, Лацарони дѣлаются неумѣренными, когда по случаю имѣють въ кошелькѣ нѣсколько талеровъ, и пока есть деньги, ни въ чемъ себѣ не отказываютъ; а издержавъ все, опять терпятъ голодъ и питаются однимъ супомъ, который варится въ здѣшнихъ монастыряхъ для туеядцевъ. Когда воровство или смертоубійство доставляетъ имъ нѣкотораго роду изобиліе, тогда они нѣмой день лежатъ на одномъ мѣсѣ, снопрытъ на людей, ѣдятъ мороженое или скачутъ по городу въ наемномъ экипажѣ: вообразите себѣ нищаго, гордо сидящаго въ прекрасной раззолоченной коляскѣ; вообразите его черное, Арабское лицо и (въ мѣсто плашья) лоскутья, развѣваемыя вѣтромъ! Лацарони по большой части не имѣють никакого приспанища, бродятъ по городу и спятъ, гдѣ случится: на улицѣ, на дворѣ, подъ колоннадами. Во время зимы, по есть въ печеніе нѣсколькихъ дождливыхъ дней, они укрываются въ пещерахъ Капо-ди-

Монте и шѣснятся какъ овцы въ хлѣвѣ. Празднoсть есѣь для нихъ такое наслажденіе, что они не возьмутъ за нее никакого богатства. Климатъ, плодородіе земли, множесиво зелени, рыбы, и дешевизна сѣѣспныхъ припасовъ дѣлаютъ жизнь такого роду возможною. Здѣсь умѣренный человекъ можетъ быть сытъ на 8 или на 10 копѣекъ въ день.

Монпескѣ замѣчаетъ, что сѣи бѣдные люди, терпящіе во всемъ недоспатокъ, дрожатъ отъ страха при малѣйшемъ изверженіи Везувія. Въ самомъ дѣлѣ они тогда какъ сумасшедшіе бѣгають по улицамъ, надѣвають себѣ пѣплю на шею, осыпають голову пепломъ, и разными набожными предесіями стараются отвратить бѣдствіе, которымъ угрожаетъ имъ Вулканъ. Сѣи молитвы въ наспоющейся опасности даютъ идею о ихъ Религїи, состоящей въ однихъ обрядахъ. Они украли, убили человека, и бѣгутъ къ обѣднѣ успокоить совѣсть свою. Известно, какую вѣру имѣли нѣкогда Ладарони къ Святому Януарію; но теперь церковь его пуста, и Святой Антоній, какъ щасливый совѣспникъ, заснулъ мѣсто несчастнаго Януарія. Желаете ли знать причину? Весь Неаполь вамъ скажетъ ее. Вы знаете, что всякой годѣ

заспылая кровь Св. Януарія чудеснымъ образомъ обрацалась въ жидкость. Лацарони надѣялись, что онъ изъ ненависпи къ Французамъ не сдѣлаетъ сего чуда во все то время, пока они будутъ въ Неаполѣ. Но Шампіоне велѣлъ — и кровь пошекла ручьемъ. Сверхъ того Януарій дозволялъ Французамъ нарядить себя въ Республиканскій шарфъ. Лацарони, оскорбленные Якобинствомъ его, требовали суда — Король велѣлъ изслѣдовать дѣло — открылась истина — Януарія разжаловали, и санъ его торжественно опдали Антонію. — Но сей суевѣрный и легкомысленный народъ всегда противился введенію Инквизиціи: пусть другіе изъяснятъ такой феноменъ!

Не знаю, какъ можетъ Полифика Двора терпѣть явныхъ злодѣевъ. Мазаніеллова исторія доказала, сколь опасенъ можетъ быть для Правленія многочисленный родъ людей безумныхъ и дерзкихъ! Сей пьяный рыбакъ царствовалъ въ Неаполѣ, имѣя въ своихъ повелѣніяхъ 150,000 людей, которые соорудили ему тронъ на городской площади; съ трона онъ спѣшилъ въ кабакъ, а оттуда на кафедру, говорить безумныя рѣчи народу! Злоба и мстительность таятся нынѣ въ сердцахъ Неаполишанцевъ: чинъ естли они взду-

мають употребить въ орудіе свирѣпыхъ Лацарони?

Несправедливо будетъ по сему роду людей судить о Неаполитанцахъ; однакожь можно сказать, что они вообще погружены въ варварское невѣжество. Есть провинціи, въ которыхъ весьма немногіе умѣютъ читать и писать. Неаполь можетъ хвалиться только музыкантами, живописцами и ваятелями, но не имѣетъ ни одного человѣка славнаго знаніями въ Политикѣ, государственной экономіи и наукѣ правленія. Если исключить Маркиза Галло, который теперь Посломъ во Франціи, и Кавалера Мишру, который практиковалъ о мирѣ во Флоренціи, то здѣсь трудно найти человѣка способнаго къ важнымъ дѣламъ государственнымъ и воинскимъ должностямъ. Лучшие Генералы Неаполитанской арміи были всегда иностранцы: на примѣръ Салисъ, Буркардъ, Дамасъ. Король, желая имѣть флотъ, призвалъ изъ Тосканы Аксона, извѣстнаго тогда по нѣкоторымъ смѣлымъ дѣламъ, а нынѣ славнаго талантами, коварствомъ и почти безпредѣльною властію въ государствѣ, котораго выгодами онъ жертвовалъ всегда выгодамъ Англій. Рускіе Офицеры выучили Неаполитанскихъ командовать, спротивъ фронтъ, колонны,

и проч; но они никогда не выучашь ихъ побѣждать непріятеля, какъ побѣждаютъ Рускіе.

Правительство имѣетъ здѣсь множество шпионовъ, а Полиція никуда не годится; въ Неаполѣ гораздо опаснѣе сказать что нибудь дурное объ Акционѣ, нежели быть воромъ и даже убійцею. Вся Европа знаетъ, что въ здѣшней гошпитали есть особенная зала, всегда наполненная ранеными и называемая *залю кинжаловъ*; но не всѣ знаютъ то, что по самому вѣрному исчисленію въ обѣихъ Сициліяхъ бываетъ ежегодно около 4000 убитыхъ или раненыхъ. И нынѣ говоряшъ еще о разбойникѣ, который славился въ Неаполѣ за нѣсколько лѣтъ передъ симъ. Онъ назывался Анжелино дель Дука, и характеромъ своимъ походилъ на Карпуша и апамана разбойниковъ, представленнаго Шиллеромъ въ Драмѣ; подобно первому, никого не лишалъ жизни; подобно второму, судилъ людей незаконно, но справедливо; искалъ спасенней, былъ любимъ своими поварищами, не трогалъ земледѣльцевъ, и всегда грабилъ только знатныхъ, Бароновъ и Епископовъ, не рѣдко посылая къ нимъ прѣбыванія. Онъ осмѣлился даже объявить Королю, что ему хочется быть главнымъ Полицеймейстеромъ Его Вели-

чества. Наконецъ грозный Анджелино былъ пойманъ и казненъ. —

Я не видалъ здѣсь ни одной прекрасной женщины, видѣвъ ихъ множество въ церквахъ, спектакляхъ и на гульбищахъ. Мнѣ даже и голосъ ихъ не нравится: онъ не имѣетъ въ себѣ ничего праспнаго, любезнаго и протаптельнаго; коротко сказавъ, похожъ для меня на голосъ дѣшнихъ Кастрашовъ; бездушенъ, выражаетъ иногда чувство удовольствія, но умираетъ, не входя въ сердце. Можетъ быть виною тому климатъ; благопріятный единственно для органовъ музыканта и художника. Когда и мужчины имѣютъ здѣсь огонь въ воображеніи, а не въ душѣ; когда нервы ихъ, расслабляемыя жаромъ, не способны къ сильнымъ впечатлѣніямъ сѣверныхъ народовъ; когда они знаютъ только одну праспу малыхъ душъ: злобу и ненависть — то могутъ ли женщины любить сильно и нѣжно? Нѣтъ, мой другъ! здѣсь пылки чувства, а сердца холодны; любовь есть только забава праздности, и все моральное не извѣстно. Не мудрено, что и нравы шеряютъ цѣну свою; не мудрено, что родственные союзы не служатъ здѣсь предеснью семейственной жизни. Нѣтъ ни родственниковъ, ни друзей. Покровитель или при-

Служникъ — вопль главное раздѣленіе общества, главное основаніе мнѣній, плановъ и дѣйствій! Источникъ и цѣль всего есть суестьность, которая изсушила сердца. Всѣ люди стали равны — и въ Неаполѣ совсѣмъ не имѣющъ понятія о той особенноти нравовъ, которую споль часто видимъ въ Англии и въ Нѣмецкой землѣ. —

Вчера, когда я гулялъ въ прекрасной алеѣ Кіая, наемный лакей сказалъ мнѣ: „Посмотрите: вотъ братъ Короля Сардинскаго, который съ фамилією и свішою своею живетъ въ этомъ пракширѣ!“ Въ самую ту минуту я внутренно укорялъ судьбу за многія непріятности моей жизни, и вдругъ одумался. Король, имѣвъ нѣкогда 50 милліоновъ доходу, живетъ теперь въ бѣдномъ пракширѣ! Супруга его, примѣръ всѣхъ добродѣтелей, томится въ чужой землѣ, вспоминая брата и невѣстку, умершихъ на эшафотѣ!.. А мнѣ жаловаться на судьбу? — Какія причины ни свергнули бы Монарха съ наследственнаго трона, онъ жалокъ всякому доброму сердцу. Великая душа Виктора Ажадея и таланты Принца Евгенія не могли предохранить Савойскаго Дому отъ бѣдливй случая! Судьба разительная! шавъ Акшонъ, недавно бѣдливй

Офицеръ, повелѣваетъ Королевствомъ ; а здѣсь супруга Короля, добродѣтельная сестра Лудовика XVI, наслѣдница горестей Бурбонской Фамиліи, страдаетъ въ униженіи ! Вообразите, что сія великодушная Королева, ежедневно проливая слезы предъ святыми олтарами, не чувствуетъ собственныхъ бѣдствій, оплакиваетъ только несчастіе друзей своихъ и считаетъ себя его виновницею ! Никто не смѣлъ порицать ея небесной души ; самые развратные Якобинцы, которые боялись добродѣтели какъ бѣшеные воды, отдають ей справедливость и должны согласиться, что набожность по крайней мѣрѣ не всегда бываетъ суетвремѣ (*):

V.

Рыцарь нашего времени.

Вступленіе.

Съ нѣкотораго времени вошли въ моду *Историческіе романы*. Неугомонный родъ людей, который называется *Авторами*, тревожипъ священный прахъ Нумъ, Авре-

(*) Она, какъ извѣстно, не давно скончалась въ Неаполѣ.

лѣвъ, Альфредовъ, Карломановъ, и пользуясь испари присвоеннымъ себѣ правомъ (едва ли *правымъ*) вызываешь древнихъ Героевъ изъ ихъ *нѣснаго домика* (какъ говоритъ Оссианъ), чтобы они, вышедши на сцену, забавляли насъ своими рассказами. Прекрасная кукольная комедія! Одинъ вспаеетъ изъ гроба въ длинной Римской *Тогѣ*, съ сѣдою головою; другой въ коротенькой Гишпанской епанчѣ, съ черными усами — и каждой, проширая себѣ глаза, начинается свою повѣсть съ ящѣ Леды. Только привыкнувъ къ глубокому могильному сну, они часто зѣваютъ; а съ ними вмѣстѣ. . . и читатели сихъ историческихъ небылицъ. Я никогда не былъ ревностнымъ послѣдователемъ моды въ нарядахъ; не хочу слѣдовать и модамъ въ авторствѣ; не хочу будить усопшихъ великановъ человечества; не люблю, чтобы моя читатели зѣвали — и для того, вмѣсто *Историческаго романа*, думаю рассказать *романическую исторію* одного моего пріятели. Впрочемъ *не любю не слушай, а говоришь не мѣшай*: вошь мое невинное правило!

Г л а в а I.

Рожденіе моего Героя.

Естьли спросите вы, кто онъ? по я... не скажу вамъ. Имя не человѣкъ, говорили Рускіе въспарину. Но такъ живо, такъ живо опишу вамъ всѣ свойства, всѣ качества моего пріятели — черты лица, ростъ, походку его — что вы засмѣетесь и укажете на него пальцомъ. . . . „Слѣдственно онъ живъ?“ Безъ сомнѣнія; и въ случаѣ нужды можемъ доказать, что я не лжецъ и не выдумалъ на него ни слова, ни дѣла — ни печальнаго, ни смѣшнаго. Однакожь . . . надобно какъ нибудь назвать его; частыя мѣспоименія въ Рускомъ языкѣ непріятны: назовемъ его — Леономъ.

На луговой споронѣ Волги, тамъ, гдѣ впадаетъ въ нее прозрачная рѣка Свѣяга, и гдѣ, какъ извѣстно по Испоріи — Натальи, Боярской дочери — жилъ и умеръ изгнанникомъ невинный Бояринъ Любославскій — тамъ въ маленькой деревенькѣ родился прадѣдъ, дѣдъ, отецъ Леоновъ; тамъ родился и самъ Леонъ, въ то время, когда Природа, подобно любезной кокешкѣ, сидящей за туалетомъ, убиралась, наряжалась въ лучшее свое весеннее платье; бѣлилась, румянилась . . . весенними цвѣтами; сморѣлась съ улыб-

кою въ зеркало . . . водѣ прозрачныхъ , и завивала себѣ кудри . . . на вершинахъ древесныхъ — по еспѣ , въ Маѣ мѣсяцѣ ; и въ самую ту минушу , какъ первый лучъ земнаго свѣта коснулся до его глазной перепонки , въ орѣховыхъ кусточкахъ заплѣли вдругъ соловей и малиновка , а въ березовой рошѣ закричали вдругъ филинъ и кукушка : хорошее и дурное предзнаменованіе ! по кошорому осьмидесятилѣтняя повивальная бабка , принявшая Леона на руки , съ веселою усмѣшкою и съ печальнымъ вздохомъ предсказала ему щасіе и нещасіе въ жизни , ведро и ненастье , богатство и нищету , друзей и непріятелей , успѣхъ въ любви и рога при случаѣ . Чишпатель увидишь , что мудрая бабка имѣла въ самомъ дѣлѣ даръ пророчества . . . Но мы не хотимъ заранѣе открывать будущаго .

Отецъ Леоновъ былъ Руской коренной дворянинъ , избранной ошешавной Капитанъ , человекъ лѣтъ въ шестидесятъ , ни богатой ни убогой , и — что всего важнѣе — самой доброй человекъ ; однакожь ни мало не сходный характеромъ съ извѣстнымъ дядею Триспрама Шанди — добрый по-своему , и на Рускую славъ . Послѣ Туредкихъ и Шведскихъ кампаній

возвратившись на свою родину, онъ вздумалъ жениться — по естѣ, не совсѣмъ во-время — и женился на двадцатилѣтней красавицѣ, дочери самаго ближняго сосѣда, кошорая, не смотря на молодыя лѣта свои, имѣла удивительную склонность къ меланхоліи, такъ что цѣлыя дни могла просиживать въ глубокой задумчивости; а когда говорила, то говорила умно, складно и даже съ разительнымъ краснорѣчіемъ; а когда взглядывала на человѣка, то всякому хотѣлось оспаривать на себѣ глаза ея: такъ они были привѣтливы и милы! . . . Красавицы нашего времени! будьте покойны: я не хочу сравнивать ее съ вами — но долженъ, въ изъясненіе душевной ея любезности, открытъ за тайну, что она знала жестокую; жестокая положила на нее печать свою — и мать Героя нашего никогда не была бы супругою отца его, если бы жестокой въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ сорвалъ первую фіялку на берегу Свѣяги! . . . Чипачель уже догадался; а еслии нѣтъ, то можетъ — подождать. Время снимаетъ завѣсу со всѣхъ темныхъ случаевъ. Скажемъ только, что сельская наша красавица вышла за мужъ *нелютчая душою и пѣломъ*, и что она искренно любила супруга, вопервыхъ за его добродушіе, а во-

вторыхъ и по тому, что сердце ея никѣмъ другимъ не было . . . уже занято.

Г л а в а II.

Каковъ онъ родился?

Юныя супруги, съ милымъ непрерывнымъ ожидающимъ плода отъ брачнаго, нѣжнаго союза вашего! естли вы хотите имѣть сына, то какимъ его воображаете? Прекраснымъ? . . . таковъ былъ Леонъ. Бѣленькимъ, полненькимъ, съ розовыми губками, съ Греческимъ носикомъ, съ черными глазками, съ кофейными волосками на кругленькой головкѣ: не правда ли? . . . таковъ былъ Леонъ. Теперь вы имѣете объ немъ идею: поцѣлуйте же его въ мысляхъ, и ласковою улыбкою ободрите младенца жить на свѣшѣ, а меня бытъ его Историкомъ!

Г л а в а III.

Его первое младенчество.

Но что говорить о младенчествѣ? оно слишкомъ просто, слишкомъ невинно, а по тому и совсемъ нелюбопытно для насъ, испорченныхъ людей. Не спорю, что въ нѣкоторомъ смыслѣ можно назвать его щасливымъ временемъ, истинною Аркадією жизни; но пошому - по и нечего

нисать объ немъ. Спроси, спроси! какъ вы ни жестоки, какъ ни пагубны для нашего спокойствія, но безъ васъ нѣтъ въ свѣтѣ ничего прелестнаго; безъ васъ жизнь наша есть прѣсная вода, а чело-вѣкъ кукла; безъ васъ нѣтъ ни прогашельной исторіи, ни занимательнаго романа. Назовемъ младенчество прекраснымъ лужкомъ, на которой хорошо взглянуть, которой хорошо похвалишь двумя, тремя словами, но котораго описывать подробно не совѣтую никакому стихотворцу. Спрашныя дикія скалы, шумныя рѣки, черныя лѣса, Африканскія пустыни, дѣйствуютъ на воображеніе сильнѣе долинъ Темпейскихъ. Какъ? для чего? не знаю; но знаю то, что самой нѣжной другъ дѣтей, хваля и хваля ихъ невинность, ихъ счастье, скоро будешь звать и задремлешь, если ли глазамъ или мыслямъ его не предсавится чтонибудь совсѣмъ противное сей невинности, сему счастью.

Однакожь чинатель обидитъ меня, еслили подумаешь, что я такимъ опзывомъ хочу закрыть песчаную бесплодность моего воображенія и скорѣе посадивъ почку. Нѣтъ, нѣтъ! клянусь Аполлономъ, что я могъ бы набрать довольно цвѣтковъ для украшенія этой главы; могъ бы, не ошходя ошъ исторической истины, опи-

сапъ живыми красками нѣжность Леоновой родительницы; могъ бы, не нарушая ни Аристотелевыхъ ни Горациевыхъ правилъ, десять разъ перемѣнить слоги, беспрерывно паря вверхъ и плавно опускаясь внизъ, — по рисуя карандашемъ, по расширявая кистью — мѣшая важныя мысли для ума съ прогашельными чертами для сердца; могъ бы, на примѣръ, сказать:

„Тогда не было еще Эмиля, въ которомъ Жанъ Жакъ Руссо такъ краснорѣчиво, такъ убѣдительно говоритъ о священномъ долгѣ матерей, и чиная котораго прекрасная Эмилія, милая Лидія, отказываются нынѣ опъ блестящихъ собраній, и нѣжную грудь свою открываютъ не съ намѣреніемъ прельщатьъ глаза молодыхъ сластолюбцевъ, а для того, чтобы пищать ею своего младенца; тогда не говорилъ еще Руссо, но говорила уже Природа, и мать Героя нашего сама была его кормилицею. И такъ не удивительно, что Леонъ на зарѣ жизни своей плакалъ, кричалъ и немогъ рѣже другихъ младенцевъ: молоко нѣжныхъ родительницъ есть для дѣшей и лучшая пища и лучшее лекарство. Опъ колыбели до маленькой кроватки, опъ жестяной гремушки до маленькаго раскрашеннаго конька, опъ первыхъ не-

„спройныхъ звуковъ голоса до внятнаго
 „произношенія словъ, Леонъ не зналъ
 „неволи, принужденія, горя и сердца.
 „Любовь пипала, согрѣвала, шѣшила,
 „веселила его; была первымъ впечатлѣ-
 „нїемъ его души, первою краскою, первою
 „чершою на *бѣломъ листѣ ея чувствитель-*
 „*ности* (*). Уже внѣшніе предметы начали
 „возбуждать его вниманіе; уже и взоромъ,
 „и движеніемъ руки, и словами часто
 „спрашивалъ онъ у матери: *что вижу?*
 „*что слышу?* уже научился онъ ходить и
 „бѣгать — но ничто не занимало его такъ,
 „какъ ласки родительницы; никакова
 „вопроса не повторялъ онъ столько часто,
 „какъ *маменька! что тебѣ надобно?* никуда
 „не хопѣлъ ийти отъ нее, и только ходя
 „за нею ходить научился.“

Не правда ли, что это могло бы ино-
 му полюбиться? Тутъ есть и живопись
 и анпишезы и прїятная игра словъ. Но
 я могъ бы ийти еще далѣе, могъ бы
 прибавить:

„Вотъ основаніе характера его! Пер-
 „вое воспипаніе едва ли не всегда рѣшилъ
 „и судьбу и главныя свойства человѣка.

(*) Локкѣ говоришь, кажется, что душа рож-
 деннаго младенца есть бѣлый листъ бумаги.

„Душа Леонова образовалась любовью и
 „для любви. Теперь обманывайте, тер-
 „зайте его, жестокие люди! онъ будетъ
 „вздыхать и плакать; но никогда — или
 „по крайней мѣрѣ долго, долго сердце его
 „не отвыкнетъ отъ милой склонности
 „наслаждаться собою въ другомъ сердцѣ,
 „не отстанетъ отъ нѣжной привычки
 „жить для кого нибудь, не сморятъ на
 „всѣ горести, на всѣ свирѣпыя бури,
 „которыя волнуютъ жизнь чувствитель-
 „ныхъ. Такъ вѣрный подсолнечникъ не
 „перестаетъ никогда обращаться къ солн-
 „цу; обращается къ нему и тогда, какъ
 „грозная облака закрываютъ свѣтило
 „дня — и поутру и ввечеру — и тогда,
 „какъ самъ онъ начинаетъ уже вянуть
 „и сохнуть; все, все къ нему обращает-
 „ся, до послѣдней минутой расцвѣтель-
 „наго бытiя своего!“

Надѣюсь, что одинъ Зоилъ не похва-
 лилъ бы сей тирады, особливожь новаго,
 разительнаго сравненiя чувствительныхъ
 сердецъ, которыя всегда стремятся къ
 любви, съ двѣшникомъ подсолнечникомъ,
 всегда клонящимся къ солнцу. Надѣюсь,
 что нѣкоторыя милыя мои читатель-
 ницы вздохнули бы изъ глубины сердца
 и вѣдали бы вырѣзать сей двѣшокъ на
 своихъ печатяхъ.

„Конецъ главѣ!“ скажетъ читатель. Нѣтъ, я могъ бы еще многое придумать и раскрасить; могъ бы наполнить десять, двадцать страницъ описаніемъ Леонова дѣтства; на прамѣрь, какъ мать была единственнѣйшимъ его лексикономъ; то есть, какъ она учила его говорить, и какъ онъ, забывая слова другихъ, замѣчалъ и помнилъ каждое ея слово; какъ онъ, зная уже имена всѣхъ пшпчекъ, которыя порхали въ ихъ саду и въ рощѣ, и всѣхъ цвѣтковъ, которыя росли на лугахъ и въ полѣ, не зналъ еще, какииъ именемъ называютъ въ свѣтѣ дурныхъ людей и дѣла ихъ; какъ развивались первыя способности души его; какъ быстро она вбирала въ себя дѣйствія внѣшнихъ предметовъ, подобно весеннему лужку, жадно впитывающему первый весенній дождь; какъ мысли и чувства раждались въ ней подобно свѣжей Апрельской зелени; сколько разъ въ день, въ минушу, нѣжная родительница цѣловала его, плакала и благодарила Небо; сколько разъ и онъ маленькими своими рученками обнималъ ее, прижимаясь къ ея груди; какъ голосъ его тверже и шверже произносилъ: *люблю тебѣ, маменька!* и какъ сердце его время отъ времени чувствовало это живѣе!

Слова мои текли бы рѣкою, еспьли бы я только хотѣлъ войти въ подробности; но не хочу, не хочу! Мыѣ еще многое надобно описывать; берегу бумагу, вниманіе читателя и . . . конецъ главѣ!

Г л а в а IV,

Которая написана только для пятой.

Государи мои! вы читаете не романъ, а былъ: слѣдственно Авторъ не обязанъ вамъ давать опчепа въ произшествіяхъ. *Такъ было точно!* . . . и болѣе не скажу ни слова. Кспати ли? у мѣсна ли? не мое дѣло. Я иду только съ перомъ въ слѣдъ за судьбою, и описываю, что шворитъ она по своему всемогуществу — для чего? спросите у нее; но скажу вамъ напередъ, что отвѣта не получите. Семь тысячъ лѣтъ (еспили вѣрите Хронографамъ) чудеситъ она въ мірѣ, и никому еще не изъяснила чудесъ своихъ. Заглянемъ ли въ Испорію, или посмотримъ, что вокругъ насъ дѣлается: вездѣ Сфинксовы загадки, копорыхъ и самъ Эдипъ не опгадаешъ. — Роза вянешъ, шерніе оспаешся; сполѣпный дубъ, благодѣтель спранниковъ, падешъ на землю отъ громоваго удара: яшвиное дерево спомашъ не-вредимо на своемъ корнѣ. ПЕТРЪ Вели-

кій, среди благодушельныхъ плановъ для опечеснва, хладѣешь въ обяпяхъ смерти: ничпожный человекъ не рѣдко два раза изъ вѣка въ вѣкъ переходитъ. Юный щаспливецъ, котораго жизнь можно называть улыбкою Судьбы и Природы, угасаешь въ минушу какъ метеоръ: малолѣтние сироты шоскуютъ на могилѣ отца: злополучный, не нужный для свѣта, шягостный для самого себя, живешь, и не можешь дождашься конца своего. . . . Чпожь намъ дѣлать? Плакать, у кого есть слезы, и хопя изрѣдка ушѣшашься мысляю, чпо здѣшний свѣтъ есть только Прологъ Драмы!

Г л а в а V.

Первый ударъ Рока.

Дунуль сѣверный вѣтеръ на нѣжную грудь нѣжной родительницы, и Геній жизни ея погасилъ свой факелъ! Да, любезный чипашель, она простудилась, и въ девятый день съ мягкой постели переложили ея на жесткую: въ гробъ — а шамъ и въ землю — и засыпали, какъ воднися — и забыли въ свѣтъ, какъ воднися. . . . Нѣтъ, поговоримъ еще о послѣднихъ ея минушахъ.

Герой нашъ былъ тогда семи лѣтъ. Во всю болѣзнь мащери онъ не хотѣлъ иппи прочь опъ ея постели; сидѣлъ, стоялъ подлѣ нее; глядѣлъ безпрестанно ей въ глаза; спрашивалъ: „лучше ли тебѣ, милая?“ *Лучше, лучше*, говорила она, пока говорить могла — смотрѣла на него: глаза ея наполнялись слезами — смотрѣла на небо — хотѣла ласкать любимца души своей, и боялась, чтобы ея болѣзнь не пристала къ нему — по говорила съ улыбкою: *сядь подлѣ меня!* по говорила со вздохомъ: *поди отъ меня!* . . . Ахъ! онъ слушался только перваго; другому приказанію не хотѣлъ повиноваться.

Надобно было силою оппащипъ его отъ умирающей. *Постойте, стойте!* кричалъ онъ со слезами: *маменька хотѣтъ мнѣ что-то сказать; я не отойду, не отойду!* . . . Но маменька опощла между тѣмъ отъ здѣшняго свѣта.

Его вынесли, хотѣли утѣшать: напрасно!.. онъ твердилъ одно: *къ милой!* вырвался наконецъ изъ рукъ няни, прибѣжалъ, увидѣлъ мершвую на сполѣ, схватилъ ея руку: она была какъ дерево — прижался къ ея лицу: оно было какъ ледъ. . . . *Ахъ, маменька!* закричалъ онъ, и упалъ на землю. Его опашь вынесли, больнова, въ сильномъ жару.

Отецъ рвался, плакалъ: онъ любилъ супругу, какъ только могъ любить. Сердцу его извѣсны были горести въ жизни; но сей ударъ Судьбы казался ему первымъ несчастіемъ

Съ блѣднымъ лицомъ, съ распущенными сѣдыми волосами стоялъ онъ подлѣ гроба, когда оспѣвали усопшую; рыдая прощался съ нею; съ жаромъ цѣловалъ ея лицо и руки; самъ опускалъ въ могилу; бросилъ на гробъ первую горсть земли; спалъ на колѣни; поднималъ вверхъ глаза и руки; сказалъ: *на небесахъ душа твоя! мнѣ не доле жить остается!* и тихими шагами пошелъ домой. Сынъ его лежалъ забывши; онъ сѣлъ подлѣ кровати и думалъ: *не уже ли и ты пойдешь въ слѣдъ за матерью? не уже ли вы меня одного оставите? . . . Да будетъ воля Всевышняго!* — Леонъ открылъ глаза, вспалъ и протянулъ къ опцу руки, говоря: *гдѣ она? гдѣ она?* — „Съ Ангелами, другъ мой!“ — И не будетъ къ намъ назадъ? — „Мы къ ней будемъ.“ — Скоро ли? — „Скоро, другъ мой; время лепить и для печальныхъ.“ — — Они обнялися, заплакали: спарецъ лилъ слезы вмѣстѣ съ младенцемъ! . . имъ спало легче.

И ты, благошворное время! спѣши излить цѣлебный свой бальзамъ на рану

ихъ сердца! И ты, подобно Морфею, рассыпаешь маковые цвѣты забвенія; брось нѣсколько цвѣшочковъ на юнаго моего Героя: ахъ! онъ еще не созрѣлъ для глубокой, непрестанной горести; и много, много еще будетъ ему случаевъ поскокать въ жизни! Пощади его младенчество! Не забудь упѣшить и старца: онъ былъ всегда добрымъ человѣкомъ; рука его, вооруженная лютымъ долгомъ война, убивала гордыхъ непріятелей, но сердце его никогда не участвовало въ убійствѣ; никогда нога его, въ самомъ пылу сраженія, не спупала безчеловѣчно на трупы несчастныхъ жертвъ; онъ любилъ погребать ихъ и молился о спасеніи душъ. Благопворное время! успокой старца; дай ему еще нѣсколько мирныхъ лѣтъ, коня для того, чтобы онъ могъ посвящать ихъ на воспитаніе сына. Пусть иногда воспоминающъ они о любезной, но безъ поски и спраданія; пусть ударъ горести изрѣдка опдается въ ихъ сердца, но тише и тише, подобно эху, которое повторяется слабѣе, слабѣе, и наконецъ... замолкаетъ.

Читатель! я хочу, чтобы мысль о покойной осталась въ душѣ твоей: пусть она пришаиня въ глубинѣ ея, но не исчезнетъ! Когда нибудь мы дадимъ себѣ

въ руки маленькую тетрадку — и мысль
 сія оживилась — и въ глазахъ своихъ
 сверкнушъ слезы — или я... не Авторъ
 Б. Ф.

(Продолженіе влредь.)

VI.

Къ Л, на смерть подруги его.*

(Подражаніе Горацию.)

Какъ не скорбѣшь о томъ, что сердцу было
 мило?
 Скончалась! иѣшъ ее!... какъ горькихъ слезъ
 не лишъ?
 Вы были созданы другъ друга вѣкъ любить,
 И Небо горизонтъ швой свѣшлый помрачило!

*

Съ душой прелестною она умомъ плбняла;
 И въ кротости, любви, что былъ подобенъ ей?
 Ты ю жилъ одной, она тобою дышала:
 Кто можетъ болѣ воспоминашъ о ней?

*

Но щещно слезы льешь, но щещно вопро-
 шаешь,
 Гдѣ ммая швая? Съ тобою милой иѣшъ!
 Лишь хладну плбнь ея въ мечшаны обнимаешь.
 Увы! Судьба на часъ намъ радости даешъ!

*

Хотя бы ты имѣлъ Орфеевъ даръ, искусство,
И все одушевлялъ ты лирою своей,
Но милой возвратишь не могъ бы жизнь и
чувство:
Смерть алчная сильна — все здѣсь покорно ей!

*

Кто утѣшаетъ насъ? Одно терпѣнье, время;
Душею съ нею ты соединенъ навѣкъ.
Пить чашу горести, сносишь несчастій бремя: —
Таковъ швой въ мирѣ путь, о бѣдный человекъ!

В. Пушкинъ.

VII.

Э Л Е Г И Я (*).

Ainsi s'eteint tout ce qui brille un moment sur
la terre!

J. J. Rousseau.

Угрюмой Осени мершвящая рука
Уныніе и мракъ повсюду разливаешь;
Холодной, бурной въпрѣ поля опустошаешь,
И грозно пѣнишься ревущая рѣка.

(*) Это сочиненіе молодого человека съ удовольствіемъ помѣщаю въ Вѣстникъ. Онъ имѣетъ вкусъ, и знаетъ, что такое пѣпическій слогъ. Нѣкоторыя стихи прекрасны, какъ-то увидяшъ Чичинели. Со временемъ любезный Сочинитель будетъ конечно оригинальнѣе въ мысляхъ и въ оборотахъ; со временемъ о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ онъ найдеть способъ говорить по-своему. Это бываетъ

Гдѣ пѣсни мирныя доселѣ просширались,
 Безнечной радости гдѣ пѣсни раздавались,
 Поблекшіе лѣса въ безмолвіи стояшѣ;
 Туманы спелюшся надѣ доломѣ, надѣ холмами.

Гдѣ сосны древнія задумчиво шумяшѣ
 Усопшихѣ поселянѣ надѣ мирными гробами;
 Гдѣ все вокругѣ меня глубокой сонѣ шягчишѣ,
 Лишь колоколѣ ночью одинѣ вдали звучишѣ,
 И медленныхѣ часовѣ при помномѣ *удареньи*
 Въ пущыхѣ развалинахѣ я слышу стонѣ глу-
 хой —

На камнѣ гробовомѣ печальный, шихій *Геній*
 Сидишѣ въ молчаніи, сѣ поникшею главою;
 Его прискорбная улыбка мнѣ вѣщаетѣ:

„Смотри, какѣ сохнетѣ все хладѣешѣ, исплѣ-
 ваешѣ;
 Смотри, какѣ грозная, безжалостная *смерть*
 Всѣ ваши радости на вѣки поглощаетѣ!
 Все жило, все цвѣло, чтобѣ послѣ *умереть!*“

О ты, кого еще надежда обольщаетѣ —
 Бѣги, бѣги сихѣ мѣстѣ, щастливый человекѣ!
 Но вы, несчастные, гонимые Судьбою —
 Вы, кои въ мирѣ семѣ простилися навѣкѣ
 Блаженства сѣ милою, прелестною мечшою,
 Въ чьихѣ горестныхѣ сердцахѣ умолкѣ веселья
 гласѣ!

дѣйствіемѣ таланта, возрастающаго сѣ лѣ-
 тами. Замѣчу еще, что многія рѣшѣнныя слиш-
 комѣ *легки*, а другія не совѣмѣ правильны.
 И въ безлѣтцахѣ неудобно исполняшѣ *условія*,
 хотя для того, чтобѣ несчастные Свико-
 шворды не привязывались сѣ щастливымѣ, по
 есть, рожденнымѣ сѣ истиннымѣ талантомѣ.

Придите: здѣсь еще блаженство есть для васъ!
 Съ любезною навѣкъ, иль съ другомъ *разлу-*
ченный!

Приди сюда о нихъ въ свободѣ размышлять.
 И въ самыхъ горешяхъ насъ можетъ утѣшать
 Воспоминаніе, минувшихъ дней *блаженныхъ!*

Ахъ! только имъ однимъ спрадалецъ и жи-
 веть!

Пускай щаспливца міръ къ веселію зоветь:
 Но ты, во цвѣтѣ лѣтъ сраженная Судьбою,
 Приди, приди сюда бесѣдовать съ тоскою!

Ни юность, для другихъ заря прекрасныхъ дней,
 Ни прелести ума, ни рай души твоей,
 Которой все вокругъ себя щасливо было,
 Ничто, ничто Судьбы жестокой не смягчило!
 Какъ будто въ сладкомъ снѣ узнала счастье ты,
 Проснулась — и ужь нѣтъ пѣлищельной мечны!
 Напрасно въ слѣдъ за ней душа твоя спремилась,
 Напрасно хочешь ты опять заснуть, мечтать:
 Ахъ! тотъ, когобъ еще хотѣла ты прижать
 Къ изсохшей груди — плачь! — ужь онъ не
 возвратишься

Вовѣкъ Здѣсь будешь ты оплакивать его,
 Всѣхъ въ жизни радостей на вѣки съ нимъ ли-
 шенна;

Здѣсь бурной осенью Природа обнажена
 Раздѣливъ съ нѣжностью грусть сердца твоего;
 Печальный мракъ ея съ душой твоей сходилъ.
 Тебѣ ли радости въ мірскомъ шуму *найти?*
 Одинъ увядшій листъ несчастному милае,
 Чѣмъ всѣ блестящіе весенніе *цвѣты.*

И горести сносите въ объятіяхъ свободы!
 Зѣсь съ нимъ тебя ничто, ничто *не раздѣ-*
литъ :
 Зѣсь все тебѣ о немъ лишь будетъ *говорить*.
 Съ улыбкой шомною ошцвѣшшія Природы
 Его послѣднюю улыбку вспомнишь ты ;
 А тамъ, узрѣвъ цвѣшовъ печальные *слѣды*,
 Ты скажешь : гдѣ они ? зѣсь только прахъ
 ихъ плѣтеъ,
 И скоро бурный вихрь и самый прахъ развѣтеъ !
 И время быстрое блаженства швоего,
 И тѣнь священная, и образъ вѣчно милой,
 Воскреснутъ, оживутъ въ душѣ твоей унылой.
 Ты вспомнишь, какъ сама цвѣла въ глазахъ его!
 Какъ нѣжная рука тебя образовала,
 И прелестью добра тебя къ добру влекла ;
 Какъ ты всѣ радости въ его любви вмѣщала,
 И радостей иныхъ поспигнуть не могла ;
 Какъ раемъ для тебя казалась вся вселенна...
 Но жизнь обманъ ; а ты, минушой оболъщенна,
 Хотѣла вѣчно жить для счастья, для него ;
 Хотѣла — громъ гремитъ — ты видишь...
 гробъ его !...

Что счастье ? Быстрый лучъ сквозь мрач-
 ныхъ пучъ *осеннихъ* :
 Блеснетъ — и только лишь несчастный въ
восхищеніи
 Къ нему объятія и взоры усипремишь :
 Уже сокрылось все, чѣмъ бѣдный веселился ;
 Ошрадный лучъ изчезъ, и мракъ надъ нимъ
 сгущился,
 И онъ обманутый, расшерзанный спониль,
 И Небо горестной слезою укоряешь !

Такъ! щасья въ мѣрѣ нѣтъ; и кпо жи-
 вѣшь, спрадаемъ!
 Напрасно хочешь ты, о добрый другъ людей!
 Найми спокойствіе внутри души твоей;
 Напрасно будешь ты сей мыслью веселишься,
 Что съ мирной совѣстью твоей духъ не возму-
 тится!
 Пусть съ доброю душой для щасья ты рожденъ;
 Но бывъ несчастными опсуду окруженъ,
 Но бѣдствій ближняго со всѣхъ сторонъ сви-
 дѣтель —
 Не будешь для себя блаженствомъ добродѣтель!
 Какъ часто доброму опрада лишь въ слезахъ,
 Спокойствіе въ землѣ, а щасье въ небесахъ! — —

Не вѣчно и тебѣ, не вѣчно здѣсь поминься!
 Утѣшься; и шуда твоей взоръ да устремится,
 Гдѣ твоей смущенный духъ найдетъ себѣ покой,
 И позабудешь все, чѣмъ онъ терзался прежде;
 Гдѣ вѣра не нужна, гдѣ мѣста нѣтъ надеждъ;
 Гдѣ царство вѣчное одной любви святой!

ПОЛИТИКА.

I.

Жизнь Туссеня Лувертюра.

Сен-Домингскіе Африканцы покорились Французамъ. Славный Туссень сдался; однакожь на условіяхъ: Генераль Леклеръ именемъ Республики далъ ему слово забыть все прошедшее и оставить его въ покоѣ. Слѣдующія вѣрныя извѣстія о жизни сего человѣка (копорого одни называютъ Спартакомъ, другіе разбойникомъ) кажутся намъ достойными примѣчанія.

Туссень Луверпюръ родился въ 1743 году въ сѣверной части Сен-Домингской Колоніи, недалеко отъ Капа. Осужденный со всѣми Неграми на вѣчное рабство, онъ долженъ былъ въ молодыхъ лѣтахъ своихъ пасти стадо. Имѣя довольно свободнаго времени и дѣятельный отъ природы умъ, Туссень вздумалъ учиться грамотѣ, и съ книгою въ рукѣ саживалъ на берегу рѣки, въ лѣсу и на лугахъ. Другіе Негры, видя успѣхи его, гордились имъ, и радовались, что коня одинъ изъ нихъ можетъ равняться въ знаніяхъ съ Бѣлыми.

Господинъ Баю, Бредскій Прокураторъ, взялъ его къ себѣ въ кучера; и хотя вообще со всѣми Неграми обходился жестоко, однакожь полюбилъ Туссеня, и скоро сдѣлалъ его надзирателемъ надъ другими невольниками.

Тогда началась Революція. Туссенъ долго не бралъ никакого участія въ бунтѣ Негровъ, и не обагрилъ рукъ своихъ въ крови Бѣлыхъ, варварски умерщвленныхъ въ 1791 году. Дружеская связь, копорую онъ имѣлъ съ главными бунтовщиками: Букманомъ, Біассу и Жаномъ Франсуа, не заставила его быть неблагодарнымъ противъ господина; онъ даже явно осуждалъ ихъ за варварство, и называлъ злодѣями. И такъ не мудрено, что господинъ, который въ несчастномъ соспояннїи Колонїи могъ самъ быть жертвою свирѣпыхъ Негровъ, сердечно привязался къ Туссеню, и зная, что они съ радостію выбрали бы его въ начальники, естъли бы онъ захопѣлъ соединиться съ ними, удивлялся добродѣтели своего невольника.

Но вдругъ открылось, что сія добродѣтель была только хищрымъ лицемеріемъ и происходила отъ боязни, что Негры не успѣютъ въ своемъ предпрїятїи. Видя ихъ удачу, и полагая, что время дѣй-

спивовать для него настало, Туссень оставилъ господина и пришелъ въ лагерь къ Біассу, который ему обрадовался какъ надежному другу, и сдѣлалъ его Секретаремъ своимъ.

Тогда открылись воинскія способности и природная свирѣпость Туссенева. Біассу употреблялъ его во всѣхъ опасныхъ случаяхъ, и въ награду за храбрость назвалъ Капитаномъ своей арміи. Въ это время произошло несогласіе между главными бунповѣщиками: Туссень рѣшился имъ воспользоваться, и желая быть первымъ, соединился съ Жаномъ Франсуа, врагомъ Негра Біассу, чѣмъ погубилъ своего благодѣтеля и заслупилъ его мѣсто.

Однажды, когда Біассу отдыхалъ въ своей палаткѣ, пришли сказать ему, что Жанъ Франсуа окружилъ его лагерь съ 8000 Негровъ и хочетъ взять его въ плѣнъ. Біассу схватилъ свое оружіе, выбѣжалъ изъ палатки, велѣлъ ударить сборъ, и приказалъ своему Капитану послать войско въ ружье. Туссень исполнилъ приказаніе; но вмѣсто того, чѣмъ опразилъ Жана Франсуа, схватилъ Генерала своего и выдалъ его непріятелю. Біассу былъ разжалованъ и опвѣденъ плѣнникомъ во внутренности острова, а Туссень сдѣлался начальникомъ дивизіи, и

слѣдовалъ во всемъ примѣру жестокосердаго Біассу, пока другія общошпельства не заставили его играть другой роли.

Война, которая началась въ Европѣ между Французскою Республикою и Монархами, скоро запылала и въ Колоніяхъ Американскихъ. Вѣрные Французы въ Сен-Доминго, сражаясь съ Неграми, приславшими къ Эмигрантамъ и Роялистамъ, еще должны были воевать съ Англичанами, которые беспокоили ихъ берега, и съ Гишпанскими селеніями, которые порожественно объявили имъ войну.

Когда Гишпанцы въ 1795 году старались умножить силы свои всеми врагами Французской Республики, тогда они призвали къ себѣ въ Сен-Доминго Жана Франсуа и Туссеня, назвавъ перваго Генералъ - Порутчикомъ Гишпанскихъ войскъ, а втораго Фельдмаршаломъ; и такимъ образомъ сѣи два Негра явились въ лентахъ, съ звѣздами и со всеми знаками благороднаго Рыцарства. Гордясь такимъ лестнымъ преимуществомъ, они ревностно старались заслужить милость Гишпанскаго Правленія, и вели съ Республиканцами свирѣпую войну, достойную Африканскихъ варваровъ. Всякой Французъ, которой попадался имъ въ руки, былъ мученикомъ. Окруженные Эмигрантами

и священниками, сіи Негры считали себя законными мстителями Королей и Религии; яростный фанатизмъ ихъ требовалъ крови и жертвъ. Едва ли въ самомъ Вандейскомъ междоусобіи можно найти примѣры той лютоści, которая была характеромъ Сен - Домингской, почти двулѣтней войны. Напрасно Французскіе Комиссары, Польверель и Санпонаксъ, хотѣли усовершенствоватьъ безчеловѣчныхъ, и предлагали имъ миръ, свободу и защиту. Туссень отвѣчалъ Комиссарамъ слѣдующимъ, примѣчаніемъ доспойнымъ письмомъ отъ 28 Августа 1795: „Мы не можемъ признашь Республики, и съ начала мѣра повинувались только Царямъ. У насъ ошнляли Короля Французскаго; но Король Гишпанскій любитъ насъ, награждаетъ за вѣрность и помогаетъ намъ. Мы не признаемъ и васъ, Комиссаровъ; а естли хотите дружбы нашей, то возстановите тронъ во Франціи.“ — Это письмо было сочинено Гишпанскимъ священникомъ, который назывался Туссеневымъ духовникомъ. Сей Африканскій Генераль написалъ еще другое письмо къ брату своему въ Капъ такого же содержанія.

Между тѣмъ начались шасливые успѣхи Французовъ, и Гишпанцы поше-

ряли довѣренность къ геройству Негровъ Туссенъ Лувершюръ , предвидя конецъ службы своей , и боясь даже бысть жертвою мира , рѣшился пристать къ другой сторонѣ. Обстоятельства новой измѣны были столь же ужасны, какъ и первой. Руки его дымились кровію Французовъ, когда онъ передался къ Гишпанцамъ; вздумавъ опять возвратиться подъ знамена Республики, онъ обагрилъ свой гнусный лавръ кровію Гишпанцевъ.

Губернаторъ Гишпанскихъ владѣній въ Сен-Доминго, Донъ Іоакимъ Гарсія, велѣлъ Туссеню, стоявшему въ Мармеладѣ, бысть подъ командою Маркиза Гермоны, искуснаго и храбраго Офицера. Тамъ, 25 Іюня 1794, послѣ обѣдни, причастія и всѣхъ наружныхъ знаковъ великой набожности, Туссенъ вышелъ изъ церкви, сѣлъ на лошадь, окружилъ своими войсками Гишпанскій лагерь, и хладнокровно велѣлъ рѣзать всѣхъ, не только солдатъ, но и женщинъ, младенцевъ, спариковъ. Негры его разграбили дома чистыхъ людей, казну Государственную и церкви во всѣхъ селеніяхъ, когорыя были тогда заняты Гишпанскими войсками. За три часа передъ шѣмъ Туссенъ снова далъ клятву, въ присущствіи Дона Гарсиа и Маркиза Гермоны, служить вѣрно Гишпанскому

Королю. Опустошивъ большую часть Колоніи, онъ спѣшилъ въ Поръ-де-Пе къ Генералу Лаво, тогдашнему Французскому начальнику, и присягнулъ Республикѣ.

Сему Генералу, знавшему всѣ дѣла Туссеневы, трудно было повѣрить такому человѣку. У него опіяли начальство, со всѣхъ сторонъ примѣчали за нимъ, и казалось, что сей Негръ уже сошелъ съ политическаго театра; но бѣдственный случай опять вывелъ его на сцену, открывъ ему новый путь честолюбія.

Въ Ваншозѣ мѣсяцъ четвертаго Республиканскаго лѣта жители Капа взбунтовались противъ Генерала Лаво и взяли его подъ стражу. Туссенъ воспользовался симъ мятежемъ, собралъ 10,000 войска и со всѣхъ сторонъ окружилъ Капъ. Жители, спрашась осады, отворили ему ворота. Побѣдитель Туссенъ немедленно освободилъ Генерала, и возвратилъ ему прежнюю законную власть. Лаво, въ первомъ жару благодарности, объявилъ его торжественно мстителемъ законовъ и спасителемъ Французовъ; онъ называлъ его „Спар-такомъ“, котораго предвозвѣстилъ Республикѣ, и котораго долженъ опмститъ за всѣ бѣдствія Негровъ.“ Лаво сдѣлалъ его Дивизионнымъ Генераломъ и Порупчикомъ Сен-Домингскаго Правленія, давъ слово требо-

вѣсть во всемъ его совѣшовъ. Такимъ образомъ сей Африканецъ сдѣлался важнымъ человекомъ въ Колоніи, и могъ пріуготовить будущую роль свою, еще важнѣйшую. Онъ распускалъ слухи о совершенной независимости острова, и друзьямъ своимъ доказывалъ возможность ея. Въ сіе время пріѣхали новые Коммиссары Директоріи, чинобы обнародовать Конституцію шретъяго дѣла, и еще болѣе возвысили Туссеня, изъяснивъ ему именовъ Республики благодарности за освобожденіе Генерала Лаво и за усмиреніе острова. Въ то же время они предложили ему употребить всѣ силы для изгнанія изъ Колоніи Англичанъ, которые завоевали разныя мѣста въ Сен-Доминго. Ободренный довѣренностию Коммиссаровъ и пользуясь совѣтомъ благоразумнѣйшихъ людей Колоніи, Туссенъ опялъ у Англичанъ Мирбале, Гранъ - Буа и другія большія селенія, доказавъ въ разныхъ случаяхъ ревность свою, большіе воинскіе таланты и чрезвычайную храбрость. Въ теченіе всей войны онъ поступалъ вообще какъ должно усердному Французу, и сія эпоха была бы конечно лучшимъ временемъ его жизни, если бы она не соединялась уже съ шайными видами его власнолюбія. Еще не пришло то время, въ которое Туссенъ

могъ подружиться съ Англичанами ; ему хошѣлось заслужить прежде довѣренность Французскаго Правленія. Чего ждалъ, то и случилось. Коммиссары, въ Жерминалѣ пянаго лѣта, сдѣлали его главнокомандующимъ на островѣ. Это еще не все : слава Туссенева опдалась на берегахъ Сены ; вездѣ, особливо на каедрѣ въ Совѣтѣ Спарѣйшинѣ, превозносили дѣла Африканскаго Героя ; называли его спасителемъ Колоніи, жаркимъ Республиканцемъ ; забыли его прежнія злодѣйства, и вѣрили лицемѣрной добродѣтели, которою онъ хвалился тогда во всѣхъ рѣчахъ своихъ и прокламаціяхъ.

Въ то самое время, когда по видимому все утверждало согласіе Французскихъ Коммиссаровъ съ Туссенею, и жители острова начинали оныдыхать послѣ ужасныхъ смятеній, сей Негръ пріѣхалъ вдругъ съ эскадрономъ конницы въ Капъ, и явился въ домъ Санпонакса. Не зная его намѣренія, Санпонаксъ обошелся съ нимъ ласково, искренно и почтительно, какъ съ главнымъ Чиновникомъ острова. Прошелъ цѣлый день въ дружескихъ разговорахъ. Въ слѣдующее утро Туссень велѣлъ ударить сборъ, осмонрѣлъ войско, бывшее въ Капѣ, пригласилъ къ себѣ на обѣдъ всѣхъ воинскихъ и гражданскихъ

чиновниковъ, и вдругъ, безъ всякихъ околичностей, предложилъ имъ выслать изъ Колоніи Сантонакса. Это случилось въ самое то время, когда Вебланъ и другіе Депутаты, исключенные 18 Фрюкшидора изъ Совѣта, на каедрѣ обвиняли сего Комиссара злоупотребленіемъ власти. Время и обстоятельство доказали, что не Сантонаксъ, а Туссенъ былъ врагомъ Республики.

Зипень Манторъ, тогдашній Генераль - Адъютантъ, не хотѣлъ согласиться на предложеніе Туссенева, собралъ подчиненныхъ ему Офицеровъ и заставилъ ихъ клясться, что они умрутъ вѣрными Французами, и заспирѣявъ того, кто вздумаетъ въ Сен-Доминго ошлужиться снѣ Республики. Туссенъ, узнавъ о томъ, озлобился какъ ширъ, и далъ повелѣніе Кристофу (самому тому изверту, копорый нынѣ выжегъ городъ Капъ) взять Манпора подъ спражу; опять собралъ Офицеровъ, копорые были для него подозрительны, и спросилъ у нихъ съ грознымъ видомъ, хотѣли ли они ему повиноваться? „Гонимы (опѣчали Генераль Лавель, Башалйонной Начальникъ Клауаръ и Подковникъ Гассониль), гонимы во всемъ, что ны велишь намъ сдѣлать для блага Республики; но никогда

не согласимся на изгнаніе Коммиссара.“ Сіи вѣрные Республиканцы хотѣли даже взявъ подѣ спражу Туссеня, который, видя ихъ рѣшительность, и въ поже время узнавъ, что городское Начальство несогласно съ его мнѣніемъ, ушелъ изъ дому и собралъ войско, чтобы открыть новыя сцены кровопролитія. Сантонаксъ, не желая быть причиною междоусобной войны, рѣшился выѣхать изъ Колоніи, — и сѣлъ на корабль 7 Фрюкпидора пятого лѣта.

Товарищи его уѣхали еще прежде. Оспался одинъ Мулашъ Ремонъ, преданный Туссеню, который, чтобы нѣкоторымъ образомъ закрыть свое незаконное самовластіе, поручилъ ему гражданское начальство въ Колоніи. Однакожь, предвидя, что насильственный его поступокъ можетъ открыть глаза Директорамъ, Туссенъ немедленно отправилъ Коммиссаровъ въ Парижъ, увѣдомляя Директорію, будто Сантонаксъ хотѣлъ сдѣлать Колонію независимою и быть ея главою.

Извѣстно, съ какимъ легковѣріемъ приняли сей доносъ. Туссенъ побѣдилъ; его снова начали хвалить и величать спасителемъ оспрова. Директорія, желая изъяснить свою благодарность, послала ему богатый шипый мундиръ, драгоцѣн-

ную саблю и пистолеты Версальской фабрики.

Между тѣмъ Африканскій Генералъ разжаловалъ Коммиссара Ремона. Сей Агентъ вздумалъ играть ролю независимаго, и потребовалъ у него опчета въ суммахъ, оставленныхъ Санционаксомъ въ казнѣ. Туссень велѣлъ солдатамъ приступить къ Ремону и съ угрозами претребовать жалованья, котораго они долго не получали. Испуганный Ремонъ бросился къ нему съ просьбою, чтобы онъ избавилъ его отъ власти, несообразной съ его способностями. Туссень былъ тѣмъ доволенъ, и желая изъяснить свою милость бѣдному Ремону, отправилъ его въ Парижъ, съ титуломъ Депутата Колоніи, для засѣданія въ Законодательномъ Совѣтѣ шестаго лѣта.

(Окончаніе впродъ.)

II.

О нынѣшнихъ Министрахъ Англіи.

Господинъ Аддингтонъ, первый нынѣшній Министръ и преемникъ славнаго Пинтона, есть сынъ Лондонскаго Доктора, обязаннаго своею фортуною Лорду Чампнеу.

Аддингтонъ однихъ лѣтъ съ Пипшоу. Они вмѣстѣ учились въ Эпонской Коллеги и въ Кембричскомъ Университетѣ. Сія школьная связь обратилась въ дружбу, а дружба въ согласіе политическихъ мыслей. Пипшъ ввелъ его въ Парламентъ. Аддингтонъ вмѣстѣ съ нимъ былъ пропивникомъ тогдашняго Министрства. Пипшъ, сдѣлавшись Министромъ, употребилъ друзей своихъ въ главныя орудія Королевской спорной, и доставилъ Аддингтону важное мѣсто Оратора Нижняго Парламента, съ ежегоднымъ доходомъ шестидесяти тысячъ рублей, кромѣ 20000, которыя даются Оратору при всякомъ возобновленіи Парламента.

Аддингтонъ исполнялъ должность свою 12 лѣтъ съ великимъ отличіемъ, и всегдашнимъ безпристрастіемъ своимъ заслужилъ довѣренность всѣхъ партій, не рѣдко съ величайшею строгостію останавливая самого Пипша, когда онъ въ рѣчахъ своихъ позволялъ себѣ оскорбительныя личности; за то всякой разъ единодушно выбирали его въ Ораторы. Никто лучше Аддингтона не знаетъ швердой и слабой спорной Парламента, древнихъ его обрядовъ и теченія дѣлъ. Сверхъ того онъ имѣетъ много свѣдѣ-

нѣй, основательный умъ, прѣдвѣдательность, тонкой вкусъ, правила строгой честности и семейственныя добродѣтели; говоришь ясно, прѣятно и методически; въ обхожденіи кротокъ, шихъ и любезенъ; а характеромъ своимъ похожъ болѣе на Лорда Чапама, нежели на его сына (Питта). Не смотря на сіи блестящія свойства, знающіе люди думаютъ, что Аддингтонъ не можетъ съ такою славою исполнять должность Министра, съ какою онъ исполнялъ должность Орашора. —

Лордъ Эльдонъ, теперешній Великій Канцлеръ, былъ главнымъ гражданскимъ Судьею, и заслужилъ мѣсто Лорда Лобору, который также отправлялъ нѣкогда сію должность. Рѣдко бываетъ, чтобы два главные Судьи сряду выходили въ Канцлеры. Лордъ Эльдонъ есть искусный Юриконсулъ, и весьма свѣдуецъ какъ въ гражданскихъ, такъ и въ политическихъ или государственныхъ законахъ своего отечества. Сіи знанія открыли ему путь къ первымъ достоинствамъ. Онъ не скоро согласился принять мѣсто Великаго Канцлера; ибо оно дается не на всю жизнь, такъ какъ мѣсто главнаго Судьи. Чтобы успокоить Лорда Эльдона, Король обѣщалъ ему пенсию

въ случаѣ отспавки его. Теперь уже два отспавные Канцлера пользуются сею милостію. Лордъ Торло, который вышелъ изъ Министерства за ссору съ Пипшомъ, получаетъ 60000 рублей пенсіи, а Лобору 50000 рублей.

Имя Лорда Гакесбури, Министра иноспранныхъ дѣлъ, извѣстно въ Англійской Испоріи послѣдняго тридцатишлѣтія. Онъ сынъ Карла Дженкинсона, Бюпова ученика, Министра военныхъ дѣлъ во время Американской войны, названнаго послѣ Графомъ Ливерпулемъ. Въ придворныхъ вѣдомостяхъ именуяють его обыкновенно Господиномъ Робертомъ Дженкинсономъ, а изъ учтивости называютъ Лордомъ Гакесбури. Милость Короля къ ошцу его рано открыла ему путь чѣсполубія. Онъ учился въ Оксфордѣ, слѣдуя въ разсужденіи меноды особенному предписанію ошца, и наконецъ пупешествіями образовалъ умъ свой. Случай привелъ его во Францію къ самому началу Революціи. Гакесбури, живучи въ Парижѣ, сообщалъ Пипшу описаніе всѣхъ главныхъ полипическихъ акперовъ Франціи, и свои особенныя наблюденія. Сдѣлавшись такимъ образомъ извѣстиемъ Правленію съ хорошей сшорони, онъ еще болѣе отпичилъ себя въ Парламентѣ, когда по возвращеніи въ Ан-

глію былъ избранъ въ его Члены; бралъ всегда спорону Министровъ, и служилъ имъ своими шаланпами и краснорѣчіемъ; за что они изъявили ему свою благодарность, сдѣлавъ его Коммиссаромъ Ост-Индскихъ дѣлъ, а послѣ Инспекторомъ Менешнаго Двора, Членомъ Совѣта и Коллегіи торговыхъ дѣлъ. Онъ оказалъ важныя услуги Пипшу и Дондасу во время разныхъ нападеній Оппозиціи, или противниковъ Министерства, и прославился дарованіемъ Орапора. Ему 31 годъ онъ рѣду; онъ женатъ на дочери славнаго Графа Бристоля, Деррійскаго Епископа.

Лордъ Робертъ Гобардъ, вшорый Государственный Секретарь, засшупилъ мѣсно Дондаса. До сего времени онъ былъ совсѣмъ неизвѣстенъ публикѣ. Журналисты шупили на счетъ его и говорили, что онъ пошелъ въ Миниспры онъ бѣдноспи, и что Лади Гобардъ содержинъ трактиръ для игроковъ. Нынѣ извѣстно, что это было только злословіе. — Господинъ Йоркъ, Секретарь военныхъ дѣлъ, давно уже показывалъ себя жаркимъ другомъ прежнихъ Миниспровъ.

Никто вообще не любилъ сполько, какъ Лордъ Винсенъ, первый Лордъ Адмиральтейства. Заслуживъ своимъ достоинствомъ и дѣлами чинъ Адмирала,

онъ былъ избранъ въ Министры голосомъ общества на мѣсто Графа Спенсера ; но не хотѣлъ принять сей должности, пока не узналъ мыслей друга своего, Маркиза Лансдауна, славнаго пропивника Министровъ. Онъ вошелъ въ правленіе съ инѣмъ, чтобы испребишь всѣ злоупотребленія, копорыя вкрались въ морскую Англійскую службу.

III.

Извѣстія и замѣчанія.

Лондонъ.

Теперь вся Англія занимается выборами новыхъ Парламентскихъ Членовъ : „единственная эпоха, по словамъ Жанъ - Жака Руссо, въ которую Англійскій народъ пользуется истинною свободою!“ Но сіи выборы можно назвать полько обрядомъ : Министры невидимо управляютъ ими, соглашаясь однакожь съ лучшими людьми въ каждой округѣ. Члены Парламента раздѣляются обыкновенно на три части: на спокойныхъ и добродушныхъ флегматиковъ, которые всегда согласны съ Министрами, но всегда молчатъ, и для копорыхъ служитъ правиломъ Французская пословица: *qui ne dit mot, consent*; на людей съ талантомъ, копорые разсужденіемъ убѣждаютъ другихъ соглашаться съ сншемою

Правленія, и которые черезъ по открыва-
ютъ себѣ путь или къ Министерству
или къ другимъ важнымъ мѣстамъ госу-
дарственнымъ; и на людей съ талантомъ,
которыя входятъ въ Парламентъ съ тѣмъ,
чѣмъ во всемъ проповѣдуютъ Мини-
страмъ, не будучи ни мало врагами ихъ,
но единственно для поржества Англій-
ской свободы, столь любезной народу, и
для славы дарованій своихъ: они — по
соспавляютъ обыкновенно такъ называе-
мую *Оллозицію* или *сторону противниковъ*,
необходимыхъ въ Англіи. Если бы ни-
кто добровольно не захопѣлъ въ Парла-
ментѣ бранить Министровъ, то они пла-
тили бы за брань деньги. Таковъ духъ
сего удивительнаго народа! Кажется, что
имъ играють; но онъ доволенъ, и въ са-
момъ дѣлѣ имѣетъ причину быть доволь-
нымъ: ибо его польза бываетъ святымъ
закономъ для Министровъ, всегда умныхъ,
всегда патриотовъ, всегда окруженныхъ
спросими и просвѣщенными судьями. Какъ
скоро Министръ вздумаетъ сдѣлать что
нибудь несогласное съ выгодами народ-
ными, то голосъ общества загремитъ
противъ него, и самое большинство голо-
совъ въ Парламентѣ не будетъ ему вѣр-
ною этидою. На примѣръ, когда Пинчъ
вздумалъ спрашивать Россию войною, то
Парламентъ, не смотря на краснорѣчье

Фокса, соглашался съ Министромъ; но Англійскій народъ не хотѣлъ воевать съ ЕКАТЕРИНОЮ, и Пиппъ долженъ былъ уступить. — — Выборы представляющъ въ Англїи весьма любопытное зрѣлище для иностранцевъ. Таверны опворены; богатые люди, собирающіе голоса для себя или для друзей своихъ, угощаютъ народъ, и Лордъ дружески обнимается съ сапожникомъ. Иногда и знатныя дамы играютъ при себѣ случаѣ роли, и дѣйствіемъ своей любезности служатъ Кандидамъ. — Но не чудно ли покажется, что какое нибудь маленькое мѣстечко въ Англїи имѣетъ иногда, въ разсужденїи выборовъ, болѣе правъ, нежели большой городъ? Пиппъ, будучи нѣкогда противникомъ Министрства, требовалъ новаго, справедливѣйшаго учрежденія въ дѣлѣ столь важномъ для свободы народной; но послѣ, сдѣлавшись Министромъ, онъ нашелъ выгоды въ старинномъ положенїи: ибо гораздо легче склонить на свою сторону жишелей небольшого мѣстечка, нежели гражданъ многолюднаго города. Въ старину какой нибудь сильной человекъ выходилъ право избранія своему помѣстью, чтобы располагать имъ; а теперь оно принадлежитъ этому селенію для того, что нѣкогда было дано ему! На примѣръ, недавно про-

дали въ Англіи десятину земли съ двумя вешхими хижинами за 420,000 рублей: ибо хозяинъ ихъ имѣетъ право назначать Депутата для Парламента. Сія земля принадлежала Лорду Камельфорду, который въ 1800 году выбралъ въ Члены Парламента извѣстнаго Англійскаго Якобинца, Горна Тука. —

Военный Секретарь Йоркъ предложилъ свои счефы Нижнему Парламенту. Въ 1801 году Англійская армія состояла изъ 161,364 человекъ, и на ея содержаніе выходило 50,452,000 рублей: теперь ошанется только 95,795 человекъ, для которыхъ надобно ежегодно 30,104,000 рублей. Г. Банксъ напомнилъ Членамъ, что прежде въ мирное время Англія содержала только 17,000 войска. „Начто же теперь имѣшь столько полковъ (сказалъ онъ)? начто такія издержки? Чшо подумаюшъ въ другихъ земляхъ? Не усомнятся ли въ нашемъ миролюбіи? Мы живемъ на островѣ, любимъ свою Конституцію и наслаждаемся рѣдкими политическими выгодами: вошъ швердое основаніе нашей безопасности!“ Министръ Аддингтонъ въ отвѣтъ своемъ сказалъ между прочимъ слѣдующее: „Я „не менѣе другихъ люблю экономію; но „знаю, чшо главнымъ закономъ должно

„быть для насъ состояніе Англіи. Въ-
 „стѣ съ долгами нашими возрасли и на-
 „ши богатства. Коммерція и мануфак-
 „туры Англійскія никогда не были въ
 „такомъ цвѣтущемъ состояніи, какъ
 „нынѣ. Не говорю о будущемъ; но дол-
 „жнось моя есть предохранять отече-
 „ство отъ всѣхъ опасностей.“ Господинъ
 Робсонъ спорилъ по своему обыкновенію,
 но безъ успѣха, и Парламентъ согла-
 сился съ Министрами. Сей Робсонъ дѣ-
 лается съ нѣкотораго времени смѣ-
 лѣйшимъ рыцаремъ Оппозиціи и, ка-
 жется, имѣетъ паланты; но Журна-
 листы немилосерднымъ образомъ смѣются
 надъ нимъ, доказывая всего болѣе, что
 онъ не умѣетъ говорить природнымъ язы-
 комъ своимъ. Одинъ изъ нихъ пишетъ,
 что Г. Робсонъ ѣдетъ въ Парижъ и наѣ-
 ренъ тамъ въ какомъ нибудь пансіонѣ
 учиться по - Англійски. — Аддингтонъ,
 12 Іюня, пребовалъ еще новыхъ суммъ
 для расходовъ, и сказалъ между прочимъ,
 что проценты народныхъ долговъ сосна-
 вятъ въ нынѣшній годъ 255 милліоновъ
 рублей. —

Для сооруженія статуи Пинну со-
 брано, какъ извѣстно, 500,000 рублей, а
 для Бедфордова монумента 400,000; но
 вѣроятно, что для послѣднего соберутъ

гораздо болѣе. Удивительно, что Принцъ Валлисскій, другъ Бедфортовъ, далъ только 1000 рублей.

П а р и ж ъ.

Туссень, объявленный разбойникомъ, котораго всякому убишь дозволяешся, нашелъ способъ заключить ешьяли не славный, но по крайней мѣрѣ честный для себя миръ съ Республикою. Министръ не говоритъ объ условіяхъ; но Журналисты, имѣющіе связь съ Членами Правленія, уже хвалятъ Туссеня. Въ Наннскихъ Вѣдомостяхъ напечатано письмо Леклера къ сему славному Негру, въ которомъ онъ даешъ слово сравнить его Генераловъ съ Французскими и войско его принять въ службу Республики. „Что касается лично до васъ (говоритъ онъ), то вы же, даете покоя, и будете имъ наслаждаться. Даю вамъ свободу выбрать мѣсто.“ Сверхъ того Леклеръ требуетъ его совѣтовъ, какъ лучше способствовать успѣхамъ земледѣлія и торговли въ С. Доминго. Видно, что Туссень могъ еще прощившись Французамъ, когда они такъ дружелюбно съ нимъ раздѣлялись. Въ другомъ письмѣ изъ Колонн, напечатанномъ въ Журналахъ, сказано: „Я видѣлъ Туссеня у Генерала Леклера, и

„и долженъ былъ удивляться его уму, „швердоспи и мужеспвенному духу.“
 Еспьли Туссень вѣ самомъ дѣлѣ уменъ, то вѣ нынѣшнихъ обшояпельспвахъ онъ будетъ мирнымъ гражданиномъ Колоніи; но можетьли Франція на него положиться? Негры привыкли вѣришь и служить ему усердно; а онъ привыкъ власпвовать. Бѣлыхъ оспалось вѣ С. Доминго весьма не много: почпи всѣ земли шеперь вѣ рукахъ у прежнихъ невольниковъ. Извѣстно, сколь памощнѣй климатъ нездоровъ для Европейцовъ: Республикѣ прудно будетъ держашъ вѣ Колоніи много Французскаго войска; а полки, соспавленные изъ Негровъ, весьма ненадежны вѣ случаѣ какого нибудь новаго возмущенія. Состояніе прочихъ Французскихъ Колоній имѣетъ также свои опасности: Негры, которые памъ оспаются невольниками, не позавидуютъ ли учасши Сен-Домингскихъ, которые свободны? Предпрѣимчивость, звѣрство и храбрость сихъ людей доказаны нещаснымъ опытомъ.

Монитёръ все еце наполненъ письмами Чиновниковъ, увѣдомляющихъ Бонапарие о выборѣ его на всю жизнь вѣ Консулы. Одинакое содержаніе и разныя красивыя выраженія сихъ писемъ напоминаютъ

всякому, кто учился въ школахъ, задачи репорического класса, гдѣ всѣ ученики обрабатываютъ иногда, одинъ предметъ, украшая его особенными цѣнами. Какое неисчислимое богатство фразъ! Нѣкоторые Чиновники примѣрнымъ образомъ стараются подражать Бонапартиеву опрывистому слогу; и что строка, то параграфъ. Такъ во время Александра Великаго всѣ гнули голову на лѣвую сторону. . . . О Республиканцы! — Скоро должно быть обнародовано слѣдшее собраніе голосовъ. Вѣроятно, что Сенатъ будетъ еще на сценѣ въ семь дѣлъ; все *трезвыгайное* идетъ черезъ его руки.

Гражданинъ Лессепъ, Французскій Коммисаръ торговыхъ дѣлъ въ Санктпетербургѣ, есть самый шонъ, который путешествовалъ съ ла-Перузомъ и былъ имъ посланъ изъ Камчатки въ Парижъ. Онъ долго жилъ въ Россіи, гдѣ отецъ его отправлялъ должность Французскаго Консула.

Медицинская Школа въ Парижѣ представила Полици, что дѣтскія игрушки, раскрашенныя мѣднымъ и свинцовымъ со-спавомъ, должны быть запрещены. Дѣти обыкновенно берутъ въ ротъ все, что у нихъ въ рукахъ, и могутъ легко поглотить

вать вредное дѣйствіе металлическихъ красокъ: ибо ихъ нѣжные органы весьма чувствительны ко всему ядовитому.

Славная Рафаелева *Мадонна Делли Седіа* украшаетъ теперь кабинетъ Госпожи Бонапарте. Сія картина извѣстна всѣмъ путешественникамъ, которые были во Флоренціи и въ палацахъ Пизши.

С м ѣ с ь.

Визирь не можетъ управиться съ Египетскими Беями, не смотря на строгія Султановы повелѣнія какъ можно скорѣе усмирить бунтовщиковъ. Англичане, которыхъ еще 5000 въ Александріи, ни во что не вступающа, и только объявили Визирю, что они не будутъ помогать Беямъ и Мамелюкамъ.

Въ доказательство, сколь Гишпанское Правленіе строго и *нелюдно* въ Колоніяхъ, служилъ слѣдующее извѣстіе изъ Новаго Йорка: „Американскіе корабли, вошедшіе въ пристань Гаванны, „были въ шоръ же день изъ нее высланы; но буря заставила ихъ возвращаться въ сію гавань. Губернаторъ, „узнавъ о томъ, велѣлъ всѣхъ Капитановъ „посадить въ шорму, и черезъ нѣсколько

„дней выпустилъ ихъ единственно съ
 „шѣмъ условіемъ, чтобы они никогда не
 „дерзали заходить въ Гишпанскіе пор-
 „ты. Въ самое то время жипели Гаван-
 „ны шерпѣли крайній недосшатокъ въ
 „хлѣбѣ, копорымъ нагружены были Аме-
 „риканскіе корабли. Купцы и народъ про-
 „сили, чтобы Губернаторъ дозволилъ
 „имъ купить сей хлѣбъ; но онъ никакъ
 „не согласился.“ — Гаванна, какъ извѣ-
 стно, есть главный городъ Кубы, самаго
 большаго изъ Антильскихъ острововъ. Она
 славна своею рѣдкою пристанью, въ ко-
 порой можетъ помѣститься болѣе пы-
 сячи кораблей; славна еще опмѣннымъ
 богатствомъ церквей своихъ, сіяющихъ
 серебромъ и золотомъ.

Давно ли всѣ завидовали опмѣннымъ
 успѣхамъ и богатству Американской тор-
 говли? Нынѣ въ Новомъ Йоркѣ безпреснан-
 но открываются новыя банкротства — опъ
 того, какъ пишушь, что Англичане во вре-
 мя войны брали множесиво Американскихъ
 кораблей. Такой же феноменъ видѣли мы,
 лѣтъ за пять передъ симъ, въ Гамбургѣ,
 копорый былъ тогда средоточіемъ
 всемірной торговли, одинъ пользовался
 всѣми ея выгодами, и вдругъ удивлялъ
 Европу многочисленными банкротствами.

Разбой биваютъ всегда экомъ долго-временной войны. Два злодѣя - Муссо въ Италіи, Шиндергансъ въ Германіи - ужасали путешественниковъ и жителей. Первый хотѣлъ иракшовать съ Генуэзскимъ Начальствомъ и предлагалъ ему заплащивъ за каждаго изъ своихъ товарищей 5000 ливровъ, а за себя 6000, съ тѣмъ, чтобы его проспили, и чтобы онъ могъ жить въ свѣтѣ честнымъ человекомъ (*galant'uomo*). Ему не отвѣчали. Онъ скрылся послѣ того въ самыя дикія и неприступныя мѣста Апеннина. Нѣмецкій разбойникъ Шиндергансъ наконецъ пойманъ и судимъ теперь въ Майнцѣ. Народъ бѣжалъ видѣть его какъ чудо.

Говорятъ, что Этрурійскій Король намѣренъ возстановить Инквизицію въ Тосканѣ. Благоразумные люди считаютъ сей слухъ ядовитымъ злословіемъ, и заключаютъ, что Его Этрурійское Величество имѣетъ многихъ непріятелей, которые хотятъ вредить ему такими баснями. — Единственно то вѣрно, что Король, отдавая справедливостъ рѣдкимъ достоинствамъ супруги своей, ввелъ ее въ Государственный Совѣтъ, и желаетъ, чтобы она имѣла голосъ во всѣхъ дѣлахъ Министерства, экономіи и законодательства.

Маркизь де Ница , бывший Португальскій Министръ при Россійскомъ Императорскомъ Дворѣ, издержалъ (какъ уверяющъ) въ нѣсколько мѣсяцевъ около 500,000 рублей.

Скоро на Рускомъ языкѣ выдесть подробное описаніе дѣлъ Героя Суворова въ Италіи. Автсръ былъ самъ очевиднымъ ихъ свидѣтелемъ.

П. П. Король Сардинскій торжественно отказался отъ прона , уступивъ его брашу своему , Герцогу Аостскому.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

І Ю Л Ъ 1802.

№ 14.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Предубѣжденія женщины.

Анекдотъ (*).

Графъ де - Люзи , молодой , прекрасной , сдѣлался ужасомъ свекровей (**) и всѣхъ женщинъ , привязанныхъ къ доброму своему имени . Въ 26 лѣтъ онъ прожилъ все имѣніе , и погубилъ (какъ говорили) двухъ женщинъ , изъ копорыхъ одна развелась съ мужемъ , а другая , по Королевскому повелѣнію , заключена была въ монастырѣ . И такъ не мудрено , что Графъ славился , ужасалъ въ свѣтѣ , и что оспорожные люди

(*) Совершенно справедливой , говоритъ Авшоръ , Госпожа Жанлисъ .

(**) Слѣдственно свекрови во Франціи заботились о добромъ имени молодыхъ женщинъ болѣе , нежели машери и мужья !

убѣгали его. Онъ былъ вѣтренъ, но добръ и чувствителенъ; разорился отъ безразсудной щедрости; и тѣ, которые знали его коропко, находили въ немъ милыя свойства съ пріятнымъ умомъ. Такъ Президентъ П** любилъ его сердечно — богатой человѣкъ, проводившій большую часть года въ Водрёлѣ, Нормандскомъ замкѣ, славномъ прекрасными садами своими, веселымъ обществомъ и блестящими праздниками, которые любилъ давать хозяинъ. Президентъ былъ уже человѣкъ не молодой, умной, доброй, веселой и роскошной; кто имѣлъ пріятности и таланты для общества, могъ надѣяться на его дружбу. Графъ Люзи провелъ у него два лѣта. Онъ любезностію своею обезоруживалъ злословіе и предубѣжденіе; всякой радъ былъ съ нимъ встрѣтиться. Графъ выдумывалъ Водрельскіе праздники, сочинялъ куплеты, самъ пѣлъ ихъ, игралъ Комедіи, и хозяинъ любилъ его какъ дуну.

У Президента была родственница, вдова, славная красотою, умомъ и добродѣтелями, которая своею прогашельною нѣжностію усладила послѣдніе годы сираго ея мужа, умершаго въ Лангедокѣ. Госпожа Нельфоръ провела годъ труда въ уединеніи, и возвратилась въ Парижъ

наслаждались всѣми пріятностями богатства, независимости и совершенно непорочнаго имени. Она была уже не въ первомъ цвѣтѣ молодости: ей минуло 39 года; но разсудокъ и добродѣтельная жизнь удивительнымъ образомъ сохраняютъ свѣжесть красоты. Госпожа Нельфоръ еще сіяла прелестями. Съ основательнымъ характеромъ она соединяла основательный умъ, тонкую пронзительность и нѣжное чувство, пріобрѣтаемая въ свѣтѣ. Хвалы, которыми осыпали ея поведеніе, обратили въ ней честолюбіе на одинъ предметъ достойный его, однакожь не оправдывающій надменности; а Госпожа Нельфоръ гордилась своимъ достоинствомъ гораздо болѣе, нежели прелестями, которыми она была только *довольна!* на примѣръ такъ, какъ гордая кокетка довольна хорошимъ уборомъ, который, по ея мнѣнію, *не увеличиваетъ, но только показываетъ красоту ея.* Госпожа Нельфоръ уважала прелести для того, что онѣ даютъ еще болѣе цѣны добродѣтели и могутъ украшаться ею.

Объ ней думали по же, что говорятъ о всѣхъ добродѣтельныхъ женщинахъ; думали, что она имѣла холодной умъ и мало воображенія. Такое заключеніе всегда несправедливо: *воображеніе развратное не есть*

живое воображеніе. Не надобно большой пылкости въ мысляхъ для того, чѣобы представить себѣ удовольствія кокетства и вѣтренной любви: такія картины всегда передъ глазами. Женщина, которая плѣняется ими, видитъ только настоящее; другая презираетъ ихъ для того, что видитъ будущее, видитъ сладости; не первая, а вторая *имѣетъ* *нужду въ воображеніи.* Всегда можно сорвать плодъ слабости, но плодъ добродѣтели не скоро зрѣетъ; одна даетъ наслажденіе, другая только обѣщаетъ; порокъ держитъ въ рукѣ плачу, а награда добродѣтели въ будущемъ. Надобно имѣть сильное воображеніе, чѣобы живо представить себѣ опдаленное и полюбить благо, хотя истинное и вѣчное, но опвлеченное и невидимое — полюбить, говорю, болѣе всѣхъ признаковъ страсти.

Госпожа Нельфоръ была чувствительна и пылаго ума; но спокойствіе и гордость души давали ей видъ какой-то холодной суровости, хотя и неприпворной, но въ самомъ дѣлѣ несогласной съ ея характеромъ. Никто бы въ обществѣ не былъ пріятнѣе Госпожи Нельфоръ, если бы опшѣнное уваженіе всѣхъ людей не испортило ее; ибо всякая хвала, и ложная и справедливая, испортишь человека,

если бы онъ ею гордился. Любезная вдова была излишно строга и суха въ обхожденіи съ людьми, извѣстными по дурнымъ слухамъ; она не думала, что гораздо цѣлѣе мудреннѣе и пристойнѣе имѣть крошечную снисходительность, которая не хочетъ знать соблазнительныхъ анекдотовъ или по крайней мѣрѣ вѣрить имъ; напротивъ того грубое презрѣніе напоминаетъ ихъ, и бываетъ нескромною жестокостію.

Госпожа Нельфоръ прѣехала изъ Лангедока въ Парижъ весною. Президентъ былъ въ Водрѣлѣ. Она увѣдомила его черезъ письмо, что скоро будетъ къ нему на цѣлой мѣсяць. Онъ сердечно уважалъ и любилъ свою племянницу; сверхъ того, давно не видавъ ее, могъ на случай ея прѣзда давать праздники. Президентъ увѣдомилъ о томъ Графа Люзи, которой чрезмѣрно обрадовался. — И такъ вы знаете мою племянницу? спросилъ хозяйнѣ. „Видѣлъ два раза, опивчалъ Графъ, и сердечно удивлялся красотѣ ея.“ — Любезной другъ! берегись влюбиться! — „Для чего? мы оба свободны.“ — Тебѣ 26 лѣтъ, а характеру твоему пятнадцать; ей 32 года, и разумъ ея никогда не былъ молодъ. Вообрази себѣ совершенство благо-разумія и хладнокровія! Она мила, но (между нами будь сказано) спрашна какъ

уголовной судья. Къ тому же я увѣренъ, что ей насказали о тебѣ ужасы. — „Дай Богъ!“ — Какъ? — „Она болѣе замѣшивъ меня.“ — А предубѣжденіе? — „Нѣтъ нужды; главное дѣло бытъ замѣченнымъ.“ — Любезной другъ! это единственная женщина! — „Къ такой именно должно мнѣ навсегда привязаться. Скажите, весела ли она?“ — Иногда; только горда до крайности и презираетъ молодыхъ людей, которые считающаея въпреными; не перепитъ похвалы и ни малѣйшаго вида лести „Разумѣю. Увѣренная въ способахъ нравиться, она хочетъ вселять боязливое почтеніе; это хорошо знаешь. Ахъ! еслили бы мнѣ удалось заслужить отъ нее какую нибудь важную грубость!“ . . . Спранное желаніе! не думаю, что эта надежда легко можетъ исполниться. — „Право? вы думаете, что она можетъ оказать человѣку явное презрѣніе?“ — Безъ всякаго сомнѣнія. — „Прекрасно! Умная женщина можетъ зайти очень далеко, когда сердце ея свободно, и когда ей надобно загладишь грубую несправедливосшь; и еслили мущина не глупецъ, то ему всего выгоднѣе начинать прогашельнымъ видомъ жертвы.“ Президентъ согласился на испину сего замѣчанія, и открылъ ему намѣреніе веселить госпью

праздниками и спектаклями. Графъ въ одну минушу выдумалъ планъ ихъ.

У Президента была сестра, Баронесса Л*, которая жила у него въ домѣ, и которую онъ любилъ какъ друга. Она никогда не бывала красавицею, и въ 44 года, безъ всякаго самолюбія и притязанія, шѣмъ болѣе нравилась въ корешкомъ обхожденіи. Подобно своему брату, Баронесса любила свѣтъ и его удовольствія, была добродушна, чувствительна, всегда одинакова, смѣшлива и совершенно снисходительна, особливо въ разсужденіи шѣхъ, кого любила. У нее былъ одинъ сынъ, девяти лѣтъ, котораго она обожала. Графъ, любя дѣтей, часто игралъ съ маленькимъ Алексисомъ, и шѣмъ понравился нѣжной матери. Сверхъ того онъ имѣлъ къ ней во всемъ почтительное вниманіе, занималъ, веселилъ ее своими разговоромъ, и Баронесса любила его безъ памяти. Графъ, будучи съ нею искрененъ, разсказалъ ей всѣ свои любовныя испоріи. Признаваясь во многихъ слабостяхъ, онъ доказалъ свою невинность въ разныхъ случаяхъ, которыми злословіе укоряло его. Чувствительная Баронесса, пронушая такую милою довѣренностію, искренно извиняла прощупки, уменьшен-

ные раскаяніемъ и описанные съ любезною живостію.

Наконецъ Госпожа Нельфоръ, ожидаемая съ великимъ нетерпѣніемъ, пріѣхала ввечеру; въ самую ту минушу, какъ хозяинъ и гости возвратились изъ саду. Президентъ, Баронесса и маленькой Алексисъ, которому она была крестная мать, бросились къ ней на встрѣчу, и нѣсколько разъ обняли ее на крыльцѣ. Наконецъ она вошла въ залу, гдѣ сидѣлъ одинъ Графъ; всѣ другіе разошлись по своимъ комнатамъ. Баронесса подозвала его и представила Господѣ Нельфоръ; а между тѣмъ Алексисъ, цѣлуя руку своей крестной матери, сказалъ, что онъ *первой другъ его*. Она сдѣлала презрительную ужимку, не взглянула на Графа, оборотилась къ нему спиною и тихонько сказала Президенту, что желаетъ съ нимъ поговорить наединѣ. Графъ вышелъ. Алексисъ побѣждалъ за нимъ. Тутъ Госпожа Нельфоръ безъ всякаго предисловія изъяснила свое удивленіе, что она въ Водрѣлѣ находить *такого теловѣка, какъ Графъ де-Люзи*. Президентъ, устрашенный ея строгостію, думалъ опрѣчать; но Баронесса не дала ему говорить, и съ великимъ жаромъ всступилась за Графа. Племянница не хотѣла слушать и сказала, что она не

понимаетъ, какъ можно любить *изверга*, ославленнаго дурными дѣлами. Баронесса разсердилась, отвѣчала такимъ же шпеномъ, и произнесла имя *жеманства*. Госпожа Нельфоръ покраснѣла съ досады и прямо объявила, что она никакъ не согласится пробыть ни двухъ дней въ такомъ домѣ, гдѣ живетъ презрительной человѣкъ. Что же мнѣ дѣлать? сказалъ наконецъ Президентъ „Выбирайше, кого вамъ надобно: или Графа или меня завтра здѣсь не будетъ.“ — Да какъ же мнѣ сказать ему? — „Ни мало не затруднительно: скажите, что отъ меня слышали. Онъ на васъ не разсердится, а будетъ только бранить мое *жеманство*“... И вы не думаете о слѣдствіяхъ? . . . „Это будетъ хорошимъ примѣромъ. Если бы всѣ разсудительныя женщины уговорились такъ обходиться съ гнусными прелестниками, то число ихъ жертвъ конечно бы убавилось.“ — Смѣю думать, сказала Баронесса, что я не безразсудна; однакожь никогда не войду въ никакой заговоръ противъ человѣка любезнаго... *Любезнаго!* повторила Госпожа Нельфоръ съ видомъ насмѣшки „Такъ, сударыня, любезнаго, добраго, искренняго, чувствительнаго; однимъ словомъ, я не знаю другава человѣка, ему подобнаго въ любезности...“

Госпожа Нельфоръ пожала плечами, и не отвѣчая Баронессѣ, сказала Президенту: „послушайте; я не хочу досадить вамъ; дѣло можетъ обойтись безъ всякаго шума. Долго ли пробудешь у васъ Графъ?“ — Три недѣли. — „И такъ не говорите ему ни слова. Я завтра уѣду и возвращусь къ вамъ черезъ мѣсяць; а за ужиномъ скажу нынѣ, что мнѣ надобно ѣхать въ Руанъ за важнымъ дѣломъ; и въ самомъ дѣлѣ поѣду туда.“ — Естли хотите, то я скажу Графу. — „Нѣтъ; теперь нахожу, что эта выдумка лучше.“ — Но она чрезмѣрно огорчаетъ меня. Увидѣться на минушу послѣ долгой разлуки! Будьте великодушны, сударыня, и останьтесь съ нами!... „Нѣтъ, нѣтъ! я непременно завтра поѣду, но даю слово провести у васъ все лѣто“... Отвѣтъ ея былъ такъ рѣшителенъ, что Президентъ не сказалъ уже ни слова. Баронесса, внутренно обрадованная такимъ намѣреніемъ, мало по малу смягчилась. Наконецъ онѣ искренно обнялись и помирились. Ужину надлежало бытъ черезъ часъ. Госпожа Нельфоръ хотѣла приказать людямъ своимъ бытъ готовыми къ отъѣзду, и пошла въ назначенныя для нее комнаты. Тамъ служанка ея, имѣвъ уже время переговорить съ домашними, начала рассказывать ей о праз-

дникахъ, которые для нее готовятся, и которые *выдуманы Графомъ де-Люзи*. Это слово произвело въ сердцѣ Госпожи Нельфоръ какое-то движеніе, похожее на раскаяніе; но оно въ минуту исчезло. „Праздники имъ выдуманные! онъ вѣрно спалъ бы шѣмъ хвалился; иѣтъ, всего лучше уѣхать!“ думала она, и между шѣмъ, безъ всякихъ мыслей спрашивая свою служанку, узнала, что Графа всѣ любящъ въ домѣ, и что послѣ ужина будетъ играна маленькая Комедія. Разговоръ еще продолжался, когда вошелъ къ ней Президентъ и съ печальнымъ видомъ сказалъ: „шеперь ничто не мѣшаетъ вамъ оспаться съ нами, любезная племянница. Графъ послалъ за лошадьми, и хочетъ ѣхать.“ — И такъ вы, противъ нашего условія, сказали ему?... „Я сказалъ только, что вы завтра ѣдете въ Руанъ.“ .. А онъ?... „Вышелъ изъ комнаты, черезъ десять минутъ возвратился, и объявилъ, что получилъ важное письмо, которое заставляетъ его спѣшить въ Парижъ. Это безъ сомнѣнія выдумка. Онъ угадалъ истину по тому, какъ вы обошлись съ нимъ.“ — Обошлась съ нимъ, говорите вы? мнѣ кажется, что я не сдѣлала никакой неучливости. — „Но видъ вашъ, видъ!“... Жаль, если я неумышленно показалась

грубою. Онъ вѣрно жалуется на меня? — „Не говоритъ ни слова. Я не былъ съ нимъ наединѣ, и оставилъ его въ залѣ, гдѣ собрались всѣ госпи.“ — И такъ Графъ въ самомъ дѣлѣ послалъ за лошадьми? — „Онъ вѣрно уже здѣсь; почта въ двухъ шагахъ отсюда.“ — Я увѣрена, что онъ прокликаетъ меня. — „Проклинаетъ? какими ложными красками вамъ описали его! Нѣтъ на свѣтѣ человѣка добродушнѣе Графа де Люзи!“ — И такъ . . . онъ не сказалъ вамъ ни слова? — „Ни одного слова; только, прощаясь со мною при другихъ людяхъ, онъ сильно пожалъ мою руку и взглянулъ на меня съ такимъ горестнымъ видомъ, что мнѣ стало грустно. Но дѣло сдѣлано; переспанемъ думать о томъ.“ — — Тутъ Госпожа Нельфоръ быстрыми глазами взглянула на Президента. Она знала его искренность и прямоту; однакожь подозрѣвала, что онъ хочетъ хитрымъ образомъ удержать ее вмѣстѣ съ Графомъ; и желая выйти изъ сомнѣнiя, сказала: „Если бы я это предвидѣла, то поступила бы иначе. Ради Бога скажите, что мнѣ теперь дѣлать?“ — Ничего. Графъ угадалъ вашу ненависть и причину отъѣзда; но въ самомъ дѣлѣ вы не сказали ему никакой грубости, и слѣдственно

онъ не имѣетъ права жаловаться ни на васъ, ни на меня. Теперь всякое ласковое слово будетъ съ вашей стороны признаніемъ, что онъ не ошибся; мысль загладишь такимъ образомъ обиду можешь ему показаться еще обиднѣе. И такъ опустимъ его, не давая знать, что угадываемъ причину. Вы у насъ оспаешесь; а это главное. — Сей отвѣтъ, испробивъ сомнѣнія Госпожи Нельфоръ, умножилъ ея тайное раскаяніе. — Надѣюсь, сказала она, что шепушка удержитъ его. — „О! нѣтъ; онъ твердо рѣшился: будешь въ томъ увѣрены.“ . . . Въ самую сію минуту постильйоны хлопнули бичами и вѣхали на дворъ. . . . Госпожа Нельфоръ съ великимъ безпокойствомъ вскочила. . . „Боже мой! не уже ли это его лошади?“ сказала она, позвонила въ колокольчикъ и сдѣлала такой же вопросъ вошедшему слугѣ, которой отвѣчалъ, что Графъ де Люзи приказалъ уже закладывать свою карету. Мнѣ надобно еще обнять его, сказалъ Президентъ: пойду къ нему. . . „Я сама себя не извиняю, наговоривъ столько непріятностей. Баронесса вѣрно сердита; эта мысль безпокоитъ меня. Пойдемъ - те къ ней вмѣстѣ; я хочу изъясниться съ нею.“ — Она теперь въ залѣ, съ гостями. — „Мы пройдемъ

кѣ ней въ комналу и пошлемъ за нею.“ —
 А естѣли она въ своей горницѣ, то
 можемъ найти тамъ Графа. . . . (Госпо-
 жа Нельфоръ много и желала внуспрен-
 но) . . . „Нужды нѣтъ! отвѣчала она,
 взявъ Президента за руку: я должна
 сдѣлать все для Баронессы, которую лю-
 блю душевно.“ Госпожа Нельфоръ не шла,
 а бѣжала по длинному коридору, такъ
 что бѣдной Президентъ запыхался и
 успалъ до смерти. Баронесса сидѣла на
 канале, вся въ слезахъ, подлѣ Графа,
 котораго держалъ ея руку съ выраже-
 ніемъ дружеской чувствительности . . .
 Увидѣвъ Госпожу Нельфоръ, оцѣвскочилъ,
 низко поклонился, и цѣлуя руку Баро-
 нессы, тихо сказалъ: *простице!* Графъ
 хотѣлъ уже выйти . . . Тутъ Госпожа
 Нельфоръ, сердечно пронувая (первый
 разъ въ жизнь свою), забыла все; броси-
 лась за нимъ къ дверямъ, и схвативъ
 его за руку, сказала съ живостію: „нѣтъ,
 нѣтъ! вы не поѣдете!“ . . . Она вдругъ
 опомнилась, замѣшалась, покраснѣла и
 стояла неподвижна. Графъ смотрѣлъ на
 нее съ величайшимъ удивленіемъ. Прези-
 дентъ и Баронесса также стояли и въ
 молчаніи глядѣли на нихъ обоихъ. . . На-
 конецъ Графъ тихимъ голосомъ и съ ви-
 домъ глубокаго почтенія спросилъ у Го-

спожил Нельфорбъ : „не угодно ли вамъ , милоспивая государыня , чего нибудь приказанъ мнѣ ?“ Сей голосъ и видъ снова пронули ея сердце . Я хочу просить васъ , отвѣчала она : но имѣю нужду въ подкрѣпленіи . . . „Милой Ангелъ !“ воскликнула Баронесса , обнявъ ея съ нѣжностію : говори съ любезною своею искренностію ; а вы , Графъ , подише слушать насъ !“ Она взяла ихъ за руки и посадила на канапе съ собою . Президентъ сѣлъ подлѣ своей племянницы и съ жаромъ цѣловалъ ея руку . У всѣхъ были на глазахъ слезы . . . Въ сію минушу слуга вошелъ сказать , что Графская карета готова . Вели же скорѣе опложишь лошадей ! сказала Баронесса . Согласны ли вы на то ? спросила Госпожа Нельфорбъ , взглянувъ на Графа съ прелестною улыбкою . Онъ далъ знакъ слугѣ , чпобы онъ вышелъ и ожидалъ его приказанія ; потомъ , оборотясь къ Госпожѣ Нельфорбъ , отвѣчалъ : „чувствую , милоспивая государыня , всю цѣну вашей милоспи ; одно слово награждаетъ меня за все . Но я долженъ ѣхать въ нынѣшній вечеръ , зная , чпю вы уѣдете завтра , и зная причину , которая“ Она не поѣдетъ , сказала Баронесса : видя ея расположеніе , развѣ вы не угадываете , чпю она сама

остаётся? . . . Госпожа Нельфоръ хотѣла ѣхать, опвѣчалъ Графъ . . . Такъ, государь мой! сказала она съ живостію: хотѣла, и теперь раскаиваюсь, винюсь, и (что еще болѣе) сама чувствую вину свою, сама укоряю себя, и надѣюсь, что вы меня простите. — „Исполнишь первую волю вашу есть для меня единственный способъ доказать, сколь живо чувствую вашу прогательную милость! Ахъ! вы только жертвуете своимъ предубѣжденіемъ; но конечно не могли въ такое короткое время увѣришься въ его несправедливости!“ . . . Нѣтъ, я безразсудно повѣрила тѣмъ людямъ, которые васъ не знаютъ, и чувствую, что мнѣ должно болѣе вѣрить вашимъ и моимъ друзьямъ. . . . За такой милой опвѣтъ Баронесса еще обняла Госпожу Нельфоръ. Президентъ былъ въ себя отъ радости. Графъ изъяслялъ чувствительность, но съ умѣренностію. Призвали слугу и велѣли отложить лошадей. Черезъ минуту поставили кушанье. Боже мой! сказала Госпожа Нельфоръ: что опвѣчать намъ на вопросы любопытныхъ? . . . То, что Графъ передумалъ, сказала Баронесса: всѣ будущъ искренно рады; а двумъ или тремъ объявимъ пихонько нашу шайну, которую завтра узнаюшь и другіе. Намъ нѣтъ нужды шайнѣся: пошому

что обиженный умѣлъ быть кропкимъ, а любезная обидчица умѣла загладишь свою несправедливоснѣ искренно и прѣятно.

Сдѣлавъ условіе, хозяинъ повелъ свою племянницу; а поржесипвующая Баронесса взяла руку Графа. Онъ не сѣлъ за столъ, и послѣ ужина не спалъ играть Комедіи — „отъ того (сказала Баронесса Госпожѣ Нельфорѣ), что у него сердце еще не на мѣстѣ. „Графъ во весь вечеръ былъ молчаливъ, и рано ушелъ въ свою комнату. Госпожа Нельфорѣ долго сидѣла одна съ Баронессою, говорила объ немъ, — соглашалась, что онъ любезенъ, и жалѣла о его дурномъ имени въ свѣтѣ. Баронесса оправдала своего друга въ томъ, что казалось всего непроснишельнѣе Госпожѣ Нельфорѣ. Сія послѣдняя, возвращаясь въ свою горницу, думала единствен-но о челоѣкѣ, котораго ненавидѣла за нѣсколько часовъ передъ шѣмъ, и радѣваясь, говорила еще объ немъ съ своею служанкою.

На другой день Госпожа Нельфорѣ въ 10 часовъ пошла къ Баронессѣ, у которой всѣ собирались завипраканъ. Она услышала еще за дверью превеликой шумъ, и вошедши въ комнату, увидѣла Графа и маленькаго Алексиса, которые оба валялись по землѣ и во весь голосъ кричали. Графъ шопчасъ всталъ изъ угаже-

нїя къ ней . . . Коварный прелестникъ! онъ уже зналъ ее совершенно, и неприемлемымъ образомъ льстилъ ей такъ, какъ единственно можно было угодить сей гордой женщицѣ. Она улыбнулась, и нѣсколько разъ начинала съ нимъ говорить. Графъ отвѣчалъ съ прїятностію, но коротко, и самъ оставался въ *пошительномъ отдаленїи*. Госпожа Нельфоръ ласкала Алексиса, взяла его на колѣни, и между прочимъ спросила, хорошо ли онъ учился. „Не лъзя лучше, отвѣчалъ Алексисъ: я въ нынѣшнее упрѣ вытвердилъ уже пѣсню, которую другъ мой (такъ онъ называлъ Графа) сочинилъ для васъ, и почти знаю наизусть.“ . . . Алексиса побранили за нескромность; но тайна вышла наружу, и Баронесса сказала, что зна пѣсня въ самомъ дѣлѣ написана и вытвержена наизусть въ при часа. Алексисъ приколдовалъ, что онъ будетъ пѣть ее ввечеру. Госпожѣ Нельфоръ чрезмѣрно хотѣлось видѣть стихи и знать, какъ Графъ хвалилъ ее: женщины судятъ да поному о чувствахъ, ими вселяемыхъ, и рѣдко обманываются.

Послѣ обѣда сказали ей, что Алексисъ навѣренъ дать крестной матери своей маленькой праздникъ въ его собственномъ новомъ садикѣ. Въ 9 часовъ

повели ее въ Паркъ: шамъ прїятной лугъ
 былъ обсаженъ розовыми кустами, освѣ-
 щенъ ярко со всѣхъ сторонъ, и на сель-
 скомъ храмикѣ, въ срединѣ его, изобра-
 жалась огненная надпись: *Присланише*
бѣзглаго Кулидона. Вдругъ раздалась нѣж-
 ная симфонїя . . . Алексисъ явился въ
 видѣ Амура, съ факеломъ въ рукѣ, но
 безъ крыльевъ, безъ спрѣль и повязки.
 Смотря на Госпожу Нельфоръ, онъ запѣлъ
 слѣдующую пѣсню :

Всегда смиренный , молчаливый ,
 Гонимый злобною судьбой ,
 Дерзну ль явиться предъ побой ?
 Сей видъ покорный , боязливый ,
 Еще ль ужасенъ для тебя ?
 Кшо можешь страшенъ быть любя ?

Я былъ злословія предметомъ ,
 И ты , къ несчастью моему ,
 Легко повѣрила ему .

Какимъ нарушеннымъ обѣтомъ
 Амура можешь укорять ?
 Хотѣла ль ты его узнать ?

Невинный сердцемъ и душою ,
 Я прежде слѣпо обожалъ ;
 Но съ глазъ теперь завѣсу снялъ :
 Плъчась твоею красоюю ,
 Уже престалъ слѣпымъ я быть ;
 Смотрю , чшобъ болѣе любить .

Увы! я былъ крылатымъ прежде,
 Но чпобъ за вѣрностю лешашь,
 И въ сердцѣ красоту сыскашь.
 Теперь я крылья сжегъ, въ надеждѣ,
 Чшо пы мнѣ скажешь: *будь со мной!*
 Клянусь молчашь, но жишь шобой!

Я спалъ навѣки безоруженъ,
 Ондавъ *Минервѣ* въ плѣнъ себя.
 Чьи стрѣлы не язвятъ шебя,
 Тому колчанъ и лукъ не нуженъ.
 Теперь меня забудетъ свѣшъ:
 Уже я не хочу побѣдъ!

Но пламенникъ, шобойо зримый,
 Мной будетъ вѣчно сохраненъ;
 Къ шобѣ любовью освященъ
 Его огонь неугасимый;
 Онъ долженъ предъ шобой пылашь,
 И сердца огонь изображашь.

Алексисъ пѣлъ очень мило, и Госпожа Нельфоръ нашла пѣсню остроумною; она сто разъ поцѣловала своего кресника, и глазами искала Графа; но онъ стоялъ въ пятидесяти шагахъ отъ нее, спрятавшись за дерево. Между пѣмъ видѣлъ всѣ движенія своей *Минервы*. Позвали *Автора*: онъ явился, и съ улыбкою скромности благодарилъ за обыкновенныя привѣщанья.

Госпожа Нельфоръ желала имѣть списокъ куплетовъ, спрятала его, и во весь вечеръ была въ разсѣяніи. Графъ также казался задумчивымъ и не подходилъ къ ней. — Въ первомъ часу она ушла въ свою комнату, вынула изъ кармана пѣню и развернула съ особливимъ движеніемъ. Графъ списалъ ее своею рукою, и даже подписалъ имя. Въ письмѣ и въ имени человека, который занимаетъ наше сердце, есть какая-то неизъяснимая прелесть.... Госпожа Нельфоръ не читая, смотрѣла на эти опасныя черпы, особливо на имя *Люзи*... Черезъ нѣсколько минутъ стала читать и думать надъ всякимъ куплетомъ. Она замѣтила, что все сказанное Аиуромъ въ свое оправданіе можетъ относиться къ Графу, еслили онъ въ самомъ дѣлѣ влюбленъ въ нее: предположеніе, котораго женщина не боится! Но всего болѣе Госпожѣ Нельфоръ нравилась тонкость похвалы, въ которой ни слова не было сказано о ея наружныхъ прелестяхъ. Въ самые лучшие куплеты, думала она: рѣдко молодые люди умѣютъ такъ мило хвалить женщинъ. Я сохраню эту пѣню.

Въ слѣдующіе дни Графъ также не смарался бытъ подлѣ Госпожи Нельфоръ. Между тѣмъ, какъ она играла въ Вискъ съ тремя важными кавалерами, Графъ

въ другомъ углу комнапы игралъ въ Ревенси съ Баронессою, или рассказывалъ забавныя испоріи, которыя всѣхъ смѣшили. Госпожа Нельфоръ часто оборачивалась къ нимъ, забывала козырей, приводила поварища своего въ опчаяніе, и кончивъ партію, садилась подлѣ Баронессы, которая сдѣлалась ей милѣе прежняго.

Однажды послѣ обѣда, когда 'всѣ ушли гулять, Госпожа Нельфоръ, желая дошить жилетъ для своего брата, осталась работатъ въ залѣ и говоритъ съ Баронессою. Вошелъ Графъ, и видя, что она развиваетъ шелкъ, выпросилъ у нее дозволеніе держатъ его. Между тѣмъ Баронессу вызвали. Госпожа Нельфоръ въ первый разъ осталась съ нимъ наединѣ. Графъ, держа въ рукѣ мотокъ, спалъ передъ нею на колѣни, будто для того, чтобы ей легче было мотать. Сядыпе, сказала она ему покраснѣвши. — Нѣтъ, ошвѣчалъ онъ: мнѣ шакъ лучше. — Госпожа Нельфоръ не смѣла принуждатъ его, шоронила навивать шелкъ, пупала его и молчала. Можно ли спроситъ, сказалъ наконецъ Графъ, кому гоповишся этотъ прекрасной жилетъ? (Онъ зналъ, но ему надобно было начать разговоръ.) Госпожа Нельфоръ улыбнулась. Вы теперь въ первой разъ удосшоили меня вопроса, ошвѣ-

чала она : а прежде не хотѣли даже и говорить со мною. Признайтесь, что вы еще не много сердиты на меня ? — Графъ вздохнулъ и пошопрѣлъ на Госпожу Нельфоръ, которая опустила глаза въ землю и въ замѣшательствѣ своемъ перервала шелкъ . . . Я сегодня не умѣю ничего дѣлать, сказала она : но оставимъ эту работу ; вы вѣрно уснули . . . „Ахъ нѣтъ ! ради Бога продолжайте ; мнѣ очень хорошо !“ — Госпожа Нельфоръ дрожащею рукою взяла опять шелкъ ; а Графъ тихимъ голосомъ сказалъ : „вы одинъ не знаете, какую смѣлость надобно имѣть для того, чтобы подойти къ вамъ и требовать вашего вниманія !“ . . . Да, я забыла оповѣстить вамъ, перервала Госпожа Нельфоръ : вы желали знать, для кого шью этотъ жилетъ ? . . . Для того, кто мнѣ любезнѣе всѣхъ на свѣтѣ. — „Какая несправедливость !“ — По чему же ? — „Можетъ ли какойнибудь даръ умножить цѣннѣе этого блаженнаго человѣка ? Тотъ, кто любитъ васъ всего болѣе, тотъ достоинъ сожалѣнія. Онъ не можетъ питать себя надеждою, и великодушнѣе требовало бы уиѣншить его. Правда, что вы его не знаете, и что онъ никогда не откроется.“ — Вы дѣлаете странное предположеніе ; могу увѣрить васъ, что никто

въ свѣстѣ не имѣеть ко мнѣ того чувства, о которомъ говораше. Это было бы дурачесиво! „О! я не сомнѣваюсь, и сказалъ вамъ то же. Но вы можете думать, что въ числѣ шѣхъ людей, которые васъ знаютъ, есть хотя одинъ, одинъ, любящій васъ спраспно.“ — Не лзя любить безъ надежды. — „Ахъ! по чему вамъ знать? Будьте увѣрены, что это нещасье — возможно!“ Онъ произнесъ сіи слова шакъ нѣжно и прогашельно, что клубокъ выпалъ изъ рукъ Госпожи Нельфоръ и покашился въ другой уголъ комнаты. Графъ долженъ былъ вспань, чпобы поднять его: въ эту минушу вошла Баронесса. Онъ предложилъ ишни гулянь въ поле: согласились съ видомъ великаго удовольствія, и забыли жительство, конпорый такъ *слѣшили* дошить! Не далеко отъ Вод ёльскаго замка возвышается гора *двухъ любовниковъ*, славная романическимъ преданіемъ и живописными видами съ ея вершины. Графъ уговорилъ Баронессу и Госпожу Нельфоръ взойти туда. Имъ должно было лѣзть съ великимъ шрудомъ на крушизны, и маленькая собачка Госпожи Нельфоръ вдругъ упала въ глубокую разсѣлину. Госпожа Нельфоръ закричала безъ памяти, а Графъ бросился на край пропасти и съ радосшію увидѣлъ Розену,

пропасти и съ радостію увидѣлъ Розету, споящую на камнѣ. Она жива! воскликнулъ Графъ — не хромаешь, а только не можешь выйти; я пойду за нею!... Сказавъ, онъ сѣлъ на край разсѣлины и покапился внизъ. Госпожа Нельфоръ, видѣвъ себя оубъ ужаса, кричала ему, чшобы онъ остановился; но Графъ былъ уже на землѣ, и хопя не убился, однакожь не могъ скоро подняншься. Госпожа Нельфоръ, блѣдная и дрожащая, вмѣстѣ съ Баронессою подошла къ пропасти, и заливаясь слезами, кликала его. Наконецъ Графъ вспалъ, и кричалъ отшуда, что онъ ни мало не ушибся. Госпожа Нельфоръ оперлась на плечо Баронессы; глаза ея закрылись; ей сдѣлалась дурнопа. Баронесса посадила ее подъ деревомъ. Черезъ минушу она опомнилась, спѣшила опять къ пропасти и съ прогательнымъ чувствомъ увидѣла Графа, ласкающаго Розету. Онъ закричалъ имъ, что ему невозможно выйти безъ веревки. Баронесса и Госпожа Нельфоръ пошли къ монастырю, поспроенному на сей горѣ, и крикомъ своимъ вызвали отшуда монаховъ, которые сыскали веревку и выпащили Графа съ Розетою. Онъ обѣ съ нѣжностію подали ему руку. „Ахъ! обнимемъ нашего рыцаря!“ сказала Баронесса. *Съ радостію!* отвѣчала Госпожа Нель-

форъ, и бросилась въ его объятія. Она сдѣлала это безъ всякаго замѣшательства и даже безъ всякаго особеннаго чувства, думая единственно о той опасности, которой онъ для нее подвергался. Любовь сохранила воспоминаніе сего нѣжнаго поцѣлуя, но одна благодарность дала его. „Боже мой! на васъ кровь!“ воскликнула Госпожа Нельфоръ. Графъ отвѣчалъ, что онъ только царапиль себѣ руку и лицо шиповникомъ. Будучи въ нѣсколькихъ шагахъ отъ монастыря, рѣшились тамъ отдохнуть. Графъ, желая предохранить Розешу отъ новой бѣды, несъ ее на рукахъ, ласкалъ и, казалось, изъяснялъ ей благодарность. Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ многимъ обязанъ собачкѣ. Сѣли на террасѣ, окружающей церковь. Добродушные монахи принесли слибокъ и земляники. Одинъ изъ нихъ разсказалъ, что монастырскій служка, упавъ въ яму пропасть, изъ которой вытащили Графа, изломилъ себѣ ногу. Госпожа Нельфоръ взглянула со слезами на Графа, который поцѣловалъ Розешу: это служило яснымъ отвѣтомъ. Говорили о *двухъ любовникахъ* монастырской горы (*),

(*) Эпизодъ старинной анекдотъ, можетъ быть, извѣстенъ читателямъ. Одинъ жеснокой Баронъ согласился отдать дочь свою за ея любовника единственно съ нѣмъ условіемъ, чтобы

чтобы говорить о любви; судили, расстргались, замѣшались — а Графъ нѣсколько разъ съ воспоргомъ цѣловалъ Розету. — Возвратились домой въ великой усталости. Госпожа Нельфоръ съ чувствительностью рассказала свою исторію, между тѣмъ, какъ Графъ переодѣвался въ своей комнаѣ. Онъ возвратился еще веселѣе, еще любезнѣе обыкновеннаго; игралъ Комедию, пѣлъ, и такъ плѣнилъ все общество, что всякой хвалилъ его съ жаромъ. Госпожа Нельфоръ слушала сіи похвалы съ такимъ удовольствіемъ, что женщины угадали ея тайну и сдѣлали заговоръ всячески помогать Графу, хотя онъ и никому не открывался въ своихъ намѣреніяхъ. Никто не думалъ (кроиъ Баронессы), чтобы гордая и холодная Госпожа Нельфоръ могла выпши за - мужъ за двадцатишестилѣтняго человѣка, въпренаго мота; но всеиъ казалось забавно, что она, проживъ столько лѣтъ безпорочно, наконецъ входитъ въ связь съ такимъ человѣкомъ! Давно уже добрая слава Госпожи Нельфоръ беспокоила многихъ женщинъ. Что принадлежитъ до нее, то она никакъ не угадывала сего заговора и находила одною

онъ не отдыхая взнесъ ее на гору. Любовникъ исполнилъ условіе, но упалъ мертвый на вершинѣ горы.

справедливостію все то, что ей говорили о Графѣ. Однакожь собственныя ея чувства начинали беспокоить ее. „Онъ любилъ меня, думала Госпожа Нельфоръ: не лзя въ эпомѣ сомнѣваться. Кто для спасенія моей Розены жертвовалъ жизнью, томѣ тысячу разѣ умерѣ бы для меня. Бѣдной молодой человѣкъ! какъ онъ жалокъ! Нужно ли мнѣ вооружаться противъ него жестокостію, когда онъ не имѣетъ никакой надежды, почитая меня и даже боюсь моею добродѣтели? Ахъ! естли бы ему было лѣтъ десять поболѣе! Но двадцать шесть лѣтъ, и такое дурное имя въ свѣстѣ!... Правда, что его винятъ несправедливо... Какъ люди жестоки!“ — Сей молодой человѣкъ, споль боязливый и скромный, сѣлъ наконецъ за споломъ подлѣ Госпожи Нельфоръ, и за ужиномъ нашель способъ всячески увѣрять ее въ спраспной любви своей.

На другой день одинъ изъ гостей предложилъ ѣхать въ Дьепъ, чпобы видѣть море. Госпожа Нельфоръ согласилась на то, чпобы *сдѣлать удовольствіе Баронессѣ*. Графъ также не хотѣлъ опговариваться. Ничто такъ не ушверждаетъ короткости между людьми, какъ маленькое пущеніе въ хорошее время года. Всѣ виѣстѣ — всѣ какъ-то расположены

къ искренности; обѣды въ пракнирахъ веселы, безъ чиновъ; всякое принужденіе забыто — а любовь умѣетъ пользоваться такимъ щасливимъ расположеніемъ!.. И наконецъ, послѣ всего, бышь на берегу моря, удивляешься сему великолѣпному зрѣлищу подлѣ милого человѣка, сѣснѣ вмѣстѣ на корабль, вмѣстѣ плышь, вышпи съ нимъ на берегъ, гуляешь, разговариваешь, задумываешься.... какая опасность для женщины, естли она свободна, молода, чувствительна и слишкомъ надежна на себя! естли пвердишь себѣ безпрестанно: „я ничего не боюсь, и конечно увѣрена въ себѣ; но онъ... какъ жалокъ! что съ нимъ будетъ!“

Графъ, бывъ во все время путешествія очень веселъ, вдругъ сдѣлался грустенъ и задумчивъ, приближаясь къ Водрелю. Баронесса, сидя съ нимъ и съ Госпожею Нельфоръ въ одной комнатѣ практира, спала говорить о его меланхоліи. Я жалѣю о Дьепѣ, опвѣчалъ онъ, смотря на Госпожу Нельфоръ: вы были такъ милы! а въ Водрелѣ, среди множества людей, опять возьмете на себя видъ строгой важности! — *Строгой важности!* повторила Баронесса засмѣявшись: эпо на меня похоже! — Я исчезну въ шолпѣ, продолжалъ Графъ: буду видѣшь шолько

васъ, а вы на меня и не взглянете! Даже и пеперь глаза ваши убѣгаютъ моихъ!... „Вотъ прекрасно! сказала Баронесса: я смотрю на тебя, а ты самъ отворачиваешь голову! Нѣтъ, не бойся, жалкой другъ мой: я обещаюсь всякой вечеръ играть съ тобою въ Реверси!“ — Въ продолженіе сего разговора Госпожа Нельфоръ смотрѣла въ землю. Она не удивилась, что Графъ при Баронессѣ говорилъ такъ ясно, ибо знала его дружбу съ нею; но сердце ея было въ волненіи; она едва переводила духъ, слушая съ великимъ вниманіемъ, и не говоря ни слова. Графъ вздохнулъ и сказалъ Баронессѣ: „Какъ можете вы шутить надо мною, зная, что черезъ пять дней“.... Онъ не договорилъ, закрылъ глаза рукою, вспалъ и вышелъ. Что это значилъ? спросила Госпожа Нельфоръ. Графъ открылся мнѣ, опвѣчала Баронесса, что онъ хочетъ ѣхать изъ Франціи. — „Ѣхать?“ — Да, года на два, въ Англію и въ Испанію. — „На два года?“ — Это намѣреніе огорчаетъ меня; я люблю его какъ сына; но самое участіе, которое беру въ судьбѣ его, заставляетъ меня желать, чтобы онъ уѣхалъ. — „Для чего же?“ — *Для того!* ты сама знаешь. Будемъ искренны: Графъ любитъ тебя пламенно: что жъ дѣлать

ему въ такой безразсудной страсти? — „Когда онъ ѣдетъ?“ — На другой день имянинъ швоихъ. — „Черезъ пять дней!.. бѣдной молодой человѣкъ!“ — Въ самомъ ли дѣлѣ ты объ немъ жалѣешь? — „Можете ли сомнѣваться? очень, очень жалѣю.“ — И такъ не хвалю себя. Когда жалѣешь о любезномъ человѣкѣ, и когда сердце не занято „Что же?“ — Тогда надобно утѣшить его. — „Какъ же поступили бы вы на моемъ мѣстѣ?“ — Я вышла бы за него за - мужъ. — „Боже мой! какой поспѣшной совѣтъ! Вышли за - мужъ!“ — Чшожь мѣшаешь? — „А его лѣта?“ — Самыя лучшія для мужа. — „А мои?“ — По лицу тебѣ двадцать лѣтъ. — „А его имя въ свѣтѣ, вѣпреносность, непостоянство?“ — Ты не вѣришь пому. — „Что же скажутъ люди?“ — Развѣ ты перяешь ихъ почтеніе? Развѣ впрое замужество есть преступленіе? — „Но въ этомъ случаѣ не есть ли оно безразсудность?“ — По крайней мѣрѣ любезная. — — Тутъ разговоръ перервался. Госпожа Нельфоръ вздохнула, и во весь шотъ вечеръ была задумчива.

Пріѣхавъ въ Водрель, Графъ началъ обходиться съ Госпожею. Нельфоръ по прежнему, шо есть, скромно, и былъ всегда

груспенѣ и молчаливѣ. Однагсжь грусть не мѣшала ему занимать праздникомъ, который готовился для именинѣ ея. Госпожа Нельфорѣ ожидала ихъ съ горестію: Баронесса нѣсколько разъ повторила ей, что Графѣ хочеть непременно уѣхать на другой день. Праздникѣ начался только въ семь часовъ вечера. Президентѣ вошелъ въ залу и сказалъ Госпожѣ Нельфорѣ, что морскіе разбойники, которые видѣли ее на Океанѣ, ходящѣ вокругъ замка и намѣрены бытъ ея похищателями; что онѣ совѣтуешъ ей взять мѣры и скрытъся въ храмѣ *Весты* (самое лучшее зданіе въ саду его). Госпожа Нельфорѣ встала и пошла съ нимъ въ храмъ, гдѣ она увидѣла всѣхъ дамъ Водрельскаго обществѣ, одѣтыхъ Веспалками. Между ими явился Амурѣ, и заплѣ ей слѣдующій куплетѣ :

Тебѣ ль укрывъся отъ любви
 Съ такой прелестною душою?
 Въ какой пустынь ни живи,
 Амурѣ всегда, вездѣ съ тобою!

Въ сію минузу заиграла Турецкая музыка. Веспалки испугались — и скоро ужасѣ сдѣлался всеобщимъ, когда *варвары* окружили храмъ, ворвались въ его внутренность, и схвативъ бѣдныхъ Веспал-

локъ, унесли ихъ. Начальникъ Музульмановъ, прекрасной молодой человекъ, въ богатой одеждѣ, бросился прямо къ Госпожѣ Нельфоръ, спалъ на колѣни, со всѣми возможными знаками уваженія взялъ ее на руки и понесъ черезъ длинную алею, не взирая на ея сопротивленіе. Въ концѣ сей алеи она увидѣла всѣхъ Веспалокъ сидящихъ на прекрасныхъ носилкахъ: ее сажаютъ пиконько на кресла, и несутъ, при звукахъ музыки, на другой конецъ парка, ярко освѣщеннаго. Госпожа Нельфоръ съ улыбкою смотрѣла на своего похищителя, кошорый шелъ подлѣ нее. „Скажите, вы ли изобрѣтатель эпова праздника?“ спросила она. — Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ: вамъ не трудно угадать, что и роли мною же распределены. Не отнимайте у меня эпой любезной мечшы: завтра поупру сна исчезнетъ; останешся только воспоминаніе минувшаго свидѣнія. — „Правда ли, что вы завтра ѣдете?“ — Совѣтуете ли мнѣ останешся? — „Не знаю, для чего.“ — Не перебую опъ васъ надежды; а только скажите, что я умѣю быть безкорыстнымъ и покорнымъ. — „Я не вижу покорности въ эпемъ опъздѣ; напрошивъ... мнѣ васъ жаль.“ — Имѣйте смѣлость остановить меня! —

„И такъ это можетъ быть дерзостію? Вы меня пугаете.“ — Что бы вы сказали мнѣ, есѣли бы не захопѣли моего отпѣзда? — „Одно слово: *останьтесь!*“ — Довольно; это слово отъ васъ и въ моемъ положеніи обѣщало бы все. — „Я хотѣла сказать его, не предвидя такихъ слѣдствій.“ — А теперь уже не скажете? — „По крайней мѣрѣ надобно подумать.“ — Всѣ ваши первыя движенія несогласны съ моимъ желаніемъ; отъ размысленія также не ожидаю для себя ничего радостнаго. И такъ завтра, на разсвѣтѣ, буду на пуши въ Англію. Я наняла шотъ корабль, на которомъ мы вмѣстѣ плавали; хочу еще быть на немъ. — — Тутъ разговоръ ихъ пресѣкъся. Всѣ носилки остановились на берегу большаго канала, окруженнаго акаціями и покрытаго лодками, на которыхъ пылали разноцвѣтныя огни и сидѣли съ веслами Турки. Графъ, начальникъ сей флотилии, выступилъ впередъ и обратясь ко всѣмъ плѣнницамъ, пріятнымъ голосомъ пѣлъ слѣдующее:

Простите дерзости несчастныхъ!

Любовь оправдываетъ насъ.

Для милыхъ нѣтъ враговъ опасныхъ:

Мы были дерзкими на часъ!

Ахъ! смѣло пользуйтесь правами,
 Кошпорыхъ васъ не лзя лишить!
 Вамъ сродно властвовать надъ нами,
 Мы созданы рабами бышь.

Когда изгнать вы насъ хопите,
 Мы должны плыть куда нибудь;
 Но, милья, вообразите,
 Сколь безъ надежды грустенъ пунь!

Всѣ дамы, кромѣ Госпожи Нельфоръ,
 закричали, что онѣ сами хопятъ плышь,
 и съ любезною веселостію бросились въ
 лодки. Графъ подошелъ къ Госпожѣ Нель-
 форъ и сказалъ ей: вы однѣ молчите;
 знаю причину: мнѣ должно ѣхать безъ
 надежды!... „Нѣшъ! *останьтесь!*“ съ жи-
 востію отвѣчала Госпожа Нельфоръ. —
 Боже мой! какое слово произнесли вы!
 Ахъ! еспьли все это обманъ и мечта,
 то могу ли жить на свѣшѣ? — *Остань-*
тесь, повпорила она тихо, но ясно...
 Графъ, внѣ себя отъ радости, схватилъ
 руку ея, и воскликнулъ: *ты моя навѣ-*
ки! . . . Онѣ ввелъ ее въ лодку, и на-
 конецъ предался восторгу сердца своего. Да-
 ли слово, произнесли кляпву, назначили
 день. Госпожа Нельфоръ сказала: какъ
 Баронесса и Президентъ удивятся! а
 въечеру, когда она объявила имъ свою

шайну, они съ улыбкою отвѣчали: *мы это предвидѣли!*

Черезъ нѣсколько дней была свадьба. Госпожу Нельфоръ осуждали, бранили, осмѣивали въ пѣсняхъ, а черезъ нѣсколько времени оправдали. Она имѣла славу исправить мужа своего и привязать его къ себѣ навѣки. Ея безразсудность забыли — ибо щасливая супруга всегда уважаема въ свѣтѣ.

II.

Отъ чего въ Россіи мало Авторскихъ талантовъ?

Естьли мы предложимъ сей вопросъ иностранцу, особливо Французу, то онъ не задумавшись будетъ отвѣчать: „отъ ходнаго климата.“ Со временъ Монпешкѣ и Гельвеція всѣ феномены умственнаго, политическаго и моральнаго міра изъясняются климатомъ. Ah, mon cher Montaigne, n'avez - vous pas le nez gelé (*)? сказалъ Дидеротъ въ Петербургѣ одному земляку своему, который жаловался, что въ Россіи

(*) „Любезной пріятель! кажется вы ознобили носъ!“ Дидеротъ хотѣлъ сказать, что въ холодной землѣ и чувство холодно.

не чувствуютъ великаго ума его, и копорый въ самомъ дѣлѣ за нѣсколько дней передъ тѣмъ ознобилъ себѣ носъ.

Но Москва не Камчатка, не Лапландія; здѣсь солнце такъ же лучезарно, какъ и въ другихъ земляхъ; также еспь весна и лѣто, цвѣшны и зелень. Правда, что у насъ холодъ продолжительнѣе; но можетъ ли дѣйствіе его на человѣка, споль умѣренное въ Россіи придуманными способами защиты, вредить дарованіямъ? И вопросъ кажется смѣшнымъ! Скорѣе жаръ, ослабляя нервы (сей непосредственный органъ души) уменьшишь ту силу мыслей и воображенія, копорая составляетъ талантъ. Давно извѣстно Медикамъ - наблюдаателямъ, что жители сѣвера долговѣчнѣе жителей юга: климатъ, благопріятный для физическаго сложенія, безъ сомнѣнія не гибеленъ и для дѣйствій души, копорая въ здѣшнемъ мірѣ споль тѣсно соединена съ тѣломъ. — Еспьли бы жаркой климатъ производилъ таланты ума, то въ Архипелагѣ всегда бы курился чистый оиміамъ Музамъ, а въ Италіи пѣли Виргиліи и Тассы; но въ Архипелагѣ курятъ . . . табакъ, а въ Италіи поютъ . . . Кастраты.

У насъ конечно менѣе Авторскихъ талантовъ, нежели у другихъ Европей-

скихъ народовъ ; но мы имѣли , имѣемъ ихъ , и слѣдственно Природа не осудила насъ удивляясь имъ только въ чужихъ земляхъ . Не въ климатѣ , но въ обстоятельствахъ гражданской жизни Россіянъ надобно искать отвѣта на вопросъ : „ для чего у насъ рѣдки хорошіе Писатели ? “

Хотя талантъ есть вдохновеніе Природы , однакожь ему должно развиться ученіемъ и созрѣть въ постоянныхъ упражненіяхъ . Автору надобно имѣть не только собственно такъ называемое дарованіе — то есть , какую — то особенную дѣятельность душевныхъ способностей — но и многія историческія свѣдѣнія , умъ образованный Логикою , тонкой вкусъ и знаніе свѣта . Сколько времени потребно единственно на то , чтобы совершенно овладѣть духомъ языка своего ? Вольтеръ сказалъ справедливо , что въ шесть лѣтъ можно выучиться всѣмъ главнымъ языкамъ , но что во всю жизнь надобно учиться своему природному . Намъ Русскимъ еще болѣе труда , нежели другимъ . Французъ , прочитавъ Монтаня , Паскаля , 5 или 6 Авипоровъ вѣка Людовика XIV , Вольтера , Руссо , Томаса , Мармонтеля (*), можетъ совершенно узнать

(*) Какъ сочинителя единственныхъ сказокъ .

языкъ свой во всѣхъ формахъ; но мы, прочитавъ множество церковныхъ и свѣтскихъ книгъ, соберемъ только матеріальное или словесное богатство языка, которое ожидаетъ души и красокъ отъ художника. Испинныхъ Писателей было у насъ еще такъ мало, что они не успѣли дать намъ образцовъ во многихъ родахъ; не успѣли обогатить словъ тонкими идеями; не показали, какъ надобно выражать пріятно инокшорья, даже обыкновенныя мысли. Руской *Кандидатъ Авторства*, недовольный книгами, долженъ закрыть ихъ и слушать вокругъ себя разговоры, чтобы совершеннѣе узнать языкъ. Тутъ новая бѣда: въ лучшихъ домахъ говорятъ у насъ болѣе по-Французски! Милыя Дамы, которыхъ надлежало бы только подслушать, чтобы украсить романъ или комедію любезными, щастливыми выраженіями, плѣняяютъ насъ нерусскими фразами. Чтожь остается дѣлать Авшору? выдумывать, сочинять выраженія; угадывать лучший выборъ словъ; давать спарымъ инокшорый новый смыслъ, предлагать ихъ въ новой связи, но споль искусно, чтобы обмануть читателей и скрыть отъ нихъ необыкновенность выраженія! Мудрено ли, что сочинители инокшорыхъ Рускихъ комедій и романовъ

не побѣдили сей великой трудности, и что свѣтскія Дамы не имѣють терпѣнія слушать или читать ихъ, находя, что такъ не говорятъ люди со вкусомъ? Еслили спросите у нихъ: какъ же говорить должно? то всякая изъ нихъ отвѣчаетъ: „не знаю; но это грубо, несносно!“ — Однимъ словомъ, Французскій языкъ весь въ книгахъ (со всѣми красками и шѣнями, какъ въ живописныхъ картинахъ), а Руской только отчасни; Французы пишутъ какъ говорятъ, а Рускіе обо многихъ предметахъ должны еще говорить такъ, какъ напишеть человекъ съ талантомъ.

Бюффонъ страннымъ образомъ изъясняетъ свойство великаго таланта или Генія, говоря, что онъ есть *терпѣніе въ превосходной степени*. Но еслили хорошенько подумаемъ, то едва ли не согласимся съ нимъ; по крайней мѣрѣ безъ рѣдкаго терпѣнія Геній не можетъ возсіяшь во всей своей лучезарности. *Работа есть условіе искусства*; охота и возможность преодолеванъ трудности есть характеръ таланта. Бюффонъ и Ж. Ж. Руссо пѣнятъ насъ сильнымъ и живописнымъ слогомъ: мы знаемъ отъ нихъ самихъ, чего имъ стоила пальма краснорѣчія!

Теперь спрашиваю: кому у насъ сражаться съ великою трудностію быть хорошимъ Авторомъ, естли и самое щастливѣйшее дарованіе имѣетъ на себѣ жесткую кору, спираемую единственно постоянною работою? Кому у насъ десять, двадцать лѣтъ рыться въ книгахъ, быть наблюдателемъ, всегдашнимъ ученикомъ, писать и бросать въ огонь написанное, чптобы изъ пепла родилось что нибудь лучшее? Въ Россіи болѣе другихъ учатся дворяне; но долго ли? до пятнадцати лѣтъ: шутъ время ийти въ службу, время искать чиновъ, сего вѣрнѣйшаго способа быть предметомъ уваженія. Мы начинаемъ только любить чпеніе; имя хорошаго Автора еще не имѣетъ у насъ такой цѣны, какъ въ другихъ земляхъ; и тобно при случаѣ объявить другое право на улыбку вѣжливости и ласки. Къ тому же исканіе чиновъ не мѣшаетъ баламъ, ужинамъ, праздникамъ; а жизнь Авторская любитъ частое уединеніе. — Молодые люди средняго сосноянія, которые учатся, такъ *слѣшатъ* выйти изъ школы или Университета, чптобы въ гражданской или военной службѣ получить награду за ихъ успѣхи въ наукахъ; а нѣ немногіе, которые оспаютъ въ ученомъ сосноянн,

рѣдко имѣютъ случай узнать свѣтъ — безъ чего трудно Писателю образоваться вкусу свой, какъ бы онъ ученъ ни былъ. Всѣ Французскіе Писатели, служащіе образцемъ тонкости и пріятности въ слогѣ, *переправляли*, такъ сказать, школьную свою Репорику въ свѣтъ, наблюдая, что ему нравится, и по чему? Правда, что онъ, будучи школою для Авторѣвъ, можешь быть и гробомъ дарванія: даешь вкусъ, но ошнимаетъ трудолюбіе, необходимое для великихъ и надежныхъ успѣховъ. Щасливъ, кто, слушая Сирень, перенимаетъ ихъ волшебныя мелодіи, но можешь удалиться, когда захочешь! Иначе мы останемся при однихъ куплетахъ и мадригалахъ. Надобно заглядывать въ общесство — непременно, по крайней мѣрѣ въ нѣкошорыя лѣта — но живи въ кабинетѣ.

Со временемъ будетъ конечно болѣе хорошихъ Авторѣвъ въ Россіи. — тогда, какъ увидимъ между свѣтскими людьми болѣе ученыхъ, или между учеными болѣе свѣтскихъ людей. Теперь талантъ образуется у насъ случайно. Нампура и характеръ противятся иногда силѣ обстоятельство и спавятъ человека напушь, которато бы не надлежало ему избирать по расчешамъ обыкновенной поль-

зы, или опѣ котораго судьба удаляла его: такъ Ломоносовъ родился крестьяниномъ и сдѣлался славнымъ Поэтомъ. Склонность къ Литпературѣ, къ наукамъ, къ искусствамъ, есть безъ сомнѣнія природная, ибо всегда рано открывається, прежде нежели умъ можетъ соединять съ нею виды корысти. Сей младенецъ, который на всѣхъ спѣнахъ чертитъ углемъ головы, еще не думаетъ о томъ, что живописное искусство доставляетъ человѣку выгоды въ жизни. Другой, услышавъ въ первый разъ стихи, бросаетъ игрушку, и хочетъ говорить речами. Какой хорошей Авторъ въ дѣйствѣ своемъ не сочинялъ уже сапиръ, пѣсенъ, романовъ? Но обстоятельство не всегда уснупаютъ природѣ; естли они не благопріятствуютъ ей, то ея дарованія по большей части гаснутъ. Чему бытъ трудно, то бываетъ рѣдко — однакожь бываетъ — и чувствительное сердце, живость мыслей, дѣятельность воображенія, вопреки другимъ явнѣйшимъ или ближайшимъ выгодамъ, привязываютъ иногда человѣка къ тихому кабинету, и заставляють его находить неизбяснимую прелесть въ трудахъ ума, въ развитіи понятій, въ живописи чувствъ, въ украшеніи языка. Онѣ

думаетъ — желая дать цѣну своимъ упражненіямъ для самого себя — думаетъ, говорю, что трудъ его не бесполезенъ для отечества; что Авторы помогаютъ согражданамъ *лучше мыслить и говорить*; что всѣ великіе народы любили и любящъ таланты; что Греки, Римляне, Французы, Англичане, Нѣмцы, не славились бы умомъ своимъ, если бы они не славились талантами; что достоинство народа оскорбляется безсмысліемъ и косноязычіемъ дурныхъ Писателей; что варварскій вкусъ ихъ есть сапиръ на вкусъ народа; что образцы благороднаго Рускаго краснорѣчія едва ли не полезнѣе самыхъ классовъ Лапидарской Элоквенціи, гдѣ полкуютъ Цицерона и Виргилія; что оно, избирая для себя папріотическіе и моральныя предметы, можетъ благотворить нравамъ и питать любовь къ отечеству. — Другіе могутъ думать иначе о Литтературѣ: мы не хотимъ теперь спорить съ ними.

Ф. И.

III.

Гробъ Нарциссы.

(Изъ Парижскаго Журнала.)

Мы обязаны слѣдующимъ анекдотомъ Гражданину Баналю, Надзирателю бошаническихъ Монпельерскихъ садовъ. Кто не читалъ Йонга? Кто вмѣстѣ съ нимъ не плакалъ о милой Нарциссѣ? — —

Я гулялъ въ бошаническомъ саду и пришелъ къ перрассѣ, обѣненной кипарисами. Тунъ добродушной садовникъ разсказалъ мнѣ прогательный анекдотъ, который дѣлаешь се мѣсто любезнымъ и священнымъ для нѣжнаго сердца. „Опецъ мой, сказалъ онъ, нанималъ здѣшній садъ и разводилъ въ немъ рѣдкія травы. Эпипъ гротъ былъ заваленъ: я вздумалъ очистить его, чшобы въ жаркіе дни наслаждаться шупъ прохладою. У насъ былъ въ услугахъ доброй старикъ, именовъ Мерсье: услышавъ о моемъ намѣреніи, онъ вмѣстѣ со мною принялся за работу. Видя на лицѣ его нѣкоторые знаки чувствительности, я хотѣлъ знать причину. Здѣсь покоится милый прахъ, отсѣчалъ онъ со слезами. Любопытство мое принудило его разсказать мнѣ всѣ обстоятельство горестнаго происшествія.

„Уже лѣтъ двадцать - пять тому,
 „сказалъ Мерсье, какъ одинъ Англичанинъ
 „привезъ въ Монпелье больную дочь свою,
 „чтобы пребыть совѣта здѣшнихъ Ме-
 „диковъ. Но ни цѣлебный воздухъ, ни ис-
 „кусство Докторовъ не помогли ей: она
 „помилась, увядала, и черезъ нѣсколько
 „мѣсяцъ умерла. Ее не дозволяли хоро-
 „нить, для того, что она была не Ка-
 „толическаго закона. Неушѣшный отецъ
 „съ прудомъ могъ выпросить для ея мо-
 „гины сажень земли въ этомъ саду: над-
 „лежало еще скрыватья отъ жестокихъ
 „людей, чтобы они не видали погребенія.
 „Мы впустили его сюда ночью. Онъ самъ
 „выбралъ этотъ гробъ, и я началъ рыть
 „могилу. Какими словами могу описать
 „вамъ горесть несчастнаго отца, которой
 „держалъ на колѣняхъ мертво тѣло лю-
 „безной дочери, при блѣдномъ свѣтѣ фо-
 „наря разсматривалъ ея желтое лицо,
 „напрасно хотѣлъ удерживать свое рыда-
 „нiе, обнималъ неодушевленный шрупъ, и
 „съ ужасомъ взглядывалъ на могилу, го-
 „ловую навѣски сокрыть драгоценныя
 „остатки милой!.. Онъ сшенилъ и жалоб-
 „нымъ голосомъ требовалъ моего утѣше-
 „нiя.... Мѣсяцъ былъ на ущербѣ, и рѣдко
 „показывался изъ облаковъ. Вся натура,
 „въ минуты безмолвiя и мрака, казалась

„мертвую. Наконецъ я взялъ холодное шѣ-
 „ло... Нещасный отецъ въ горестномъ
 „изступленіи своемъ не могъ видѣть,
 „какъ я засыпалъ могилу!.. Воишь она!“....

Чувствительной Мерсье указалъ мѣ-
 сто, залился слезами и не могъ говорить.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того
 Г. Баленвилье, начальникъ Лантедокскій,
 пришелъ въ эшотъ садъ собирать травы.
 Я рассказалъ ему любопытный свой анек-
 дотъ. Онъ былъ пронутъ, задумался,
 ушелъ, черезъ десять минутъ возвратил-
 ся съ прекраснымъ изданіемъ Йонговыхъ
Нотей и показалъ мнѣ изображенный на
 фронтисписѣ гробъ, совершенно сходный
 съ здѣшнимъ. „Это безъ сомнѣнія могила
 Нарциссы,“ сказалъ Г. Баленвилье: „она
 священна для всякаго добраго сердца, ко-
 торое было распротоано горестнымъ красно-
 рѣчіемъ отца!“

Скоро слухъ о томъ разнесся по всему
 городу. Милордъ и Милади Камельфортъ
 захотѣли изъяснить свою чувствитель-
 ность къ судьбѣ нѣжной Нарциссы. Они
 получили дозволеніе рыть шѣло: на-
 шелся одинъ скелетъ, который, по знѣ-
 нію Господина Вигаро, искуснаго Медика,
 могъ быть только оставомъ шестнадцати-
 лѣтней дѣвицы. Это совершенно увѣрило
 всѣхъ въ истинѣ догадки нашей. Лордъ

Камельфортъ и чувствительная супруга его положили кости въ гробъ и зарыли ихъ въ прежнемъ мѣстѣ.“

Тронутый слышанною повѣстiю, и сожалѣя, что могила безъ надписи, я въ ту же минуту написалъ слѣдующую эпитафiю:

*Нарцисса не могла Филандра пережить!
О вы, которые умѣете любить!
Осыльте нѣжными цвѣтами гробъ прекрасной,
Гдѣ столько пролилъ слезъ отецъ ея не-
щастной!*

IV.

Благоразумный человекъ.

(Изъ Univ. Chronicle.)

Благоразумiе нужнѣе всѣхъ другихъ свойствъ разума, и дѣйствiя его необходимы въ ежедневныхъ случаяхъ жизни; а Природа даетъ человеку безъ великаго труда все необходимое. Благоразумiе не требуетъ отъ насъ прозорливости, великаго глубокомыслия, и само собою рождается въ душѣ тихой, спокойной, незанятой съ пламенными чувствами, съ восторгами спрасней и героическими намѣренiями.

Благоразуміе дѣйствуетъ на жизнь такъ, какъ правила на твореніе Искусства; оно дѣлаетъ человѣка осторожнымъ, но не можетъ возвысить духа; предупреждаетъ вредъ, но не даетъ существенныхъ выгодъ; избѣгаетъ ошибокъ, но не ведетъ человѣка ко славѣ, истребляя смѣлость, которая иногда бываетъ гибельна, но безъ которой не лзя заслужить удивленія и хвалы громкой. Правила кажутся, что дурно, но не можетъ сообщить красоты: такъ и благоразуміе дѣлаетъ жизнь только безопасною, а не щастливою. Геній, трудясь для безсмертія, разрываетъ узы правилъ; а Герой славится, забывая осторожность благоразумія.

Мы не знаемъ никого благоразумнѣе сосѣда нашего, Оронта, который прожилъ вѣкъ свой смирно и тихо, единственно отъ того, что слѣдовалъ двумъ не-мудренымъ правиламъ, и всегда дивился, какъ могутъ люди ссориться, браниться, шумѣть и плакать вѣ свѣтѣ!

Оронтъ твердитъ болѣе всего: *выбери-рай, сто вѣрно!* и хотя любитъ деньги, но думаетъ, что бережливость выгоднѣе всякой промышленности. Напрасно говоряшь ему о способахъ много выиграть и разбогатѣть: онъ не мыслитъ о буду-

щемъ, а занимаешься только настоящимъ, говоря: „свица въ рукахъ лучше журавля въ небѣ!“ Имѣешь небольшое поле, обрабатываешь его по старому и не хочешь слышать о новыхъ методахъ земледѣлія, разсуждая, что дѣды наши были не глупѣ насъ, и знали, какъ пахать землю; что для всякаго новаго заведенія надобно издержать деньги, а польза еще впереди; что истинный мудрецъ держится вѣрнаго, и не дастъ ни копѣйки за неизвѣстное.

Другое Оронтово правило есть: *думай только о себѣ дѣлать*. Въ Полиникѣ онъ не беретъ ни чей стороны, и говоритъ объ Англійскомъ Парламентѣ такъ холодно, какъ о солнцѣ Китайскаго Императора. Когда сказываютъ ему о страшномъ злоупотребленіи, о великой несправедливости, онъ утѣшается надеждою, что это выдумка. Когда Якобинцы волнуютъ народъ, или Министры играютъ народомъ, Оронтъ думаетъ, что всякому вольно поступать, какъ ему лучше кажется. Во время выборовъ онъ имѣетъ полную довѣренность къ согражданамъ, и говоритъ, что всѣ Кандидаты хорошіе люди, и что онъ не смѣетъ одного предпочесть другому.

Когда сосѣды ссорятся, Оронтъ осматривается хладнокровнымъ зрительцемъ. Его называютъ честнымъ, за то, что онъ никого не обманываетъ — а мудрымъ за то, что никогда не ошибается. Рѣдкіе не исполнили бы его приговора; онъ могъ бы прекратить множество тяжёлыхъ дѣлъ, могъ бы помирить многихъ непріятелей — но Оронтъ никакъ не хочетъ мѣшаться въ чужія дѣла, чтобы, оправдывая одного, не обвинить другого.

Видя, какъ одинъ сосѣдь хозяйствуетъ, какъ другой мопаетъ, Оронтъ молчитъ; не хвалитъ перваго, не осуждаетъ послѣдняго; не льститъ богатому, ибо онъ можетъ обѣднать; боится оскорбить бѣднаго, ибо онъ можетъ разжиться. Предвидѣніе его въ самомъ дѣлѣ имѣетъ наружность добродѣтели; кому нѣтъ нужды въ немъ, тотъ хвалитъ его въжливосіе и добросердечіе. Но кто требуетъ у него помощи, того увѣряетъ Оронтъ, что онъ раздалъ всё свои деньги и крайне жалѣетъ; а когда уйдешь проситель, Оронтъ говоритъ домашнимъ: „я всегда любилъ его какъ душу, а не даю ему денегъ для того, чтобы послѣ не пребывалъ ихъ назадъ и не побраниться съ добрымъ человекомъ.“ — Семейственные безпорядки никогда не бывають ему извѣстны.

Слыша, что такая-то дѣвица вышла за мужъ за лакея, онъ въ изумленіи поднимаетъ вверхъ руки и говоритъ, что она всегда казалась ему скромною и благо- нравною. Когда супруги, бывъ долгое время примѣромъ несогласія и разврата для цѣлаго города или всей провинціи, наконецъ разводились, тогда Оронтъ влялся и божился, что ему и на мысль не приходилъ сей случай, и что онъ всегда считалъ ихъ примѣромъ супружескаго согласія.

Когда сосѣдъ потребуетъ у него совѣта, Оронтъ не дастъ ни худаго, ни добраго; для того, что все подвержено неизвѣсности и что онъ боится ошибки. Оронтъ беретъ его за руку съ ласковымъ видомъ; говоритъ, что радъ душою служить ему какъ самому себѣ, и совѣтуетъ — быть оспороженнымъ, не шоропиться, все обдумать, но и не медлить излишно; что у мудраго два уха, а одинъ языкъ; что скромность всегда полезна; что онъ могъ бы дать ему разные совѣты, но что всякой въ своемъ дѣлѣ есть лучшей судья. Такимъ складнымъ пуспословіемъ многіе бывающъ довольны, идущъ домой ни съ чѣмъ, но удивляющъ глубокой мудрости сосѣда, копорый по крайней мѣрѣ не оспориваетъ ихъ мнѣнія.

Благоразумный Оронтъ всегда заку-
ситъ языкъ, когда начнутъ говорить о
характерѣ людей; не хвалитъ добродѣтели
и не бранитъ пороковъ, замѣтивъ однажды
навсегда, что дѣши Адамовы крайне сер-
дяшся за брань и рѣдко бываютъ довольны,
когда другихъ хвалятъ. Съ самыхъ моло-
дыхъ лѣтъ онъ зашвердилъ нѣкопорыя
фразы, и при всякомъ случаѣ употре-
бленіи ихъ безъ дальнѣйшаго разбора.
Еслили надобно сказать мнѣніе о состо-
яніи человѣка, то Оронтъ полагаетъ,
что всё, слава Богу! награждены избыш-
комъ и не знаютъ нужды. Хотя онъ не
превозноситъ съ жаромъ ни чьей мудро-
сти, однакожь по возможности держится
всегда умныхъ людей. Всякой мущина есть
для него презрѣнный человѣкъ, всякая
женщина достойна почтенія.

Такимъ образомъ сосѣдъ нашъ краде-
ся по-шихоньку сквозь шумныя толпы
людей въ свѣтъ, и не спунитъ шага
безъ того, чптобы не осмошрѣшься вокругъ
себя, не зная ни любви, ни вражды,
ни услугъ, ни обидъ; не спарался нико-
гда разбогатѣть, отъ спраха обѣднать;
не искалъ никогда друзей, чптобы не на-
жить послѣ непріятелей.

Письмо изъ Парижа.

Я люблю видѣть здѣшній парадъ и Консула. Зрители бывають всегда множество, на стѣнѣ за решеткою, на мѣстѣ Карруселя, на кровлѣ Тюлерійскихъ палатъ и на ихъ бельведерѣ, кромѣ тѣхъ, копорые имѣють входъ во внутреннія комнаты и смотрятъ въ окна (по большей части дамы). Бонапарте живеть во флигель на лѣвой сторонѣ. Ошпуда во всю длину галлерей, по большому крыльцу и до самой внутренности двора стоятъ гранадеры въ двѣ шеренги, но въ такомъ разстоянїи другъ отъ друга, чпобы зрители сквозь ихъ могли видѣть. Всякой разъ, когда Офицеръ съ рапортомъ или чиновникъ, имѣющій дѣло до Бонапарте, всходитъ на крыльцо, бьютъ въ барабанъ, чпобы извѣстить Консула.

Наконецъ онъ является съ Генералами и Адъютантами, но такъ просто одѣтый, чпо его не возможно узнать по платью: иногда въ мундирѣ Национальной гвардїи, иногда въ егерьскомъ, и весьма рѣдко въ генеральскомъ. Скорѣе всего узнаешь его по тому, чпо онъ одинъ не носитъ перьевъ на шляпѣ. Въ это время ожидають его многіе граждане

съ прозвѣбами: Бонапарте всегда съ ласковымъ видомъ беретъ бумагу и кладетъ ее въ карманъ; читаетъ ихъ послѣ самъ или велитъ предлагать себѣ выписки. — Бѣйска бываеиъ на парадѣ оиъ пссни до осьми тысячъ. Консулъ садится на лошадь, приказываетъ дѣлать манѣвры, сморивъ на все съ великимъ вниманіемъ и часто самъ поправляетъ канонировъ, бывъ иѣкогда Аршиалерійскимъ Офицеромъ и зная совершенно сію часть. Почетное оружіе раздается всегда на парадѣ; число бы сіе снличіе тѣмъ сильнѣе дѣйствовало на другихъ воиновъ. Въ день парада бываетъ всегда аудіенція для иностранныхъ Министровъ и часто большой сбѣдъ, за которымъ однакожь рѣдкіе имѣютъ время насытаться. Онъ продолжается только при четверти часа, и многіе, иѣсколько разъ сбѣдавшіе въ Тюльери, никогда еще не ѣли десерта: Бонапарте, сбѣвъ свой бисквитъ, всмаетъ; другіе слѣдуютъ его примѣру — и конецъ сбѣду. Иѣкоторые берутъ свои мѣры и прѣзжаютъ въ Тюльери отсбѣдавъ дома. Когда Госпожа Бонапарте за споломъ, то другіе два Консула сидятъ подлѣ нее, а рядомъ съ Бонапарте сидитъ Президентъ или Законодательнаго Корпуса или Сената. Можетъ быть ино-

спиранные Министры шѣмъ не довольны; но Консулъ не хочетъ оказывать никому изъ нихъ предпочтенія, и сверхъ того желаетъ изъяслять уваженіе къ законнымъ Власнымъ Франціи.

Хотя главный источникъ любопытныхъ новостей теперь закрылся, и письменный журналъ лжеца Фуилу уже не извѣщаетъ Европы о сокровенныхъ мысляхъ Бонапарте, однакожь я могъ бы собрать еще довольно анекдотовъ; признаюсь только, что не вѣрю имъ. Такъ, на примѣръ, рассказываютъ, что дочь Госпожи Бонапарте не любитъ своего мужа, Лудвига Бонапарте; что другой братъ Консула, Жеромъ, въ одну недѣлю промошалъ 40 тысячъ ливровъ, и за то былъ посланъ въ Сен-Доминго; что молодой Богарне долженъ около милліона, и проч. Бонапарте даетъ матери своей ежегодно 24000 ливровъ. Въ первый день каждаго мѣсяца слуга его приноситъ ей 2000 франковъ. Она живетъ въ улицѣ du Mont Blanc, и хотя очень любима сыномъ своимъ, однакожь не вмѣшивается въ дѣла и не употребляетъ во зло сыновняго къ ней уваженія.

Бывшіе Эмигранты помирились, кажется, съ Консуломъ, и теперь безъ сомнѣнія не выгнали бы его изъ спектакля

своею дерзостію, какъ то случилось во время предсавленія *Эдуарда*, къ несчастью бѣднаго Автора Дювала, высланнаго изъ Парижа. Я самъ былъ тогда въ театръ, и видѣлъ, какъ Бонапарте, прѣхавъ въ ложу, слушалъ Дразу съ великимъ вниманіемъ, часто аплодировалъ, но вдругъ, замѣшивъ, что Роялисты хохляшъ дразнить его безумнымъ хлопаньемъ при всякомъ мѣстѣ, которое можно было отнести къ Людовику XVIII, вспаъ и вышелъ изъ театра. Феликсъ Ногаре, которому Арно, Авторъ *Марія* и другихъ Трагедій, отдавалъ въ ценсуру *Эдуарда*, зналъ съ того времени въ немилость. Нынѣ театральная ценсура поручена извѣстному Редереру, вмѣстѣ съ надзираніемъ надъ школами. Бѣдные драматическіе Авторы! Онъ заставляшъ ихъ сидѣть у себя въ лакейской или на крыльцѣ. На сихъ дняхъ одинъ важный Членъ Института имѣлъ нужду до Гражданина Редерера; но его не впустили въ домъ, сказывая, что хозяинъ занялъ и никого не принимаетъ. Ученый хотѣлъ непременно войти, говоря, что онъ его повариху и долженъ сказать ему только нѣсколько словъ. „Послушайте, ошвѣчала ему добродушная служанка: Господинъ Редереръ скоро выдеши; подождите здѣсь

на лѣстницѣ, и тогда можете сказать ему что хотите; другіе, не хуже васъ, ждутъ его.“ Членъ Института ушелъ съ великимъ сердцемъ и кричалъ издали служанкѣ, чтобы она отъ его имени назвала Редерера глупцомъ. — Молодой Дюпати, сынъ Президента, Сочинителя *Писемъ объ Италіи*, былъ сосланъ въ Колонію за маленькую театральную пѣсу, *l'Anti-chambre*, для которой музыку сочинялъ извѣстный д'Алеракъ. Одинъ любитель гармоніи, видѣвъ Оперу и слыша о несчастіи Автора, сказалъ: „Естьли это правда, то видно, что Бонапарте хочеть истребить хорошую музыку во Франціи; иначе мудроно понять, что „нашли въ пѣсѣ.“ Министръ Фуше утверждалъ, что въ ней осмѣяны Герои Республики. На сценѣ представлены два бывшіе лакея, которые, разбогатѣвъ, хотятъ жениться на двухъ прекрасныхъ дѣвушкахъ, но которыхъ другіе слуги, нарядившись въ платье своихъ господъ, выгоняютъ изъ дому: вотъ содержаніе и развязка! Мудроно, что Французскіе Офицеры могли тѣмъ обидѣться. Правда, я замѣтилъ одинъ *Каланбуръ* въ пѣсѣ, который могъ показаться насмѣшкою надъ военнымъ состояніемъ. Бывшій лакей выдаетъ себя за Офицера и говоритъ:

я служу. Другой слуга отвѣчаетъ ему: и я служу. Но шайная Хроника рассказываетъ, что Генераль Лефевръ, нынѣшній Сенаторъ, ненавидитъ молодаго Дюпапи, который нѣкогда отнялъ у него любовницу; что Актеръ Шенаръ, будучи похожъ лицомъ на Лефевра, дразнилъ его и представилъ въ каррикатурѣ на сценѣ, будучи, можетъ быть, наученъ Авторомъ; что Сенаторъ пожаловался Министру Фуше, который взялся бывъ его мстителемъ, запретилъ пѣсу, конфисковалъ мундиры, въ которыхъ актеры представляли Офицеровъ, и донесъ Консулу на Автора. Однакожъ изгнаніе его не продолжилось: Бонапарте скоро велѣлъ ему возвратиться. Говорятъ, что Консулъ вообще не любитъ Театра *Федо*, на которомъ играли эту пѣсу, и сказалъ однажды: *Je ne fais pas à quoi servent ces chanteurs de Feydeau; on me demande toujours de l'argent pour eux.* Онъ хочетъ поддерживать только большую Оперу и Французскую Комедію, а другіе Спектакли оставить на ихъ собственномъ содержаніи.

Французы все еще забавляются *Каланбурами*. Передъ Тюлерійскими Палатами споятъ чепыре мѣдные пѣшуха на громовыхъ стрѣлахъ, такъ же мѣдныхъ. Какой-то остроумецъ, смотря на нихъ,

сказалъ: quatre coqs, c'est trop pour une basse-cour! Напомню вамъ еще другой Каланбуръ, сказанный за годъ передъ симъ, когда Бонапарте велѣлъ срубить въ Тюльери всѣ дерева вокругъ *дерева вольности* (arbre de la liberté). На что же это осталось? спросилъ одинъ. Pour nous en laisser l'ombre, отвѣчали ему. Это прекрасно.

Всѣ революціонныя надписи передъ Тюлерійскими палащами и на Луврской галлерей уничтожены. На примѣръ: 10 Aout 1792. La Royauté en France est abolie; elle ne se relevera jamais — или: Ici Charles IX, d'exécutable mémoire, &c. Бонапарте училъ Французовъ скромности и вѣжливости.

ПОЛИТИКА.

I.

Республика Семи - Острововъ.

Австрія и Франція, заключая мирный Кампо - Формійскій пракупатъ 17 Окт. 1797, раздѣлили между собою всѣ владѣнія Венеціанской Республики.

Последняя взяла Левантскія острова: Корфу, Занпъ, Кефалонію, Санта - Мауру, Чериго и другія принадлежащія къ нимъ острова, такъ какъ Буторинто, Ларту, Боницу и вообще всѣ Венеціанскія колоніи въ Албаніи, по сую спорону Лодринскаго залива.

Сии пріобрѣшенія подѣ начальствомъ Генерала Жаншили были раздѣлены на три Департаменты, названные Коркирскимъ, Ишакскимъ и Эгейскимъ, и присоединены такимъ образомъ къ огромной Французской Республикѣ. Они были для нее весьма полезны. Французы утвердились черезъ то въ самомъ Турецкомъ владѣніи, могли овладѣть Восточнымъ портомъ, играть важнѣйшую ролью на Адриатическомъ морѣ, повелѣвать Неаполемъ и Сициліею, умноживъ ослабѣвшія мор-

скія силы свои Греческими мапрозами, и пользовались славными дубовыми лѣсами въ Албаніи.

Сіи пріобрѣненія сдѣлались для нихъ еще важнѣе, когда они взяли Мальту и Египетъ. Тогда Республика отъ Тулона до Нильской колоніи своей имѣла цѣпь укрѣпленныхъ острововъ, копорая, давая ей неограниченную власть на Средиземномъ морѣ, служила вѣрною оградой Египта.

Но разрывъ съ Порпою и бѣдствіе Французскаго флота уничтожили сіи выгоды. Россія, заключивъ дружественный трактатъ съ Султаномъ, послала въ Средиземное море флотъ свой, копорый, вмѣстѣ съ Турецкою эскадрою, завоевалъ всѣ Французскія Левантскія владѣнія.

Съ того времени сіи острова были заняты Рускимъ и Турецкимъ войскомъ. Полишки думали, что Россія оставитъ ихъ за собою; но сколь же они удивились, когда Министръ Императора ПАВЛА въ Константинополѣ заключилъ съ Порпою условіе (21 Марша, 1800), по копорому два Самодержца сдѣлались основателями новой Республики, названной Республикою *Семи-Острововъ*! Ей надлежало быть управляемою Нотаблями и сослужать подъ защитою Султана, подобно Рагузѣ;

жили ея пользующиясь всѣми особенными правами Рагузскихъ гражданъ, могутъ свободно плавать по Черному морю и безопасны въ разсужденіи Африканскихъ морскихъ разбойниковъ. Всякіе три года она должна плащипь Султану 750,000 пиастровъ; но за то ея граждане освобождены въ Турецкіи отъ всѣхъ податей. Россійскій Императоръ утвердилъ конституцію новой Республики. Грѣбъ ея есть левъ въ блѣдомъ полѣ, который въ одной лапѣ держитъ Евангеліе, а въ другой связку семи стрѣлъ подъ крестомъ; на одной сторонѣ изображено Христіянское лѣтоисчисленіе 1800, а на другой Турецкое число Эгирь. — Обѣ Державы обѣщали, что при общемъ мирѣ сія Республика будетъ признана всѣми другими Державами. Такимъ образомъ Франція и Англія, подписывая мирныя условія, признали ее.

И такъ черезъ нѣсколько вѣковъ видимъ мы опять Греческую Республику, которая, не смотря на свою малость и тихое начало, по мнѣнію людей проникательныхъ, должна играть въ свѣтѣ важную роль! Питтъ, говоря о мирѣ, сказалъ 3 Ноября въ Парламентѣ, „что Республика Семи-Острововъ можетъ быть со временемъ такъ же сильна, какъ и самая Порта!“

Сія въ политическую систему Европы ново - введенная Республика Семи - Острововъ, или Ионическая (ибо главные острова ея всѣ на Ионическомъ морѣ) достойна описанія.

Въ ней только пять большихъ острововъ : Корфу, Санпа - Маура, Кефалонія, Закипъ и Черито; шестымъ считается островъ Паксо (принадлежащій собственно къ Корфу), а седьмымъ Теаки или древняя Итака, иначе называемая малою Кефалоніею.

Первый изъ сихъ острововъ по своей величинѣ и укрѣпленію есть

1) Корфу (или древняя Коркира) въ Адриатическомъ заливѣ, лежащій противъ Эпира, версинахъ въ пяти отъ твердой земли. Онъ длиною 140 верстѣ, шириною 60, а въ окружности 560. На немъ есть городъ того же имени и 78 селеній. Жителей, по большей части Грековъ, считается 70,000. Сѣверная часть острова весьма плодородна. Онъ вообще производитъ много вина (славнаго еще въ древности), соли, масла, меду и всякаго роду вкусныхъ плодовъ, изъ которыхъ всего лучше фиги, называемыя *фракаццани*. Красота тамошнихъ мѣсяцъ и пріятность климата воспѣты въ Одиссеѣ Гомеромъ; сады Алькиноевы были,

но его стихотворенію , въ Корфу. Антикусъ и Цицеронъ восхваляющъ также любезность и щасливую жизнь въ Коркирѣ.

Положеніе острова весьма благопріятно для торговли; гавань его, въ которой можетъ удобно помѣститься большая эскадра, была всегда убѣжищемъ кораблей. Жители всѣ распушъ, такъ сказать, на морѣ, и Корфіоты считались въ Венеціанской Республикѣ лучшими матрозами. Они славились шѣмъ и въ древности: Фукидидъ говоритъ, что безъ нихъ не бывало въ Греціи ни одного морскаго сраженія. Коркира высылала противъ Ксеркса, для защиты отечества, 60 вооруженныхъ кораблей.

Сверхъ того Корфу есть не только щитъ Адриатическаго моря, но и ключъ къ Неаполитанскому Королевству, находясь не далѣе, какъ во 120 верстахъ отъ гавани Оспранто. Для того въ 1716 году Австрія, Гишпанія, Тоскана и Папа спѣшили всѣми силами помогать Венеціи, когда Турки осадили сію защиту Ипалліи! Главная крѣпость построена на мысѣ, къ югу. Внѣшнія укрѣпленія состоятъ изъ двухъ возвышеній съ окопами, называемыхъ Салвадоромъ и Авраамовымъ холмомъ; а гавань находится подъ бапа-

реями двухъ скалъ. Тамъ было всегда 700 пушекъ. Франгузы справедливо называли Корфу вторымъ Гибралпаромъ.

Къ Корфу принадлежатъ еще 9 маленькихъ острововъ, изъ которыхъ значнейшій есть

2) Паксо; онъ имѣетъ въ окружности 50 верстъ, хорошую приспань, но мало жителей. Пронивъ него лежитъ Анти - Паксо, изобильный виномъ, миндалемъ и масломъ, но совсѣмъ не населенный. Его обрабатываютъ жители острова Паксо. На немъ не бываетъ никогда ни ядовитыхъ животныхъ, ни ядовитыхъ растеній; пробовали разводивъ ихъ: но первыя тотчасъ умираютъ, а вторыя сохнутъ. Предметъ достойный любопытства Натуралистовъ!

3) Санта - Маура, древняя Левкадія, напоминающая бѣдешвенный конецъ Сафры и гробъ Артемизинъ, имѣетъ въ длину верстъ 60, а въ ширину 50. Жители всѣ Греки; въ главномъ городѣ того же имени считается ихъ болѣе 6000. Онъ лежитъ на сѣверовосточномъ краю острова, и такъ близко отъ твердой земли Эпира, что соединяется съ нимъ деревяннымъ мостомъ. На островѣ двѣ гавани, изъ которыхъ лучшая называется Порто Драпано. Онъ весьма гористъ, но кли-

масть его пріямень и здоровъ. Главное произведеніе естъ соль; но, кромѣ родяща и всѣ другіе плоды Греческихъ острововъ: хлѣбъ, масло, вино, прекрасныя овощи, и проч.

4) Кефалонія, глава всѣхъ Гоническихъ острововъ; длиною 100 верстѣ, шириною 60, а въ окружности 540. Земля гориста, но весьма плодородна. Климатъ самой прекрасной. Зимы совсѣмъ нѣтъ; въ то время года, которое называется симъ именемъ, цвѣтуть шамъ розы и гвоздика. Лимонныя, померанцевыя и гранатныя деревья безъ всякаго спаранія производятъ самыя вкусныя плоды необыкновенной величины, и два раза въ годъ: въ Апрѣлѣ и въ Ноябрьѣ. Сей щастливый островъ подверженъ только одному бѣдствію: землетрясенію.

Главный плодъ его естъ виноградъ, или какъ называемая коринка. Опшуда выходитъ ежегодно 80,000 бочекъ вина и 20,000 масла. Сверхъ того Кефалонія производитъ много меду, хлопчатой бумаги и всякаго роду садовыхъ распѣній. Долины весьма удобны для скотоводства. Коровы питаются шамъ на лугахъ шалфеемъ, розмариномъ и другими благовонными травами; по тому масло ихъ весьма вкусно. Кефалонійскій сыръ славнѣе

и дороже другихъ; его дѣлають ежегодно болѣе 1500 центнеровъ; но хлѣба родится шамъ едва ли и 50,000 чепвертей въ годъ.

Главный городъ, который называется также Кефалонією, весьма богатъ и многолюденъ. Крѣпость Ассо построена на высокомъ, узкомъ мѣстѣ, окруженномъ крупными скалами и моремъ. Сверхъ того на островѣ считается 202 селенія, между которыми есть маленькіе городки. Лучшая гавань называется Аргостоли. Число людей простирается до 60,000. Греки имѣютъ своего Духовнаго начальника, а Каполики Епископа, живущаго на островѣ Заншѣ.

5) Теаки, то есть малая Кефалонія или древняя, Гомеромъ прославленная Итака, лежитъ напротивъ большой Кефалоніи. Жителей на островѣ, въ разныхъ селеніяхъ, не болѣе 3000; въ одной изъ сихъ деревень, называемой Вальпи, есть большая и весьма удобная пристань для всякихъ кораблей. Общая Религія Греческая, языкъ также. Женщины опмѣнно хороши лицомъ и стройны; мужчины всѣ природные мапрозы.

6) Заншъ, прежде Закинеъ, противъ западнаго берега Морей, имѣетъ 120 верстъ въ окружности. Климаншъ и произведенія

его таковы же, какъ и другихъ описанныхъ острововъ. Жителей, въ 48 мѣспечкахъ, около 50,000, по большой части Грековъ. Главный городъ Зантъ лежитъ у подошвы горы на берегу моря, а крѣпость его на горѣ. Въ числѣ жителей есть и Жиды. Приспань безопасна, но не очень удобна.

7) Чериго, на Эгейскомъ морѣ, къ юговосточной сторонѣ Морси, противъ мыса Малю, въ семи морскихъ миляхъ отъ Кандіи, имѣетъ въ окружности 120 верстъ. Въ древности сей островъ назывался Цитерою: ибо тамъ, говоритъ Мифологія, вышла Венера Анадіомена изъ пѣны морской. Но онъ, по всей вѣроятности, для того посвященъ былъ богинѣ любви, что Феникійцы сообщили жителямъ его, прежде другихъ, понятіе о божественности Афродиты. Теперь не осталось уже и слѣдовъ древняго, славнаго храма ея. Вообще островъ ни мало не прелестенъ; при четверти его состоятъ изъ дикихъ скалъ; на остальной части сѣютъ хлѣбъ и садятъ виноградъ, опмѣнно вкусной. Климатъ очень пріятенъ. Луга весьма хороши для скотоводства. Дичи много; особливо голубей и перепелокъ.

Сей островъ назывался нѣкогда *ключемъ Архилелагскимъ*: ибо прежнія легкія

военныя суда могли удобно входитьъ въ заливы южной стороны его. Но въ новѣйшія времена онъ былъ почти совсѣмъ бесполезенъ, не имѣя большихъ, надежныхъ гаваней, и Венеціане, владѣя имъ, не могли ничего предпринять для возвращенія поперянныхъ ими острововъ въ Архипелагъ. Пристань Святаго Николая закрыта отъ сѣверныхъ вѣтровъ и хороша для военныхъ судовъ, которыя могутъ отсюда наблюдать всѣ непріятельскія движенія между Кандіи и Мореи; но зимою она опасна, не будучи ни чѣмъ закрыта отъ востока къ югозападу. — Укрѣпленіе острова не стоить никакого вниманія.

II.

Число жителей въ Англіи.

До сего времени мы не знали его вѣрно, и Статистики спорили между собою. Народъ, боясь, чтобы Правленіе не вздумало ввести подушнаго налога, никогда не хотѣлъ слышать о переписи людей. Однакожь Пишпъ согласилъ на то Парламентъ, и въ исходѣ минувнаго Апрѣля обнародовано въ Лондонѣ вѣрное исчисле-

нїе жителей. Ихъ 9 милліоновъ 345,578 въ Англіи и Валлисѣ, въ Шотландіи 1,700,000, а въ Ирландіи болѣе четырехъ милліоновъ; и такъ во всей Великобританіи 15 милліоновъ — слѣдственно половина того, что во Франціи съ ея новыми пріобрѣтеніями — болѣе, нежели во всей Италіи, въ Гишпаніи и въ Пруссіи. Города Манчестеръ, Ливерпуль, Бирмингамъ едва существовали въ началѣ осьмага-надесять вѣка; а теперь въ первомъ 84,020, во второмъ 77,653, а въ третьемъ 73,670 жителей; въ Лондонѣ 900,000 человекъ, съ гвардейскими полками и матрозами. Обитаемыхъ домовъ въ одной Англіи сочтено 1,575,923, сверхъ того 57,476 домовъ спояшь пуспые. Десятая часть мужчинъ служитъ въ арміи и на корабляхъ.

III.

Умноженіе жителей и великіе успѣхи торговли въ сѣверной Америкѣ.

Нигдѣ число жителей такъ скоро не возрасло, какъ въ Соединенныхъ Американскихъ Облацияхъ. Въ 1784 году было тамъ 3,250,000 человекъ, а въ 1802 со-

чтено въ Америкѣ 6 милліоновъ жителей; слѣдственно въ 18 лѣтъ число ихъ вдвое умножилось. Но обширность Американскихъ владѣній такъ велика, что на всякую квадратную Нѣмецкую милю приходится только 140 жителей — что весьма мало въ сравненіи со многочисленнымъ Европейскимъ землемъ. Вѣроятно, что общій миръ основаніемъ частныя переселенія Европейцевъ въ Америку, и слѣдственно уничтожилъ главную причину умноженія людей въ сей части свѣта. Читатели могутъ судить объ успѣхахъ ея торговли по слѣдующей таблицѣ.

Американцы вывезли товаровъ

Въ 1791 году на	19,012,040	долларовъ.
— 1792 — —	20,753,097	—
— 1793 — —	26,109,572	—
— 1794 — —	33,026,253	—
— 1795 — —	47,989,472	—
— 1796 — —	67,164,097	—
— 1800 — —	70,000,000	—
— 1801 — —	93,020,513	—

Извѣстія и замѣчанія.

Мы приближаемся ко временамъ спокойнымъ, и сплатья полипическихъ новостей бѣднѣетъ. Прошло время *любопытныхъ ужасовъ*, время богатой жатвы для Издашелей Вѣдомостей; теперь имъ оспаеетъ подбирать колосы и рассказы-вать басни отъ скуки. Однакожь внимательный наблюдатель можетъ всегда что нибудь замѣтить на горизонтѣ. Мы живемъ въ такомъ мѣрѣ, въ которомъ спокойствіе есть только ошдыхъ: ибо дѣятельность (слѣдственно и перемѣна) есть законъ его.

Послѣдній актъ Революціонной трагедіи былъ игранъ въ Сен - Доминго: Туссень Луверпюръ взялъ *отставку* и сошелъ съ прагической сцены. Въ Англійскихъ Вѣдомостяхъ пишутъ, что Генераль Леклеръ обнародовалъ свободу и равенство для жителей Колоніи, Бѣлыхъ и Черныхъ, безъ различія; что онъ собираетъ Депушатовъ изъ всѣхъ частей острова, которымъ предложитъ свой планъ новаго образованія Колоніи, но которые должны быть только его совѣшниками, а не законодателями. — Гене-

ралъ Ришпансъ, отправленный Консуломъ въ Гваделупу, вышелъ на берегъ безъ всякаго сопровивленія отъ жителей. Мулашъ Пелажъ, Гваделупскій Туссень, немедленно къ нему явился и долженъ былъ оспаться на кораблѣ подъ спражею; но вѣроятно, что Французское Правленіе, оставивъ въ покоѣ явнаго мятежника Туссеня, не захочетъ наказатъ Пелажу, который никогда не откладывался отъ Франціи и соблюдалъ порядокъ на оспровѣ. Вина его состоитъ единственно въ томъ, что онъ выслалъ Французскаго Коммиссара Лакросса, заслужившаго ненависть всѣхъ Гваделупскихъ жителей. — Англичане весьма довольны усмиреніемъ Французскихъ Негровъ, которые подавали опасный примѣръ невольникамъ Англійскихъ Колоній.

Теперь взоръ наблюдателя болѣе всего останавливается на Турецкой Имперіи, покрытой облаками. Мы не вѣримъ Лондонскимъ Журналистамъ, которые отправляютъ Генерала Массену съ 60000 Французовъ въ Архипелагъ; однакожь думаемъ, что всеобщіе слухи, которые вдругъ разнеслись по Европѣ, могутъ имѣть нѣкоторое справедливое основаніе. Въ самомъ дѣлѣ Оттоманская Имперія

явно опжила вѣкъ свой; всѣ связи вѣ ея полипическомъ основаніи разрушаются; она не имѣетъ силъ усмирять мяпежниковъ; вездѣ разбой и безпорядки. Часпъ Турецкой арміи вѣ Египтѣ побина на голову Мамелюками; буншующій Паша Гіорги все грабитъ и жжетъ вѣ окрестностяхъ Адрианополя; Валлахія естъ жертва разбойниковъ; Пасванъ Оглу не хочетъ и слушатъ Султановыхъ предложеній. Амьенской миръ утврждаетъ цѣлостъ Турецкой Имперіи; но ея можно утврдитъ не перомъ, а развѣ гарнизонами чужестранныхъ войскъ. Такъ ли мудра Оптоманская политика, чтобы Европа имѣла вѣ ней нужду? . . . Но прудно согласитъ выгоды разныхъ Державъ. Смерть богатаго человѣка, у котораго много наслѣдниковъ, раждаетъ тяжбы и хлопоты. Естли же предсказаніе нѣкоторыхъ Политиковъ исполнися, то начнетъ новая эпоха вѣ свѣтѣ безъ сомнѣнія весьма благодѣпельная для разума и человѣчества; тогда откроешя просвѣщенію Европы вѣрный и легкій путь вѣ Азію.

Эмануиль IV, Король Сардинскій, напомнилъ намъ рѣдкое дѣло Императсра Карла V и Королевы Христины, сло-

живъ съ себя корону. Бывъ нѣсколько лѣтъ игралищемъ рока и жертвою Европейскихъ смятеній — наконецъ пораженный смертію милой и добродѣтельной супруги, которая нѣкогда любезностію своею украшала для него блескъ прона, а въ бѣдствіяхъ казалась ему Ангеломъ утѣшителемъ — онъ впалъ въ глубокую меланхолію, которая опвращаетъ душу отъ свѣта и всего, что называется земнымъ величіемъ. Эмануиль будетъ извѣстенъ въ Исторіи своимъ нещасіемъ, чувствительнымъ сердцемъ и добровольнымъ сложеніемъ Царскаго сана.

Засѣданія Англійскаго Парламента кончились 28 Іюня, и скоро новый заспушитъ мѣсто старата. Ораторъ Нижняго Парламента, вручая Королю нѣкоторыя опредѣленія, сказалъ между прочимъ слѣдующее: „Англія давно уже знаетъ, что „ея Монархъ есть лучшая и вѣрнѣйшая „опора свободы гражданъ.“ Король, при входѣ своемъ въ Верхній Парламентъ, былъ окруженъ множествомъ народа, восклицавшаго: „да здравствуетъ Георгъ, „благодѣтель и миротворецъ!“ Его Величество, по обыкновенію, изъявилъ благодарность обоимъ Парламентамъ за ихъ усердіе. — — Въ послѣднемъ засѣданіи

Господинъ Вильберфорсъ, старинный другъ Негровъ, опять грозился претребовать отъ новаго Парламента, чпобы онъ запрешилъ Англичанамъ торговать невольниками. Вильберфорсъ не перемѣняетъ своего образа мыслей. Пишеть, будучи Министромъ, всегда соглашался съ нимъ, и только въ семь одномъ случаѣ не имѣлъ большинства голосовъ на своей сторонѣ; по чему многіе не вѣрили искренности его согласія.

Въ Парижѣ готовились праздновать 14 Іюля, и Министръ внутреннихъ дѣлъ объявилъ въ программѣ, что Правительствво желаетъ въ сей день изъяснить особенное уваженіе ко нравамъ и добродѣтели. Во всякой части Парижа молодая, добродѣтельная, но бѣдная дѣвушка получитъ богатое приданое; ей выберутъ жениха изъ молодыхъ воиновъ, отличившихъ себя храбросію. — Нѣкоторые думаютъ, что въ сей же день Наполеонъ будетъ объявленъ Консуломъ на всю жизнь. Говорятъ также, что Французская Конституція должна быть *исправлена и согласена* съ Испаліянскою. — Въ Монитёрѣ замѣчено, что, вопреки Англійскимъ и Нѣмецкимъ Журналамъ, Парижскіе жители охотно записываютъ голоса свои на случай избранія Бонапарте, и что ихъ собрано уже

60,000, то есть болѣе, нежели когда нибудь. Петіонъ, при избраніи своемъ въ Меры, имѣлъ 14,000 голосовъ, и только 26,000 Парижскихъ гражданъ подписали согласіе на Конституцію третьяго лѣта.

Въ нѣкоторыхъ Французскихъ и даже Нѣмецкихъ вѣдомостяхъ писали уже о кончинѣ Эрцгерцога Карла: къ щаслію, сей слухъ несправедливъ. Не только Австрія, но и вся Германія гордится симъ Принцомъ, искуснымъ воиномъ и человѣколюбивымъ Героемъ.

Въ Австріи Правленіе ободряетъ молодыхъ людей входивъ въ духовное состояніе и даетъ ему новыя выгоды, а въ Баваріи Курфирстъ ограничиваетъ права Духовенства и отминяетъ нѣкоторые старинные обряды, вопреки народу, къ нимъ привязанному. Тѣ, которые хвалятъ новыя учрежденія въ Австріи, осуждаютъ политику Баварскаго Курфирста. Такъ, на примѣръ, Парижскіе Журналисты даютъ чувствовать, что новая система его слишкомъ не сообразна съ духомъ народа.

Изъ Дрездена пишутъ слѣдующее :
 „Вчера получили мы извѣстiе , что
 „Шевалье де - Саксъ 26 Юня убитъ на
 „поединкѣ близъ Ауссиха , на самой гра-
 „ницѣ Богемiи. Тѣло его погребено въ
 „памошнемъ монаспырѣ.“ — Вотъ новая
 жертва рыцарскаго духа ! Долго еще такъ
 называемая *тестъ* будетъ пропивоборство-
 вать законамъ. Пиппъ, котораго жизнь
 была столь важна для Англiи , года за
 два передъ симъ не отказался отъ по-
 единка съ Тирнеемъ. Въ Парижѣ не давно
 Генералъ Ренъе заспрѣлилъ другава Гене-
 рала , и Бонапарте только выслалъ его
 изъ Парижа. Законодательи спрацають ,
 Философы доказываютъ , но ложное мнѣ-
 нiе торжествуетъ — къ стыду разума
 и къ горести многихъ семействъ.

Изъ Неаполя пишутъ , что тамъ
 опять открываются заговоры , и что нѣ-
 которые знаменитые дворяне взяты подъ
 стражу.

(Окончанiе Жизни Гуссеня Лувертюра
 напечатано будетъ въ слѣдующемъ номерѣ.)

ОШИБКИ ВЪ ПЕЧАТИ.

<i>страни.</i>	<i>строк.</i>	<i>налет.</i>	<i>ситаѣ.</i>
109	NB. Первую строку всю выкинуть.		
120	17	хоходнаго	холоднаго
124	23	Рабобота	Работа

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

А В Г У С Т Ъ 1802.

№ 15.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

• *О напрасныхъ ожиданіяхъ.*

Сочиненіе Нѣмецкаго Философа Гарве.

Всего чаще говорящѣ въ свѣтѣ, всего чаще нѣкоторые люди замѣчаютъ въ жизни своей, что ожиданія не сбываются, какъ пріятныя, такъ и спрашныя. Мало такихъ благъ, мало такихъ удовольствій, копорыя въ опдаленіи не казались бы намъ лучшими; а есшли и находимъ ихъ согласными съ нашимъ воображеніемъ, по почти всегда мѣшаются съ наслажденіемъ какія нибудь непріятности, копорыхъ мы не воображали, и копорыя убавляютъ для насъ ихъ цѣну. Такъ, на примѣрѣ, любезная сельская жизнь, среди великолѣпія и красотъ Натуры,

дѣлается иногда несносною . . . отъ комаровъ и мошекъ!

Но всего чаще надежды ни мало не исполняются. Теченіе нашей жизни и каждаго дня, подобно теченію рѣки, никогда не бываетъ прямо къ той цѣли, до которой мы хотимъ достигнуть. Чеснь, богатство или покой рѣдко приходятъ тогда, когда человекъ ожидаетъ ихъ. И не всякой ли день случается, что желая развеселиться въ пріятной бесѣдѣ друга, не заспаемъ его дома; надѣясь отдохнуть за городомъ, возвращаемся съ половины дороги отъ дождя; и съ праздника, котораго ожидали нетерпѣливо, идемъ домой въ самомъ скучномъ расположеніи?

Но споль же часто обманываютъ насъ и печальныя ожиданія. Еще Гораций примѣнилъ, что люди рѣдко умираютъ отъ той болѣзни, которой они всего болѣе спрашивались въ жизни. Ужасныя бѣдствія проходятъ мимо насъ какъ легкія облака; иногда же обращаются и въ самое благо. Идемъ въ общество скучать, и веселимся; ѣдемъ въ дождь, и черезъ нѣсколько минутъ наслаждаемся прекраснымъ временемъ; боимся выговора отъ начальника, и онъ принимаетъ насъ съ ошмѣнными знаками благоволенія.

Опѣ чего же происходитъ сей обманъ судьбы? божество ли какое любитъ забавляться нашимъ изумленіемъ? или мы не умѣемъ предвидѣть слѣдствій? или печеніе вещей само по себѣ беспорядочно, что наблюдателю не возможно подчинить ихъ вѣрному закону разсудка?

То и другое возможно. Какъ судьба, такъ и люди различны. Одни всегда жалуется на злощастіе, другіе всегда славятся успѣхомъ. Пусть одни опѣ своего мрачнаго характера представляютъ все въ дурномъ видѣ; пусть другіе по тщеславію излишно хвалятся рокомъ: но справедливый наблюдатель согласится, что между чаяніемъ нѣкоторыхъ людей и судьбою есть какая-то гармонія, и что другіе всегда обманываются въ своемъ предвидѣніи. Послѣдніе называютъ себя несчастными; и въ самомъ дѣлѣ есть какое-то чудесное единообразіе въ ихъ неудачахъ; единообразіе, которое можно изъяснить только дѣйствіемъ Провидѣнія, или связію дѣлаго міра. Но часто то и другое бываетъ ясно, когда рассмотримъ характеръ людей.

1. Тѣ, которыхъ предвидѣнія чаще всего сбываются, лучше другихъ наблюдаютъ. Предвидѣть есть по настоящему судить о будущемъ. Кто не знаетъ при-

чинъ , не можетъ знать и дѣйствій. Чѣмъ вѣрнѣе соображаемъ всѣ обстоятельствова въ отношеніи къ будущему , тѣмъ вѣрнѣе можемъ опредѣлить слѣдствіе. Сіи заключенія не только для другихъ , но и для самихъ насъ бывають иногда не очень ясны ; потому слѣдствіе ихъ кажется вдохновеніемъ. Щасливая рѣшительность , необходимая для великихъ предпріятій , или въ дѣлахъ непердящихъ опсрочки , есть ничто иное , какъ быстрый и вѣрный взоръ на вещи.

Для нѣкоторыхъ людей первая мысль есть самая лучшая ; и многіе ошибались бы менѣе , естли бы всегда ей слѣдовали , какъ небесному вдохновенію : но для того нужны твердость , смѣлость , увѣренность въ самомъ себѣ. Замѣчено , что люди слабые и робкіе чаще другихъ , которые впрочемъ не умнѣе ихъ , ошибающся въ своихъ ожиданіяхъ. Причина безъ сомнѣнія есть та , что они , не дерзая слѣдовать движенію своего , еще неослабленнаго духа , и теряясь въ безконечныхъ упоминательныхъ соображеніяхъ , видящъ наконецъ предметы темнѣе , нежели сначала , или , не находя перевѣса въ вѣроятностяхъ разсудка , оспавляютъ рѣшеніе одному случаю.

Другіе напротивъ такъ созданы, что имъ надобно думать, соображать, доискиваться всякими оборотами мыслей до лучшаго и надежнѣйшаго. Всякой, по слѣдствію мыслей своихъ, можетъ узнать, къ которому изъ сихъ двухъ классовъ онъ принадлежитъ. Если медленное соображеніе вѣроятностей производитъ спокойную рѣшительность, которая отражаетъ всякую новую мысль и совѣты другихъ, то сей путь есть безъ сомнѣнія вѣрнѣйшій. Кто же, долго вникая въ предметъ, все еще не можетъ рѣшиться, и безпрестанно колеблется отъ всякой новой мысли, отъ всякаго новаго возраженія, тому лучше слѣдовать первому движенію, пока идеи его не застопорились. Многіе слѣпнутъ отъ того, что долго и приспально смотрятъ на вещь.

2. Причиною многихъ обмануемыхъ ожиданій бываетъ самая ихъ неумѣренность. Тѣ люди всего чаще обманываются, которые отъ случая и другихъ людей ожидаютъ лишняго, по своей безразсудности, жадности и лѣни.

Самолюбіе, ослѣпляя человѣка мнимыми его достоинствами, даетъ ему неосновательныя требованія на щастіе; ибо всякіе успѣхи кажутся вѣроятными, когда мы воображаемъ себя достойными

ихъ. Нѣтъ нужды, что самолюбивый человѣкъ или Авшоръ живетъ теперь въ неизвѣстности или даже въ презрѣнїи: въ сердцѣ его шанпся надежда, что свѣтъ рано или поздно опдаситъ ему справедливоспъ. Кто считаетъ себя любезнымъ, тотъ до самой спароспи мечтаетъ о выгодной женипльбѣ. Такимъ образомъ чувство всякаго достоинства бываетъ соединено съ ожиданіемъ награды, иногда справедливымъ: ибо разсудокъ нашъ въ своихъ понятїяхъ долженъ соединять добродѣтель съ благополучіемъ. Однакожь и по вѣрно, что всякой излишно-самолюбивый; всякой, кто ожидаетъ определенныхъ наградъ въ сей жизни, чаще другихъ обманывается въ своихъ надеждахъ.

Многіе имѣютъ сильную надежду отъ сильныхъ желаній. Спраспи обыкновенно скрываютъ отъ насъ препятствїя, и доводятъ человѣка до того безумїя, въ кошоромъ ему невозможное кажется возможнымъ, ибо онъ сильно желаетъ его. И такъ чѣмъ болѣе спраспей, тѣмъ болѣе ожиданій и горестныхъ обмановъ. Невѣроятность щаспливаго успѣха возрастаетъ съ нескромными желанїями.

Часто гордоспъ соединяется съ живоспїю спраспей — въ тѣхъ людяхъ, кошорые хвалятся щаспїемъ какъ доспони-

ствомъ, и которые, подобно Цесарю, думаютъ, что лодка не утонетъ на морѣ, когда они сидятъ въ ней съ великими своими планами. Сія мысль есть конечно заблужденіе, но можетъ быть полезна великимъ людямъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ, особливо для ободренія ихъ подчиненныхъ. Но еслили обыкновенные люди, и въ дѣлахъ общежитія, такъ возмечтаютъ, то они безъ сомнѣнія во многомъ ошибутся.

Почти все безъ исключенія излишно надѣяся на судьбу въ разсужденіи будущаго. Хотя многіе боязливы въ теченіе насоящаго дня; но въ душѣ ихъ таится мысль, что годы принесутъ имъ благополучіе. Они скупы на услуги и на деньги, пребуемая отъ нихъ сегодня, и весьма щедры на обѣщанія, которыя надлежитъ имъ исполнить черезъ долгое время: ибо думаютъ, что обстоятельства ихъ будутъ тогда гораздо лучше. Кипо же отъ случая ожидается всегда пріятнаго, тошъ непременно долженъ часто жаловаться на судьбу.

5. Безразсудныя надежды всего свойственнѣе лѣнливымъ людямъ, которые чѣмъ менѣе сами дѣйствуютъ, тѣмъ болѣе требуютъ отъ случая и другихъ людей. Кипо желаетъ и надѣяся имѣть

единственно то, что могутъ непосредственно доставить ему трудолюбіе, услуги и польза, дѣлаемая имъ обществу или нѣкопорымъ людямъ, шопъ, по крайней мѣрѣ въ главномъ, не будетъ обмануть надеждоу. Но кто ожидаетъ отъ случайныхъ обстоятельствъ, имъ не приготовленныхъ, какихъ нибудь чрезмѣрныхъ награжденій, и бросая изъ рукъ весло, хочеть плыть однимъ благопріятнымъ вѣтромъ: тому, рано или поздно, быть Мизантропомъ! Древній Греческій Поэтъ сказалъ, что боги не даютъ, а продаютъ людямъ удовольствія за работу.

Однакожь неоспоримо и то, что есть на свѣтѣ щасіе и нещасіе. Одинъ всегда угадываетъ дѣйствіе судьбы, другой всегда ошибается при равномъ умѣ. Воля и разумъ перваго кажутся согласными съ тайными причинами Натуры; воля и разумъ втораго противны имъ. Сте единообразіе жребія было замѣчено Древними и, подобно всякому чудесному явленію, увеличено выдумками; а какъ въ Натурѣ всего правильнѣе теченіе Планетъ, по вздумали ихъ дѣйствіемъ изъяснять судьбу нашу.

Иногда щасіе дѣйствуетъ обратно на человека и даетъ ему нѣ свойства, которыя ведутъ ко щасію. Кто часпо

угадывалъ происшествія ; потѣ бываетъ смѣлѣе и къ дѣламъ способнѣе. Смѣлоснѣе есть нужное свойство не только для исполненія , но и для сужденія о вещахъ. Кто же , безпрестанно обманываясь въ своихъ ожиданіяхъ , теряетъ довѣренность къ собственному разсудку , потѣ въ новомъ предпріятіи подобенъ робкому человѣку , который входитъ во многочисленное собраніе , ничего не видишь , не слышишь , говоришь и послунаешь какъ безумный. Мудрено ли , что онъ , не смотря на умъ свой , дурно соображаетъ обстоятельство , и не понимаетъ вещей , ясныхъ для ума спокойнаго ?

Пусть гордятся щастливцы ! однакожь и тѣ , которые часто бываютъ жертвою обмана , не должны унывать. Дѣлательный разумъ всего болѣе созрѣваетъ отъ своихъ ошибокъ , начиная внимательнѣе разсматривать какъ законы міра , такъ и методу заключеній своихъ , чтобы впредь заключать справедливѣе , или не огорчаться худымъ успѣхомъ самыхъ похвальныхъ предпріятій. Жребій челоѣчества есть вообще — обманываться !

Міръ не для насъ однихъ созданъ ; а мысли и желанія челоѣка ограничиваются только его сферою. Каждый предметъ во вселенной имѣетъ свое дѣйствіе

и независимую отъ другихъ вещей цѣль. Всѣ такія дѣйствія смѣшиваются въ мірѣ: иногда согласны между собою, иногда противны одно другому. Есть безъ сомнѣнія общій планъ (такъ думаетъ всякой, кпо вѣритъ Провидѣнію); но сей планъ для насъ тайна. Знаемъ единственно то, что, не смотря на бореніе стихій и всѣхъ дѣятельныхъ силъ, міръ существуетъ, *роды* сохраняются, и благо многихъ частей невредимо. Но дивитесь ли мнѣ, что въ безконечномъ разнообразіи плѣсныхъ и духовныхъ силъ, изъ копорыхъ всякая, независимо отъ меня, дѣйствуетъ по своимъ законамъ, мои слабыя усилія исчезаютъ, и надежды, основанныя только на знаніи нѣкоторыхъ близкихъ ко мнѣ причинъ, остаются безъ исполненія?

Внѣшнее благо человѣка, въ такой сложной системѣ конечно подвержено опасности; но внутреннее совершенство его имѣетъ свою независимость. Желанія наши не исполняются: что же намъ дѣлать? сложить руки и ждать судьбы? Но это невозможно человѣку, и благоразумный не захочетъ того. Или жаловаться на рокъ и досадовать? но пользы не будетъ и горе умножится горемъ. Что же остается человѣку? Быть независимымъ отъ

внѣшнихъ предметовъ, однакожь въ отношеніи къ нимъ не теряешь своей дѣятельности. Самыя его упражненія, которыя пишутъ въ немъ моральное чувство и разумъ, должны быть для него цѣлю и наградою за внѣшнія его неудачи. Такимъ образомъ человекъ соединитъ двѣ вещи, которыя кажутся несомнѣнными: будетъ смѣло и весело приниматься за дѣло, какъ бы увѣренный въ щастливомъ успѣхѣ, и напередъ изготовившись къ неудачѣ!

Сей мудрый человекъ умѣритъ свои ожиданія и въ каждый планъ включитъ возможность ошибки; не радуясь излишно прежде времени, не будетъ и сокрушаться послѣ. То и другое благотворно для разума и моральнаго характера его.

Кто считаетъ себя единственнымъ или отдѣленнымъ отъ другихъ существомъ; кто свои идеи, чувства и желанія ограничиваетъ только самимъ собою: поспѣ обыкновенно ожидаетъ и пребываетъ всего, что по его мнѣнію принадлежитъ къ щастливой жизни, и радъ пожертвовать цѣлымъ міромъ удовлетворенію своей любимой склонности. Но узнавъ связь свою съ безчисленными тварями, имѣющими такое же праго на щастіе, и видя, что всѣ желанія ихъ не

могутъ быть исполнены, онъ научается умѣрять свои требованія. Но никакою теоріею не докажешь сего человѣку: одни опыты перемѣняютъ его мысли; а для того надобно часно обманываться въ своихъ ожиданіяхъ — видѣть, какъ небо, стихіи, гражданскія учрежденія и воля другихъ людей пропиваясь нашимъ желаніямъ, планамъ и надеждамъ. Сперва онъ винитъ разумъ свой и несправедливость людей, а наконецъ открываетъ законъ Природы, что и вещи и люди *должны ограничивать другъ друга*; что всякая особенная сила стремится какъ можно далѣе распространить кругъ своего дѣйствія, но всё остающа въ нѣкоторой опредѣленной сферѣ. Для того мудрый человѣкъ старается напередъ ограничить свои желанія, какъ натура вещей ограничиваетъ дѣятельность его силы. Просвѣщенный временемъ и опытами, онъ уже не требуетъ того великаго участія въ земныхъ благахъ, которое въ юности и въ пылу спраспей казалось ему вѣрною его собственностію.

Щасливъ тотъ, кто въ домашнихъ и общесвенныхъ дѣлахъ своихъ, въ работахъ ума и рукъ, умѣетъ быть ревностнымъ, какъ бы ожидая за то въ награду славы и щасія, но довольствуется

уваженіемъ не многихъ друзей и самымъ умѣреннымъ достаткомъ, какъ бы не зная своихъ талантовъ и великихъ прудовъ! Такимъ образомъ благоразумиѣе другихъ пошлъ игрокъ, который во время игры старается не дѣлать ошибокъ, а при концѣ ея весело идетъ домой съ маленькимъ выигрышемъ.

II.

Игра судьбы.

Отрывокъ истинной исторіи.

Фридрихъ Г*, имѣя рѣдкія природныя способности, былъ воспитанъ благоразумнымъ опцомъ для свѣта, и душа его рано украсилась цвѣтами всѣхъ пріятныхъ наукъ. Онъ вступилъ въ военную службу Государя своего (*), которой скоро замѣнилъ въ немъ умъ необыкновенный. Г* пылалъ, такъ сказать, огнемъ юности: Государь также. Г* былъ живъ, предприимчивъ: Государь любилъ такіе характеры. Г* умѣлъ блестящимъ остроуміемъ и жаромъ идей одушевлять свое обхожденіе, своею веселостію веселить дру-

(*) Одного владѣтельнаго Нѣмецкаго Принца.

гихъ и представлять все въ любезномъ видѣ; а Государь умѣлъ цѣнить такія достоинства, которыя были въ немъ самымъ. Всѣ его предпріятія и даже заботы показывали какое - то величіе духа; препяпспвія не казались ему страшны, и неудачи усиливали только его желаніе. Къ такимъ блестящимъ свойствамъ надобно еще прибавить наружную красоту, образъ цвѣтущаго здоровья и Геркулесовой силы, одушевленный краснорѣчивою игрою живаго ума; въ глазахъ, видѣ и походкѣ природное величество, смягчаемое благородною скромностію. Нравъ, разумъ и наружность вмѣстѣ плѣнили Принца такъ, что онъ безпрестанно хощѣлъ быть съ любезнымъ своимъ Г*. Одинакія лѣта, склонности и характеры произвели между ими такую связь, которая имѣла всю твердость дружбы и всю пылкость страсти. Г* лѣтѣлъ въ чинахъ; но чины казались Принцу еще слабымъ изъясненіемъ его чувства. Щастіе сего любимца расцвѣло вдругъ: ибо оно было твореніемъ его спраспнаго друга. Двадцати - двухъ лѣтъ видѣлъ онъ себя нашой степени, которою обыкновенные щастливцы заключаютъ свое печеніе. Но дѣяпсельный духъ его не могъ довольствоваться пустымъ блескомъ милоспи,

которою хотѣлось ему на самомъ дѣлѣ пользоваться. Между шѣми, какъ Государь спремился за вѣпреными удовольствіями, любимецъ сидѣлъ надъ книгами и бумагами, съ неушомимымъ прилѣжаніемъ посвящая себя дѣламъ, въ которыхъ наконецъ онъ столько успѣлъ, что всякое, хотя не много важное, шло черезъ его руки. Товарищъ въ игрѣ и забавахъ сдѣлался первымъ Совѣшникомъ и Министромъ Государя; одинъ раздавалъ награжденія, одинъ чины и достоинства.

Въ такихъ молодыхъ лѣтахъ и такъ скоро получивъ всѣ дары Фортуны, человекъ не можетъ наслаждаться ими съ умѣренностію. Голова любимца закружилась на сей высотѣ; достигнувъ до послѣдней цѣли своихъ желаній, онъ оставилъ за собою скромность. Униженіе знашныхъ, почтенныхъ стариковъ передъ юношею, произвело въ немъ надменность, а неограниченная власть Министра скоро открыла въ характерѣ его какую - то жестокость, которая прежде скрывалась подъ цвѣтами. У него не было пруднаго и невозможнаго для друзей; но непріатели его шрепшали! Онъ не зналъ шѣры ни въ благодѣяніяхъ, ни въ мести; обогащаль другихъ болѣе, нежели самого себя, для шого, чтобы они обожали.

въ немъ творца ихъ щастія; но *минутная мысль*, а не справедливоспъ, управляла его благодѣянїями. Своею гордою повели- тельностїю онъ удалялъ отъ себя сердца одолженныхъ, а шайныхъ совмѣстниковъ своихъ превращалъ въ жестокихъ непри- ятелей.

Въ числѣ людей, смотрѣвшихъ на всѣ дѣла его глазами ядовитой зависти и впайнѣ гошовившихъ его паденїе, былъ Марпиненго, Италїанской Графъ, копо- раго самъ Г* помѣспилъ при Дворѣ какъ челоѵка совсѣмъ неопаснаго, чшобы онъ въ ежедневныхъ Принцевыхъ весельяхъ занялъ его мѣсто, оставленное имъ для Министерской дѣятельности. Почитая сего Италїянца дѣломъ рукъ своихъ, ко- порое онъ по волѣ могъ въ одну минушу разрушить, Г* хотѣлъ привязать его къ себѣ и страхомъ и благодарностїю; но сдѣлалъ такую же ошибку, какъ Ри- шельё, которой позволилъ молодому Ле- грану веселить Лудовика XIII, съ тою розницею, что Г* не умѣлъ поправить сей ошибки такъ скоро, какъ Ришельё, и что врагъ его былъ гораздо хитрѣе Леграна. Марпиненго не только не гор- дился своимъ щастїемъ; не только боял- ся показанъ, что покровитель ему уже

не надобенъ; но всячески изъяслялъ свою покорность и зависимость въ разсужденіи Министра. Между шѣмъ онъ старался какъ можно чаще быть съ Принцемъ, болѣе и болѣе входящъ къ нему въ довѣренность, и дѣлающъ ему нужнымъ; скоро узналъ наизусть его характеръ, и непримѣннымъ образомъ вошелъ къ нему въ особенную милость. Всѣ хитрости, презрѣнныя благороднымъ и гордымъ Министромъ, были употреблены Ишадіянцомъ, которой не упускалъ и самыхъ подлыхъ средствъ для успѣха въ своихъ намѣреніяхъ. Зная, что на пуши порока всего нужнѣе человѣку вождь и поварищъ; зная, что довѣренность въ слабостяхъ есть самая надежная для придворнаго, онъ возбудилъ въ Принцѣ низкія страсти, которыя въ немъ таились, и до того времени не дѣйствовали въ его сердцѣ; возбудивъ же, представилъ себя въ помощники; велъ несчастнаго отъ слабости къ новымъ слабостямъ, и сдѣлался его повѣреннымъ въ такихъ дѣлахъ, которыя для всѣхъ другихъ были тайною. Такимъ образомъ удалось ему на развращеніи Принца основать гнусный планъ своего шаспія; глубокое шашисво было его средствомъ — и по тому онъ овладѣлъ сердцемъ Государя прежде, нежели Г*

могъ вообразить, что у него есть совѣтникъ.

Чудно покажется, что сей Министръ не примѣнилъ такой важной перемѣны; но гѣрдосиь его не дозволяла ему никого боясья, особливо же человѣка, имѣ презираемаго. Марпиненго съ своей стороны всячески берегся, чтобы не вывеси его изъ высокоумнаго заблужденія. Паденіе несчастнаго Г* было дѣйствіемъ той же самой причины, отъ которой тысячи Министровъ прежде его падали на скольскомъ пупи Двора; сія причина есть излишняя надежностъ на самого себя. Тайныя связи Принца съ Италіянскимъ Графомъ его не беспокоили; съ радостію уступалъ онъ новому любимцу такую довѣренностъ, которая всегда казалась ему презрительною, и черезъ которую хотѣлъ онъ только возвыситься. Легкомысленный Министръ безразсудно ополкнулъ лѣсницу, которая возвела его на желаемую высоту!

Марпиненго былъ не такой человѣкъ, чтобы довольствоваться второю степенію. Чѣмъ болѣе милости оказывалъ къ нему Государь, тѣмъ смѣлѣе становились его желанія, и честолюбіе его потребовало рѣшительнаго удовлетворенія. Трудная роль покорнаго, которую онъ все еще

игралъ передъ своимъ благодѣпелемъ, пятагопила его часъ опъ часу болѣе, по мѣрѣ возрастающей его надменности. Обхождение Министра не только не соображалось съ его быспрыми успѣхами въ пріобрѣтеніи Государевыхъ милоспей, но еще, какъ бы нарочно, давало ему по временамъ чувствоваться прежнюю его ничтожность. Наконецъ вѣчное принужденіе спало ему несносно, и Марпиненго сочинилъ на досугѣ вѣрныи планъ для погибели Министра. Ещѣ не смѣлъ онъ вснупить съ нимъ въ явный бой: хотя Г* и вышелъ уже изъ модныхъ любимцевъ, но старинная привязанность не могла еще испребитъся; какой нибудь новой случай могъ возобновить ее. Хисрый Ипаліенецъ чувствовалъ, что ему должно поразить его шайнымъ и смерпельнымъ ударомъ. Государь любилъ уже менѣе друга своего, но шѣмъ болѣе уважалъ его; и мало занимаясь дѣлами, имѣлъ нужду въ шакомъ человѣкѣ, которой вѣроу и правдоу служилъ ему. Министръ могъ бытъ еще важнѣе друга.

Какими почно средствами Ипаліенецъ достигъ до цѣли своей, осталось шайною между виновниками и жертвами сего приключенія. Думающъ, что онъ опкрылъ Государю весьма подозрительную

переписку Г* съ однимъ иностраннымъ Дворомъ : истинную или вымышленную , о шомъ мнѣнїя несогласны. Какъ бы шо ни было , но онъ ужаснымъ образомъ исполнилъ свое желанїе. Г* показался Государю самымъ неблагодарнымъ и гнуснымъ измѣнникомъ , копорото пресупленїе ясно и доказано. Все сіе было тайною между Принцомъ и его новымъ другомъ , такъ , что Г* ни мало не примѣнилъ шучи надъ головою своею , и былъ поксенъ до самой шой минушы , въ копорую величїе его какъ привидѣнїе исчезло , и предметъ зависпи обратился въ предметъ сожалѣнїя.

Когда насталъ сей рѣшительной день , Г* по своему обыкновенїю явился на вахшпарадѣ , гдѣ гордость его ушѣшалась низкими поклонами знатныхъ людей , и гдѣ нѣсколько прїятныхъ минушъ удовольствованнаго самолюбїя награждали его за цѣлой день тяжелой работы. Тутъ всѣ люди приближались къ нему съ почтительною робостїю , а тайные непрїатели съ шрепетомъ , занимаясь имъ болѣе , нежели самимъ Принцомъ ; ибо не столь полезно было нравиться Государю , сколь ужасно было не понравиться Визирю. Мѣсто его величїя избрали нарочно для его униженїя.

Съ покойнымъ и безпечнымъ видомъ вступилъ онъ въ знакомый кругъ свой, который, подобно ему, ничего не зная, разсупился передъ нимъ въ ожиданіи его повелѣній. Вдругъ является Маршиненго съ Адьютаншами, уже не въ видѣ гибкаго, низкаго, льстиваго придворнаго, но какъ грозной судія, какъ спесивый слуга, которой спалъ господиномъ; идетъ прямо къ нему, и, не снимая шляпы, именемъ Государя пребуешь его шпаги. Изумленный Министръ въ безмолвіи подаетъ ее. Маршиненго, обнаживъ шпагу, и переломивъ на-двое, бросаетъ обломки на землю. Въ сіе мгновеніе два Адьютанша схватили Г*: одинъ срываетъ съ него звѣзду и ленту, другой эполеты. Все сіе дѣлается съ невѣроятною скоростію, и пять сотъ человекъ споявъ кругомъ въ глубокомъ молчаніи, не смѣя дышать, съ блѣдными лицами, безъ души, какъ мертвые. Многие на мѣстѣ Г* въ такую минушу ужаса безъ памяти упали бы на землю; но крѣпкія нервы его и твердая душа вынесли все... Спашныхъ чувствъ его описать не возможно.

По окончаніи сего дѣйствія ведутъ нещасливаго, сквозь ряды зрительей, на другой конецъ параднаго мѣста, гдѣ закрывая коляска ожидаетъ его. Однимъ

взоромъ велятъ ему сѣсть въ нее; Гусары провожаютъ его. Между шѣмъ слухъ о томъ разнесся по городу; всѣ окна окриворяются; всѣ улицы наполнены любопытными, которые съ крикомъ бѣгутъ за нимъ, и произносятъ имя его то съ насмѣшкою, то съ радостію, то съ сожалѣніемъ, не менѣе оскорбительнымъ. Наконецъ вывозятъ его изъ города; но путь новый ужасъ ему представляется. Коляска своротила въ сторону съ большой дороги, и ѣдетъ по мѣстамъ дикимъ, гдѣ не встрѣчается ни одного человѣка. Какой судьбы могъ ожидать несчастный? Въ спрашной жарѣ, съ несносною жаждою, безъ всякаго упѣшенія, не слыша голоса человѣческаго, проводитъ онъ цѣлые десять часовъ. Наконецъ, при захожденіи солнца, коляска остановилась у цѣли своей . . . передъ крѣпостью. Безъ чувства, и въ какомъ-то среднемъ состояніи между жизнію и смертію, выпалили его изъ коляски — и черезъ нѣскольکو минутъ приходитъ онъ въ себя . . . въ ужасной ямѣ, подъ землею. Первый предметъ для открывшихся глазъ его есть темничная стѣна, освѣщенная слабыми лучами мѣсяца, которые проницаютъ сквозь щели высокаго свода. Подлѣ него кусокъ чернаго хлѣба и кружка

воды ; а съ другой стороны связка соломы.

На другой день, въ полдень, открывається въ верху пемницы западня ; выспавляюся двѣ руки, которыя опускають хлѣбъ и воду. Тутъ еще въ первой разѣ чувство живой и нешерпѣливой горести заставило его спросить : какъ онъ попалъ въ это мѣсто ? и въ чемъ состоипъ вина его ? Но нѣтъ отвѣта ; руки исчезли ; опверстіе закрылось.

Не видя лица, не слыша голоса человѣческаго, не имѣя ни малѣйшаго свѣдѣнїя о причинѣ такой грозной судьбы, теряясь въ неизвѣстности и будущаго и прошедшаго, не освѣщенный ни однимъ прїятнымъ лучемъ солнца, не прохлажденный ни однимъ свѣжимъ дуновеніемъ вѣтерка, удаленный отъ всякой помощи, забытый свѣпомъ, счелъ онъ въ семь страшномъ мѣспѣ 495 ужасныхъ дней по сухимъ кускамъ хлѣба, ежедневно къ нему опускаемымъ сверху, въ непремѣнномъ и печальномъ единообразїи.

Но открытіе, сдѣланное имъ еще въ первые дни заключенїя, исполняетъ мѣру его страданїй. Онъ узналъ это мѣсто... самъ онъ пригошовлялъ его для одного заслуженаго Офицера, которой по нещастїю досадила ему ; самъ Г* выдумывалъ

средства умножить его ужасы! Сей, наконецъ освобожденный шарикъ былъ не задолго передъ тѣмъ пожалованъ въ Комманданты сей крѣпости, и такимъ образомъ изъ жертвы Миниспровай злобы сдѣлался властелиномъ судьбы его. Нещастный Г* не имѣлъ уже и послѣдней печальной отрады сожалѣть о себѣ и укорять судьбу несправедливостію. Съ физическимъ спраданіемъ соединились еще презрѣніе къ собственной жестокости и гореснь зависть опъ великодушія такого непріятеля, прошивъ котораго онъ самъ не былъ великодушнымъ: гореснь несносная для гордаго сердца!

Но сей добродушный человекъ не зналъ подлой мести. Ему тягосно было исполнять жестокія предписанія начальства въ разсужденіи нещастнаго Министра; но будучи старымъ воиномъ, и привыкнувъ плочно слѣдовать повелѣніямъ, онъ могъ только искренно сожалѣть объ немъ.

Г* нашелъ дѣятельнѣйшаго друга въ гарнизонномъ Проповѣдникѣ, которой, узнавъ наконецъ по слуху о заключенномъ въ крѣпости, рѣшился бытъ его утѣшителемъ. Сей добродѣтельный человекъ, котораго имя копѣлось бы мнѣ объявить свѣпу, думалъ, что долтъ пастырскаго

сана заставляешъ его помочь несчастному, всѣмъ оставленному.

Не получивъ отъ Комменданта дозволенія видѣть заключеннаго, онъ спѣшилъ въ столицу, и упалъ въ ноги Государю, моля его умилосердиться надъ несчастнымъ, которой безъ Христiанской помощи можетъ припсти въ опчаянiе. Съ жаромъ и съ твердоспiю добродѣтели, основанной на исполненiи священнаго долга, онъ требовалъ, чтобы ему позволили имѣть свободный доступъ къ спрадальцу, духовному сыну его, за душу котораго онъ долженъ отвѣчать Небу. Краснорѣчiе его было убѣдительно; къ тому же время прохладило уже гнѣвъ Принца. Онъ согласился.

Такимъ образомъ Г* черезъ 16 мѣсяцевъ въ первый разъ увидѣлъ человѣческое лицо. Единственнымъ другомъ своимъ въ мiрѣ онъ былъ обязанъ несчастiю; въ благоденствiи своемъ не умѣлъ нажать его! Ему казалось, что Ангелъ Божiй передъ нимъ явился. Не описываю его чувствъ. Но отъ сего дня слезы его были сладостнѣе: ибо другой человѣкъ оплакивалъ судьбу его!

Ужасъ овладѣлъ Проповѣдникомъ, когда онъ вступилъ въ темницу. Глаза его искали человѣка — но одна спрашная, грозная тѣнь пресмыкалась во мракѣ

такого мѣста , которое походило болѣе на убожище дикаго звѣря, нежели на мѣсто человѣческаго пребыванія. Блѣдный, мертвый оспаѣвъ; никакого жизненнаго цвѣта въ лицѣ , изсушенномъ вѣчною горестію; борода и ногти спрашныя ; платье сгнившее , и воздухъ зараженный ядомъ нечистоты — такъ нашелъ онъ любимца Фортуны!... Пораженный симъ видомъ, добродѣшельный мужъ спѣшилъ къ Комменданту, чптобы выходить для несчастнаго другое благодѣяніе , безъ котораго первое не могло имѣть никакого дѣйствія.

Но Коммендантъ вторично опговорила неперемѣннымъ повелѣніемъ Начальства. Тогда великодушный Проповѣдникъ въ другой разъ осмѣлился прибѣгнуть къ Государю , объявляя , что онъ не можетъ удостоить заключеннаго Святыхъ Христіянскихъ Таинствъ, пока не возвратятъ ему нѣкотораго подобія человѣческаго. Принцъ исполнилъ и вторичную прозьбу — и съ сего дня снова ожилъ несчастный Г*.

Еще нѣсколько лѣтъ прожилъ онъ въ крѣпости ; но заключеніе его смягчилось: ибо крашкое лѣто новаго любимца скоро прошло ; а тѣ , которые въ свою очередь заступали его мѣсто , были человѣколюбивѣе , или не имѣли причинъ мстить Барону Г* . Наконецъ , черезъ десять лѣтъ,

насталъ день избавленія — но безъ всякаго судебнаго изслѣдованія, безъ всякаго законнаго оправданія. Онъ получилъ свободу какъ даръ изъ рукъ милости, съ приказаніемъ выѣхать навсегда изъ отечества.

Здѣсь оставляютъ меня извѣстія, собранныя мною изъ однихъ успныхъ преданій, о судьбѣ его; и я долженъ пропустить двѣнадцать лѣтъ. Между тѣмъ Баронъ Г* снова вступилъ въ военную, иносранныую службу, и дослужился до той же степени, съ копорой упалъ онъ въ своемъ опечествѣ. Время, другъ нещасныхъ, котораго правосудіе рано или поздно дѣйствуетъ, взяло на себя и его дѣло. Лѣта страстей прошли для Государя, и человѣчество возбудилось въ его сердцѣ, когда волосы на головѣ побѣлѣли. За два шага до гроба онъ почувствовалъ желаніе увидѣть любимца своей юности; и чтобы наградить спарца за претерпѣнное имъ въ лѣтахъ мужества, онъ призвалъ Барона въ опечество, къ которому давно уже спремилось собственное сердце его. Сіе свиданіе было прогательное. Изгнанника приняли такъ дружелюбно, какъ будто бы они только наканунѣ распались! Государь долго смотрѣлъ съ размышленіемъ на по лицо, которое было ему

нѣкогда споль извѣстно и сдѣлалось наконецъ совсѣмъ чуждо! Казалось, что онъ исчислялъ на немъ углубленные знаки горести и страданія! Онъ хотѣлъ въ чертахъ старца найти любезныя черты юноши; но напрасно искалъ ихъ!

Съ обѣихъ сторонъ принуждали себя къ холоднымъ изъявленіямъ дружества. Стыдъ и страхъ навѣки удалили сердца ихъ другъ отъ друга. Видъ человѣка, который напоминалъ ему жестокое легковѣріе, не могъ нравиться Государю. Баронъ не могъ уже любить виновника своихъ бѣдствій; но тихо и покойно смотрѣлъ онъ на прошедшее, подобно какъ человѣкъ радуется минувшимъ ужаснымъ сновидѣніемъ.

Скоро Баронъ Г* вступилъ во всѣ прежнія свои должности, и Принцъ, побѣждая внутреннее отвращеніе, осыпалъ его милостями. Но могъ ли онъ возвратить ему сердце юное и радостное? могъ ли возвратить лѣта надежды, и выдумать для старца такое счастье, которое наградило бы его за тоску долговременную?

Еще 19 лѣтъ наслаждался Баронъ Г* симъ яснымъ вечеромъ жизни. Ни судьба, ни старость не могли совершенно погасить въ немъ огня душевнаго и пылкости страстей. Еще на шестидесятомъ году

своемъ онъ стремился за шѣнью того блага, которымъ существенно владѣлъ на двадцатомъ. Онъ умеръ наконецъ... въ чинѣ Губернатора крѣпости * * *, гдѣ содержались государственные преступники. Читатель увѣренъ, что Баронъ Г*, узнавъ опытомъ нещастіе, челоуѣколюбиво обходился съ заключенными?... Нѣтъ! онъ тиранствовалъ надъ ними, и неумѣренное сердце на одного изъ нихъ положило его во гробъ на осьмидесятомъ году жизни!

Шиллеръ.

III.

Бѣдный Жакъ.

Всѣмъ извѣстенъ прогапельный романсъ бѣднаго Жака (*); но не многіе знаютъ то, что служило поводомъ къ его сочиненію.

Въ то время, какъ всѣ Принцы Крови, желая отдохнуть отъ скучнаго и тягостнаго принужденія, которое царствовало въ Версаліи, завели собственные сельскіе

(*) Онъ извѣстенъ и нашимъ Дамамъ, любящимъ музыку, и начинается: *parce Jacques, quand j'étois près de toi, je ne sentoie pas ma mère.*

домы, одна скромная, бережливая Елисавета отказалась отъ сего удовольствія, чтобы не умножить великихъ государственныхъ расходовъ. Король, угадывая чувства любезной сестры своей и зная всея тайныя добродѣтели, хощѣлъ пріятнымъ образомъ удивить ее и купилъ прекрасной сельской домъ въ Монтрелѣ, который должна была продать Принцесса Гемене, чтобы удовольствоваться своихъ заимодавцевъ. Тамъ Елисавета въ первой молодости своей часто бывала и веселилась. Король и Королева однажды уговорили ее выѣхать съ ними въ шута; и въ самое то время, какъ она съ радостію вспоминала пріятные случаи дѣшества своего, Марія Аншуанеша сказала ей: „это вашъ собственной домъ!“ Принцесса заплакала отъ чувствительности, и посвятила се мѣсто спокойствію и дружбѣ. Величайшимъ удовольствіемъ было для нее то, что она могла шутъ же купить маленькой домикъ для Баронессы Мако (прежней своей любезной воспитательницы), котораго садъ соединялся съ ея садомъ; съ нею и съ двумя дочерми ея, Маркизами Бомбель и Соси, жила она въ сердечной, искренней дружбѣ. Какъ сердце добродѣтельной Принцессы наслаждалось въ Монтрелѣ любезною Нашурою и дружбою,

и какъ ничтожны казались ей всѣ хитрости, всѣ пусныя разговоры Двора! Она, подобно бабкѣ своей, Герцогинѣ Бурбонской, любила сельскія упражненія; подобно ей завела у себя хуторъ, и наконецъ желала имѣть Швейцарскихъ коровъ вмѣстѣ съ Швейцарскою пастушкою, которая ходила бы за ними. Выборъ палъ на Марію. Она была прекрасна и невинна, какъ большая часть горныхъ паспущекъ; на осьмнадцатомъ году узнала любовь, и съ радостію отдала свое сердце Жаку, молодому паспуху. Марія, выгоняя коровъ на лугъ, всегда находила на большомъ камнѣ букетъ самыхъ лучшихъ цвѣтовъ. Сердце ея догадывалось, кто нарвалъ ихъ; она съ улыбкою говорила: „это бѣдной мой Жакъ; онъ всегда обо мнѣ думаетъ!“ садилась подъ тѣнью сосны и плела корзинки, смотря вокругъ себя, и желая увидѣть Жака. Раздавались звуки свирѣли — и сердце ея летѣло на встрѣчу къ нимъ. Но стыдливость удерживала прекрасную; не вставая съ мѣсна, она тихонько пѣла Жакову пѣсню — и паспушокъ являлся; садился рядомъ съ нею; начиналъ говорить о томъ же, о чемъ наканунѣ говорили — и всякое слово было вдохновеніемъ невинности. Такъ прошло лѣто. Маріины родители не знали о любви ихъ: Жакъ боялся своей

бѣдности, и не смѣлъ посвапашься. Выпалъ снѣгъ, и паспухи сошли въ долину. Марія во всю зиму не отходила отъ матери, и съ нетерпѣніемъ ожидала весны, чпобы увидѣться съ другомъ, копорой жилъ въ другомъ селеніи. Уже запѣли жаворонки, и доброй Жакъ нарвалъ фїялокъ и гїацінтовъ, чпобы встрѣтитъ съ ними Марію на горѣ въ дубовой роцѣ... Вдругъ незнакомый являешся въ ея хижинѣ, и говоритъ оццу: „я присланъ купить „лучшихъ коровъ спада швоего для сестры „Короля Французскаго.“ — „Съ радостію „продамъ ихъ,“ отвѣчалъ спарикъ, копорой служилъ въ гвардіи Лудовика XV: „естъли это для Елисаветы, то позволь мнѣ самому выбрать; я видѣлъ ее въ „пеленкахъ; видѣлъ, какъ она росла, и „день ото дня спановилась прекраснѣе, „умнѣе; на лицѣ у нее написано было „добродушіе.“ Коммиссаръ предложилъ и другое желаніе Елисаветы; спарикъ также не задумавшись далъ слово. Марія, сидя въ углу, слушала сіи договоры, и честь пасти коровъ Принцессиныхъ не могла наградить ее за горестъ разлуки съ милымъ Жакомъ. Но отецъ велѣлъ, мать плакала, а дочь ушла на минупу, чпобы извѣспитъ друга о бѣдѣ ихъ. Марія, скрывая шоску свою, спаралась утѣ-

шишь. нѣжнаго любовника, и говорила, что Принцесса, которой добродѣшель всѣмъ известна, вѣрно примѣшивъ ея горесць, узнаеть, и найдетъ способъ соединить ихъ; что она богата, а богатымъ все возможно. Любовники распались. Марія съ опчаяніемъ возвратилась въ хижину, думая: „никогда, никогда не увижусь съ нимъ!“ Пришла минуша отъѣзда. Опець велѣлъ Маріи служить вѣрно Принцессѣ; а мать велѣла ей сохранить сердечную невинность свою среди придворныхъ соблазновъ. Она прѣехала въ Монпрель въ Швейцарской одеждѣ своей, украшенная одною Натурою. Елисавета приняла ее съ обыкновенною своею милостію: Марія покраснѣлась и не могла сказать ни слова; пасла, доила коровъ своихъ; время лепѣло для другихъ, но ей всякая недѣля казалась годомъ. Тихая меланхолія изображалась во всѣхъ ея чертахъ. Любезная и чувствительная Госпожа Бомбель замѣтила горесць паспушки, которая нравилась ей милою невинностію и скромнымъ своимъ поведеніемъ. „Добрая паспушка!“ сказала ей однажды Маркиза: „ты всегда уныла и печальна: вѣрно поскуешь по горамъ своимъ? вѣрно здѣшняя жизнь тебѣ не нравится?“ Марія всегда желала такого вопроса; однакожь замѣща-

лась, и съ великимъ трудомъ могла разсказать любовный романъ свой, смотря въ землю. Маркиза слушала ее съ великимъ вниманіемъ, и дала слово быть ея покровительницею. Ввечеру она говорила о Маріиной исторіи съ мужемъ своимъ и съ пріятельницами, изъ которыхъ одна, Госпожа Траване, соединяя съ рѣдкою любезностію рѣдкіе таланты, въ нѣсколько минутъ сочинила слова и музыку прекраснаго *романса*, которой никогда не поперяетъ цѣны своей.

Условились, чптобы пастушка выучила его наизусть и запѣла при Елисаветѣ, которая всякой день гуляла въ саду, гдѣ она пасла коровъ. У Маріи былъ пріятной голосъ, и сердце помогло ей выучить прогашельную мелодію, которая столь мило выражаетъ любовь простую и сельскую. Не смотря на робость свою, она спѣла ее лучше всякой театральнаго пѣвицы. Елисавета слушала съ удивленіемъ и спросила, кто выучилъ ее пѣть? *Любовь*, отвѣчала Госпожа Бомбель, и рассказала ей всю исторію. Принцесса увѣряла Марію, что она не забудетъ ее. „А Жака?“ спросила обрадованная пастушка съ видомъ неизбяснимой любезности. *И Жака*, отвѣчала Елисавета, и въ шу же минуту велѣла другу

своему, Маркизѣ Бомбель, написать обо всемъ къ опцу ея. Жакъ черезъ нѣсколько недѣль прїѣхалъ въ Монпрель, и женился на Маріи. Елисавета построила имъ маленькой домикъ въ саду, и надѣлила ихъ всѣмъ нужнымъ для хозяйства. Они жили щасливо, и молились Богу за свою благошворительницу.

(Изъ Фр. Жур.)

IV.

О Крокодилѣ.

Въ Европѣ думаютъ обыкновенно, что крокодилъ есть ужасъ Египта и Нила; но сей *двустихійной* звѣрь не показывается никогда въ Нижнемъ Египтѣ: его можно видѣть только въ Тебаидѣ и выше. Онъ выходитъ изъ воды въ жаркіе дни, когда Ниль сбываетъ, и ложится на песокъ. Это случилось мнѣ видѣть въ Апрѣлѣ и въ Маѣ. Крокодилъ любитъ мѣста уединенныя; знаетъ, кажется, свою опасность, и только шаговъ на шесть удаляется отъ рѣки. Всякой шумъ пугаетъ его, и я не могъ никогда приблизиться къ нему на ружейный выстрѣлъ.

Но какъ сіе живошное имѣетъ весьма твердую чешую, по его весьма трудно застрѣлить: надобно попастись непременно въ пахъ, или никакая пуля не сдѣлаетъ ему вреда. Я нашелъ въ Дендерѣ одного *Кашефа*, которой былъ великой мастеръ стрѣлять крокодиловъ; онъ убилъ ихъ сряду восемь, и поставилъ на террасѣ своего дому, такъ, что издали они казались совершенными пушками. Жители Египта такъ же радуются, застрѣливъ крокодила, или поймавъ въ сѣти, какъ Европейцы бывають довольны, убивъ волка. Я не видалъ ни одного крокодила болѣе десяти фузовъ въ длину. Просперъ Альпинъ говоритъ о крокодилѣ мѣрою въ 30 аршинъ; но должно замѣтить, что сей Авпоръ не былъ въ Верхнемъ Египтѣ, и повѣрилъ конечно ложнымъ извѣстіямъ. Славный Норденъ пишетъ, что онъ видѣлъ сихъ живошныхъ въ 50 фузовъ длиною; я думаю, что онъ также обманулся. По крайней мѣрѣ тамошніе жители никогда такихъ не видали.

Что принадлежишь до опасности быть жертвою крокодила, то она совсѣмъ не такъ велика, какъ обыкновенно думаютъ. Вообще кажется, что онъ боится человѣка: ибо не любитъ обитаемыхъ мѣстъ;

и чѣмъ далѣе ѣдешь къ Нильскимъ порогамъ, тѣмъ болѣе находишь крокодиловъ. Равнодушіе, съ которымъ жишели ходящъ по берегу Нила и купаются въ немъ, увѣрило меня, что они ихъ не боятся.

Но при удобномъ случаѣ сей коварной звѣрь схватываетъ овцу, козу, осла, младенца, и съ добычею своею скрывается въ рѣкѣ. Только въ одномъ мѣстѣ, гдѣ женщины берутъ воду, я видѣлъ загородку изъ простики, сдѣланную для защиты отъ крокодиловъ. Тутъ одинъ изъ нихъ оторвалъ грудь у женщины, которая черпала воду.

Достойно примѣчанія то, что сей звѣрь, выходя изъ воды, всегда бываетъ окруженъ множествомъ большихъ птицъ, особливо пеликанами. Какая можетъ быть связь между живошными, споль различными? Извѣстно, что цапля опмѣнно любитъ коровъ и быковъ, отъ чего по - Французски называютъ ее *garde-bœuf*: можно заключить, что между крокодиломъ и пеликаномъ есть также непонятная для насъ симпатія.

*Франкъ, Докторъ Французской
Восточной арміи.*

Воздушное путешествіе.

(Гарнерень, о которомъ часто говорили въ Вѣдомостяхъ, нынѣ въ Лондонѣ и занимается всю тамошнюю публику своимъ аэростатомъ. Слѣдующее описаніе Англичаина Содена, который заплатилъ 8000 рублей за удовольствіе полетать съ нимъ, напечатано во всѣхъ Журналахъ. Оно можетъ быть любопытно и для нашихъ Читателей.)

Всѣ спрашиваютъ у меня, что я чувствовалъ на высотахъ воздушныхъ; по тому считаю долгомъ описать свое путешествіе и можетъ быть опровергнуть нѣкоторыя ложныя о томъ идеи. Какъ скоро шаръ пронулся, на насъ упало нѣсколько дождевыхъ капель. Достигнувъ до вышины пяти или шести сажень, я просилъ Г. Гарнереня не подниматься выше, пока не удалимся отъ Лондона, чтобы народъ могъ долѣе видѣть насъ. Мы пролетѣли сквозь весьма густыя облака, въ которыхъ я замѣтилъ при различныхъ слояхъ; въ первомъ изъ нихъ термометръ показывалъ 15 градусовъ холода — что заснавило меня надѣтъ капотъ. Но далѣе воздухъ сталъ теплѣе, и термометръ остановился на 5 градусахъ тепла. Тогда казалось намъ, что мы совсѣмъ не двигаемся съ мѣста. Я предло-

жилъ Г. Гарнереню обѣдать, и вынулъ запасъ свой, состоявшій въ вешчинѣ, холодномъ мясѣ, пирогѣ и двухъ бушмакахъ оржата; а что принадлежитъ до вина и водки, то ихъ весьма опасно пить въ семь чистомъ и спонкомъ воздухѣ. Прозябнувъ отъ холода, мы ѣли съ великимъ вкусомъ. Тутъ облака вокругъ насъ освѣпились и открыли намъ прекрасную на землѣ картину. Отъ спонкоспи ли воздуха, или отъ яркаго освѣщенія предметовъ, я могъ видѣть внизу все очень ясно, имѣя впрочемъ слабое зрѣнiе. Земля казалась намъ большою ландкартою или *панорамою*, верстѣ 100 въ окружности, гдѣ мы видѣли не только дороги, но даже и колеи, даже всѣ борозды на поляхъ. Чувство слуха сдѣлалось также гораздо тонѣе: ибо, будучи отъ земли въ четырехъ верстахъ, мы слышали стукъ каретъ на дорогахъ, блеянiе овецъ и восклицанiя зришелей, хотя въ то же самое время почти не слышали собственныхъ словъ своихъ; я увѣренъ, что зрители посредствомъ трубы могли бы все сказать намъ. Чувства мои на сей высотѣ были совершенно противны общему мнѣнiю. Многие ученые люди говорили мнѣ, что холодъ долженъ усиливаться по мѣрѣ возвышенiя отъ земли: вмѣ-

сто того я принужденъ былъ раздѣться отъ жара. Думаютъ также, что на такой высотѣ кружится голова, когда посмотришь внизъ: могу увѣрить, что это не правда. Но взглянувъ на неизмѣримое пространство вокругъ насъ, я вдругъ лишился зрѣнія на нѣсколько минутъ. Хотя мы неслись съ величайшею быстротою, однакожь не чувствовали никакого тисненія отъ воздуха; онъ такъ былъ тихъ, что знамена наши ни мало не шевелились. Я замѣтилъ, что каждый слой облаковъ перемѣнялъ не только атмосферу, но и вѣтеръ; наконецъ онъ поворотилъ насъ къ Эппингскому лѣсу, который въ семь отдаленій казался смородинымъ кустарникомъ. Я указывалъ на картѣ путь нашъ Г. Гарнереню, говоря, что мы скоро увидимъ море. Въ самомъ дѣлѣ оно черезъ нѣсколько минутъ открылось. Тогда Г. Гарнерень сказалъ мнѣ, что намъ немедленно должно спускаться, и примолвилъ, указывая на одно облако: „надобно пробиться сквозь эту заставу; держитесь крѣпко; мы сломимъ себѣ голову.“ *На все готовъ*, отвѣчалъ я. Мы открыли заслонку, и такъ быстро полетѣли внизъ, сквозь дождь, туманъ и страшные порывы вѣтра, что предсказаніе моего товарища всякую минуточку могло

исполниться. Онъ ни мало не пружился, и соѣживалъ мнѣ, какъ скоро приближусь къ землѣ, держаться крѣпко за веревку, на которой висѣла наша лодка. Эва предоспо- рожнось спасла меня отъ смерти: шакъ силенъ былъ ударъ! Аэроспанъ кашлялся по землѣ съ великимъ стремленіемъ, и наконецъ, зацѣпившись якоремъ своимъ за дерево, мы думали, что вся опасность миновалась. Тупъ былъ маленькой домикъ, изъ котораго выбѣжали креспьяне. Мы бросили имъ веревки и звали ихъ къ себѣ на помощь; но они стояли какъ деревянные, и ни просьбы, ни угрозы не могли ихъ тронуть. Послѣ намъ сказывали, что они приняли насъ за волшебниковъ. Черезъ три минуты вѣтромъ оторвало нашъ якорь, и мы опять поднялись вверхъ сажень на 100. Г. Гарнерень, бросая веревки креспьянамъ, вынулъ изъ руки шу, которая была привязана къ заслонкѣ, и шаръ понесло вѣтромъ; мнѣ удалось, къ счастью, достать ее рукою. Насъ такъ сильно ударило объ дерево, что Г. Гарнерень, хопѣвъ поддержать меня, едва - было не вылетѣлъ изъ лодки. Шаръ зацѣпился за вѣшвь, которая прорвала его; шупъ Г. Гарнерень закричалъ: „теперь мы будемъ живы!“ и лодка наша спала на землѣ.

Письмо изъ Неаполя.

Въ Музеумѣ Короля Неаполитанскаго, въ Портичи, давно уже собрано около 1800 манускриптовъ на папирусѣ, найденныхъ въ Геркуланскихъ развалинахъ. До сего времени успѣли разобрать только одно, совсѣмъ не важное сочиненіе Филодемова о музыкѣ. Его Высочество, Принцъ Валлисскій, просилъ Неаполитанскаго Короля дозволишь Господину Гетеру, одному изъ его Библиошечкарей, рассмотретьъ сіи манускрипты и напечатать изъ нихъ все любопытное.

Г. Гетеръ взялся за сіе дѣло съ неописанною ревностію, не жалѣя никакихъ трудовъ, нужныхъ для развертыванія плѣнныхъ рукописей, которыя суть ничто иное, какъ пепелъ, и могутъ исчезнуть отъ вѣтерка, даже отъ самаго неосторожнаго дыханія.

Сей ученый Бриганецъ награжденъ за трудъ свой: онъ нашелъ Эпикурово сочиненіе *о естествѣ вещей*, которое до сего времени было только извѣстно по тому, что говорятъ объ немъ разные древніе Авторы, и которое служило основаніемъ прекрасной Лукреціевой Поэмы. Теперь

списываютъ сей манускриптъ , и скоро оупдадутъ его въ печать.

Г. Гетеръ употребляетъ десять чело-
вѣкъ для развертыванія листовъ , и бу-
детъ заниматься только важными сочине-
нiями , историческими , стихопворными
и такими , копорыя любопытны по извѣ-
стному имени своихъ Авпоровъ.

VII.

Историческія воспоминанія и замѣ- чанія на пути къ Троицѣ.

Троицкой монастырь святъ не только для сердецъ набожныхъ , но и для ревно-
стныхъ любителей отечесипвенной славы ;
не только Россiяне , но и самыя просвѣ-
щенные иностранцы , знающіе нашу Исто-
рiю , любопытствуютъ видѣть мѣсто
великихъ происшествiй.

Возобновивъ въ памяти своей дѣла
нашей древности , въ прекраснѣйшее вре-
мя года я выѣхаль изъ Москвы на пу-
дорогу , по которой столь часто Цари
Рускіе ѣзжали и ходили на богомолье ,
испрашивать побѣды или благодарить за
нее Всевышняго , въ обипели основанной
святымъ мужемъ и Папрiономъ : сердце

его, забывъ для себя все земное, желало еще благоденствія опечесиву. Черезъ нѣсколько манушъ открылось село Алексѣевское, напоминающее именемъ своимъ Царя Алексѣя Михайловича, который пригласилъ Россію къ величію и славѣ. Но тамъ предсавляенся глазамъ еще другой, ближайшій его памятникъ: старый дворецъ, гдѣ онъ всегда оспанавливался на возвращномъ пуни изъ монастыря Троицкаго и располагалъ шоржеспвенный вѣздъ свой въ Москву. Я спѣшилъ видѣть сіе почтенное зданіе, едва ли не старѣйшее изъ всѣхъ деревянныхъ домовъ въ Россіи. Оно очень не высоко, но занимаетъ въ длину сажень шридцашъ. На лѣвой сторонѣ отъ Москвы были комнаты Царя, на правой жили Царевны, а въ серединѣ Царица; въ первыхъ окна довольно велики, а въ другихъ гораздо менѣе и выше отъ земли, вѣрояпно для того, чпобы нескромное любопытство не могло въ нихъ со двора заглядывать — тогда думали болѣе о скромности, нежели о симметріи. Стѣны разрушаются; но я осмѣлился войти въ домъ, и прошелъ во всю длину его, естли не съ благоговѣніемъ, то по крайней мѣрѣ съ живѣйшимъ любопытствомъ. Печи вездѣ большія, съ разными, опчаспи аллегориче-

скими фигурами на изразцахъ. Внутреннія украшенія не могли испощить казны Царской: пополки и спѣсны обшпы выбѣленнымъ холстомъ, а двери (и по въ однѣхъ Царскихъ комнатахъ) краснымъ сукномъ съ широкими жестяными петлями; окна выкрашены зеленою краскою. Я воображалъ нашего добраго Рускаго Царя, сидящаго шупъ среди вельможъ своихъ, или, лучше сказать, *передъ ними*: тогда и самые важные бояре, приходя къ Государю, останавливались у дверей; а сиживали съ нимъ единственно за обѣдомъ, и по за другимъ столомъ. Къ сожалѣнiю, мы худо знаемъ старинные обычаи; а что и знаемъ, то по большей части отъ иностранцевъ, которые, бывъ въ Россiи, описывали ихъ: на примѣръ Герберштейнъ, Олеарiй, Маржеретъ и другiе. Лѣтописцы наши и не подозрѣвали, что должно изображать характеръ времени въ его обыкновенiяхъ; не думали, что сiи обыкновенiя мѣняются, исчезаютъ и дѣлаются любопытнымъ предметомъ для слѣдующихъ вѣковъ. Не все то любопытно, что хорошо; за то многое достопамятно, чего и не лзя назвать хорошимъ. Пусть мы умнѣе своихъ предковъ, пусть намъ нечего занять отъ нихъ; но самое просвѣ-

щеніе дѣлаешь умъ любопытнымъ: хочешь знать старину, какова ни была она, даже и чужую, а своя еще милѣе. Мнѣ случилось видать памятники иностранной древности; но дворецъ Государя Алексѣя Михайловича гораздо болѣе занималъ мое воображеніе, даже и сердце. Я съ какою-то любовію смотрѣлъ на шѣ вещи, которыя принадлежали еще къ характеру старой Руси; съ какимъ-то неизъяснимымъ удовольствіемъ брался рукою за дверь, думая, что нѣкогда опворялъ ее Родитель Петра Великаго, или Канцлеръ Машвѣвъ, или собственный предокъ мой, служившій Царю. Я чувствовалъ, что во мнѣ не просыпала Русская кровь!

Москва не много видна изъ оконъ дворца; но вѣроятно, что бывший съ этой стороны заборъ (ямы столбовъ не заросли еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ) не позволялъ и того видѣть: въ старину любили жить открытымъ сердцемъ, а не въ открытомъ домѣ. Передъ окнами распусти двѣ березы, изъ которыхъ одна запустила корень свой подъ самый домъ; можетъ быть Царица Напалія Кириловна посадила ихъ! — Другая спѣна безъ оконъ, но съ дверьми въ садъ или въ огородъ, который безъ сомнѣнія украшался

всего болѣе подсолнечниками (эпопѣ вкусомъ видимъ еще и нынѣ въ провинціальныхъ купеческихъ огородахъ); пеперь гуспѣ-юпѣ въ немъ однѣ рябины, малиновые и смородинные кусты, такіе старые, что Царевны могли еще брать съ нихъ ягоды. Тутъ видны развалины двухъ бань, въ копорыя онѣ ѣзжали не рѣдко изъ самой Москвы, даже зимою, какъ я слыхаль отъ стариковъ, свѣдущихъ въ Рускихъ преданіяхъ. — Вокругъ дворца не оспалось никакихъ другихъ зданій, кромѣ погреба, гдѣ не только ледъ, но даже и снѣгъ не паетъ до глубокой осени; слѣдственно Царь могъ всегда пить здѣсь самой холодной медъ! — Онѣ любилъ Алексѣевское, хотя впрочемъ мѣстоположеніе очень обыкновенно: ровное и гладкое; на лѣвой сторонѣ видна сосновая роща. Большая каменная церковь Алексѣевская сооружена такъ же Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Дворецъ подлѣ нее. Пусть одно время разрушитъ его до основанія, а не рука человѣческая! У насъ мало памятниковъ прошедшаго: тѣмъ болѣе должны мы беречь, что есть!

Сѣвъ въ коляску, я могъ на досугѣ мыслить о быспрыхъ и медленныхъ успѣхахъ гражданскаго искусства. Воображая, какъ въ седьмомъ - надесять вѣкѣ жили

еще Цари наши, и сравнивая тогдашній образъ жизни съ нашимъ, мы готовы назвать своихъ предковъ варварами; но должно заглянуть мысленно въ другія части свѣта, чтобы судить справедливо о степеняхъ гражданского просвѣщенія. Въ Азіи, въ Африкѣ есть народы, которые десяти, пятнадцати вѣковъ учаща въ школахъ общежитія, и еще далеки отъ того состоянія, въ которомъ были Рускіе во время Царей. Эпоху низенькой домикъ Алексѣя Михайловича удивилъ бы своею огромностію Министровъ Сеннарскаго Царя.

Но я увидѣлъ не далеко отъ дороги прекрасный *водоходъ*, оставилъ сравненія и пошелъ смотрѣть его. Вотъ одинъ изъ монументовъ ЕКАТЕРИНИНОЙ благотѣльности! ОНА любила во многомъ слѣдовать примѣру Римлянъ, которые не жалѣли ничего для пользы имѣть въ городахъ хорошую воду, сіюль необходимую для здоровья людей, необходимѣе самыхъ Аптекъ. Издержки для общественнаго блага составляютъ роскошь, достойную великихъ Монарховъ, — роскошь, которая питаешь самую любовь къ отечеству, нераздѣльному съ Правленіемъ. Народъ видящъ, что объ немъ пекутся, и любитъ своихъ благошворителей. Москва

вообще не имѣетъ хорошей воды; едва ли соная часть жителей пользуется Трехгорною и Преображенскою, за которою надобно посылать далеко. ЕКАТЕРИНА хотѣла, чтобы всякой бѣдной человѣкъ находилъ близъ своего дому колодезь свѣжей, здоровой воды, и поручила Генералу Бауеру привести ее трубами изъ ключей Мышицскихъ; теперь она уже въ городѣ: остается сдѣлать каналы внутри его. Работа долговременна и трудна, но благодареніе еще превосходитъ труды; и время открытія народныхъ колодезей будетъ важною эпохою для Московскихъ жителей, по естѣ не богатыхъ, слѣдственно большаго числа. — Водоводъ идетъ мостомъ черезъ низкую долину, на каменныхъ аркахъ, и длиною будетъ сажень въ 60. Я увѣренъ, что всякой иностранной путешественникъ съ удовольствіемъ взглянетъ на сіе дѣло общественной пользы.

Коляска дожидалась меня въ деревнѣ Ростокинѣ, которая достойна примѣчанія для любителей Исторіи. Тутъ народъ Московскій, всегда усердный къ добрымъ Государямъ своимъ, встрѣшилъ Царя Іоанна Васильевича, когда онъ, взявъ Казань, съ торжествомъ возвращался въ столицу, еще не обогранный кровію под-

данныхъ, истинныхъ Боярѣ Рускихъ — еще не грозный истребитель невинныхъ Новгородцевъ, славнѣйшихъ дѣпей древней Россіи, но юный Герой, украшенный лаврами славы, и нѣжный супругъ прелестной Анастасіи, столь любезной для Историка, во первыхъ по ея кропкимъ добродѣтелямъ, во вторыхъ и по тому, что брачному союзу Іоанна съ нею обязаны мы царствованіемъ Фамиліи Романовыхъ, которая успокоила и возвеличила Россію. Известно, что главною причиною избранія въ Цари Михаила Ѳеодоровича было свойство его съ Іоанномъ черезъ Анастасію. Лѣтописи говорятъ, что все пространство отъ города до Ростокинскаго моста (то есть, семь верстъ) было занято радостными Московскими жителями, которые, слѣдуя собственному побужденію, спѣшили скорѣе преклонить колѣна передъ своимъ Государемъ; спѣшили изъяснить ему благодарность за то, что онъ сокрушилъ грозное Татарское царство. Не многихъ побѣдителей народы благодарили столь искренно! Въ семъ случаѣ польза была явная для Россіи, и Государь не имѣлъ нужды доказывать ее подданнымъ. Осада и приступъ стоили крови; но вдовы и сироты жаловались только на судьбу, а не на Царя своего. Принявъ народную

благодарность, онъ снялъ съ себя воинскую одежду, надѣлъ корону Мономахову и въ величественномъ смиреніи пошелъ за крестами въ городъ. — Историкъ Россіи признаетъ сіе время щастливѣйшимъ и славыѣйшимъ временемъ Иоаннова царствованія. —

Я своротилъ влѣво съ большой дороги, чптобы видѣть село Тайнинское, гдѣ Царь Алексѣй Михайловичъ любилъ забавляться соколиною охотою. Мѣсто уединенное и пріятное ! Тутъ запруженная Яуза кажется большою рѣкою, и со всѣхъ ея сторонъ облекаетъ дворецъ Елисаветы Петровны, Которая, любя слѣды великаго Ея Дѣда, построила его близъ развалинъ дворца Алексѣя Михайловича. Онъ шакже разрушается и, какъ мнѣ сказывали, продается на свозъ. Я осмотрѣлъ его : есть большія комнаты, и видно, что нѣкоторыя были хорошо отдѣланы. Госпожа Радклифъ могла бы воспользоваться симъ дворцомъ и сочинить на него ужасной романъ; тутъ есть все нужное для ея мастерства : пустыя залы, коридоры, высокія лѣспницы, остатки богатыхъ украшеній, и (что всего важнѣе) вѣтеръ воеетъ въ шрубахъ, свиспиптъ въ разбитыя окончины и хлопнаетъ двери, съ которыхъ валятся позолота. Я же ходилъ по гнилымъ его

лѣстницамъ при страшномъ громѣ и блескѣ молніи: это въ самомъ дѣлѣ могло сильно дѣйствовать на воображеніе. — Жаль, что такое пріятное мѣсто, окруженное водою и густо осѣненное старыми деревьями, которыя могли бы закрыть и самое огромное зданіе, теперь оспаеется дикою пустынею. Вездѣ трава въ поясъ; кропива и полынь распушь на свободѣ. Сонныя воды Яузы одѣлись шиною. Мосты сгнили, такъ, что я съ великимъ трудомъ могъ черезъ одинъ изъ нихъ перебраться. Эта неприступность напомнила мнѣ Эрменонвильскій островъ, гдѣ нѣкогда покоились Руссовы кости. — Прибавлю, что въ Тайнинскомъ ночевалъ Царь Іоаннъ Васильевичъ, возвращаясь въ Москву по взятіи Казани. Тамъ встрѣтили его главные Бояре и Князь Юрій Васильевичъ, братъ его. По обычаю тогдашняго времени Царица Анастасія должна была ожидать супруга въ Московскомъ дворцѣ и преодолѣть желаніе сердца, которое стремилось на встрѣчу къ нему, чтобы представить Іоанну новорожденного сына ихъ Димитрія. Казалось, что Провидѣніе хотѣло тогда со всѣхъ сторонъ осыпать сладкими чувствами сердце сего Государя.

Выѣхавъ опять на большую Троицкую дорогу въ Мышицахъ, я ходилъ пѣшкомъ,

сквозь длинную насаженную алею, къ тамошнимъ славнымъ колодцамъ, откуда проведена вода въ Москву. Ихъ числомъ 42; каждый представляетъ издали видъ маленькаго домика, и всѣ вмѣстѣ кажутся небольшимъ, прекраснымъ селеніемъ. Тутъ я опрѣдывалъ воду: она чиста и не имѣетъ никакого вкуса, слѣдственно очень хороша. Колодцы деревянные, кромѣ одного, каменнаго, называемаго *громовымъ*, для того, какъ увѣряютъ, что тутъ ударилъ нѣкогда громъ въ землю, и что изъ отверстія, имѣ сдѣланнаго, потекла сама собою чистая вода.

Село Пушкино (въ 26 версахъ отъ Москвы) извѣстно въ нашей Исторіи тѣмъ, что въ немъ Бояринъ Иванъ Андреевичъ Хованскій, оклеветанный Милославскимъ, взятъ былъ подъ стражу. Въ другомъ мѣстѣ упомянемъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ сего случая. — Здѣсь замѣчу только, что многіе крестьяне села Пушкина живутъ не въ избахъ, а въ красивыхъ домикахъ, не хуже самыхъ богатыхъ поселянъ въ Англіи и въ другихъ Европейскихъ земляхъ. Вотъ дѣйствіе усердія Московскихъ жителей къ Святому Сергію! Троицкая дорога ни въ какое время года не бываетъ пуста, и живущіе на ней крестьяне всякой день угощаютъ проѣз-

жихъ съ большою для себя выгодною. Они всѣ могли бы разбогатѣть, еспьли бы гибельная спраспъ къ вину не разоряла многихъ — спраспъ, копорая въ Россіи, особливо вокругъ Москвы, дѣлаеть по крайней мѣрѣ сполько же зла, какъ въ сѣверной Америкѣ между дикими народами. Я всегда радуясь успѣхамъ промышленности, встрѣчая на улицахъ, въ торговые дни, милovidныхъ крестьянокъ съ ягодами, цвѣтами, правами для Апшекъ; но какъ отцы и мужья ихъ употребляютъ деньги? Не только нищета и болѣзни, но и самыя злодѣйства бывающъ слѣдствіемъ сего ужаснаго порока. Руской человекъ добродушенъ: ему надобно впастъ въ нѣкоторое безпамятство, чтобы поднять руку на ближняго... Но что говорить о такомъ злѣ, которое всѣмъ извѣстно!

Тамъ, гдѣ Цари наши всегда отды- хали на пути къ Троицѣ, въ селѣ Бра- ловщинѣ, я также остановился, не споль- ко для отдыха, сколько для того, что- бы видѣть тамъ на досугѣ нѣкоторые монументы старины. Они состоятъ въ деревянной церкви, построенной, думаю, еще прежде Царя Алексѣя Михайловича, и въ вѣшомъ зданіи, похожемъ на ан- баръ и называемомъ *Царскою вышкою*. Это имя было для меня не ново: я слыхалъ,

что въ старину назывались такъ высокіе перема, въ копорыхъ Рускіе Бояре прохлаждались иногда лѣпомъ. Цари наши не прѣбывали ничего великолѣпнѣе для своего дорожнаго опдыха. Тупъ вѣрно клали имъ перину или устилали полъ правую для свѣжести, отворяя со всѣхъ сторонъ *завдвижныя* окна: тогда не боялись еще сквознаго вѣтра. Приспавъ сказывалъ мнѣ, что другая *вышка*, копорая уже разрушилась, была гораздо пространнѣе. Близъ вешхой церкви (гдѣ давно нѣтъ ни службы, ни образовъ) построенъ дворецъ при Елисаветѣ Пепровнѣ: Г. Миллеръ ошибся, назвавъ его древнимъ зданіемъ Царей. Къ нему идетъ отъ села прекрасная березовая алея. Рѣчка Скауба на лѣвой сторонѣ, поля и луга составляютъ очень хорошій сельскій видъ. Онъ полюбился ЕКАТЕРИНѢ Великой, Копорая, бывъ тупъ въ 1775 году, приказала строить новый дворецъ и каменную церковь. Сдѣланъ фундаментъ, изгоновлены матеріалы — и все такъ оставлено. Отъ мѣста, гдѣ надлежало быть новому зданію, насажена въ правую сторону еще другая березовая алея до самой большой дороги. Во всякомъ дѣлѣ, копорое начато и несовершено, есть для меня что-то печальное. Развалины

древности говорятъ по крайней мѣрѣ о прошедшемъ; шупъ зданіе опслужило время свое: это почтенный старецъ, лѣтами склоненный къ землѣ и гробу — а гдѣ разрушается недоспроенное, тамъ можно только жалѣть о трудахъ пошерьанныхъ.

Сѣвъ на гнилой церковной паперши, я съ удовольствіемъ смотрѣлъ вокругъ себя и на сельскіе ландшафты вдали, думая, что не только люди, образъ ихъ жизни и швореній, но и самый видъ Натуры перемѣняется со временемъ. Теперешніе веселые луга и поля были нѣкогда или болотомъ или густымъ лѣсомъ. Г. Миллеръ удивляется, отъ чего Переславль названъ *Злѣскимъ*, когда вокругъ его нѣтъ даже и роши! Видно, что онъ безъ вниманія смотрѣлъ на окрестности Троицкой дороги: частый кустарникъ и самый грунтъ земли (на правой и на лѣвой сторонѣ) доказываютъ, что шупъ прежде были сплошные лѣса, которые, вѣроятно, простирались и далѣе къ сѣверу, то есть, къ Переславлю. Россія въ сравненіи съ другими Европейскими землями есть конечно новая страна въ разсужденіи *обитаемости*; въ первые вѣки Христіанскаго лѣтосчисленія она состояла изъ обширныхъ пустынь, гдѣ

являлись иногда кочующіе народы, подобно караванамъ въ степяхъ Африканскихъ, и гдѣ въ десятомъ, одиннадцатомъ вѣкѣ рѣдкія селенія уподоблялись рѣдкимъ островамъ на Океанѣ; но присутствіе людей въ два или три столѣтія чудеснымъ образомъ измѣняетъ Нашуру. Гдѣ размножаются люди, тамъ (особливо въ сѣверныхъ земляхъ) исчезаютъ лѣса; нѣкоторые боявшагося того, думая, что попомкамъ нашимъ со временемъ нечѣмъ будетъ согрѣвать домовъ своихъ: страхъ напрасной! Впервыхъ, по мѣрѣ испребленія лѣсовъ, изсушенія болотъ и другихъ успѣховъ гражданской дѣятельности, климатъ становится теплѣе; во вторыхъ, деревья распутъ у насъ скоро; наконецъ, въ случаѣ нужды, неиспощимые слои земляныхъ угольевъ ожидаютъ въ Россіи только заснупа, чтобы пылать въ нашихъ печахъ и каминахъ. —

Маленькая деревня Талица, въ 9 верстахъ отъ Браповщины, замѣчена мною по любопытной встрѣчѣ. Я шелъ пѣшкомъ, увидѣлъ старика съ сумою, и проговорилъ съ нимъ долѣе часу. Ему около ста лѣтъ; но онъ едва начинаетъ сѣдѣть; и твердъ на ногахъ какъ человекъ лѣтъ въ 50; только худо видитъ. Жена у него еще старѣе (двумя или тремя

годами) и живетъ съ нимъ въ хижинѣ какъ Бавкида съ Филемономъ. У нихъ было 12 дѣшей, копорыя всѣ померли во младенчествѣ. Я зашелъ къ нимъ въ гости. Они пишаются милоспынею и дома не пекутъ хлѣба, однакожь варятъ щи. Мужъ приноситъ воду и дрова, а жена зашопляетъ печь; онъ имѣетъ болѣе силъ, а она лучше видитъ. Какая рѣдкая судьба! жить вмѣстѣ 80 лѣтъ! Можеть быть на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ другога супружества столь долговременнаго! Я хотѣлъ знать, любятъ ли они другъ друга? — „Какъ не любить! мужъ да жена больше, чѣмъ братъ да сестра (*).“ — Боитесь ли вы смерти? — „Чего бояться? Мы, слава Богу! пожили. Смерть не бѣда.“ — Тебѣ не жаль будетъ старушки? — „Чего жалѣть! Кому нибудь надобно умереть прежде.“ — А естли она переживетъ тебя? — „Что же? въ свѣтѣ не безъ добрыхъ людей; дадутъ ей уголокъ.“ — — Такимъ образомъ лѣта служатъ самымъ лучшимъ приготовленіемъ ко смерти, и Нанура себя оправдываетъ! По ея закону мы должны любить жизнь, когда она еще сильно дѣйствуетъ въ крови и въ нервахъ; силы

(*) Думаю, что это старинная пословица.

изнуряются, и благодѣтельное равнодушіе заснупаетъ мѣсто сей, нѣкогда пламенной любви; упруженный старецъ видитъ для себя въ могилѣ мѣсто отдохновенія. — Къ удовольствію всѣхъ страстныхъ охотниковъ до здѣшняго свѣта замѣшимъ, что едва ли въ какой нибудь землѣ люди живутъ такъ долго, какъ у насъ: не въ городахъ, разумѣется, а въ деревняхъ. Всякой годъ (какъ извѣстно по вѣдомостямъ разныхъ Губерній, вносимымъ въ газеты) умираетъ въ Россіи множество стариковъ за сто лѣтъ. Вотъ благословеніе сѣверныхъ земель и трудолюбивой жизни! а мы не рѣдко бранимъ климатъ свой и боимся работы; хотимъ богатства, чтобы имѣть все безъ труда — то есть, хотимъ преждевременной смерти!

Въ селѣ Воздвиженскомъ, въ 12 верстахъ отъ Троицы, юные Цари, Іоаннъ и Пётръ, съ Царевною Софіею жили нѣсколько времени, боясь въ Москвѣ мнимато злоумышленія Хованскихъ. Князь сей фамиліи Андрей Ивановичъ и Милославскій были тогда начальниками грозныхъ Спрѣльцовъ и поссорились другъ съ другомъ. Спрѣльцы взяли сторону перваго, и Милославскій, спрашась ихъ обыкновеннаго неистовства, уѣхалъ въ деревню;

но опшуда написалъ къ Государямъ и Царевнѣ, что Хованскій имѣетъ злодѣйскій умыселъ обагришь руки свои въ крови Царской, умертвить Папріарха, всѣхъ главныхъ Боярѣ; что сынъ его всенародно хвалился свойствомъ съ Королями Польскими и говорилъ, что онъ рожденъ царствовать, а не повиноваться; что отецъ хочетъ возвести его на тронъ Россіи, и проч. Испуганный Дворъ немедленно уѣхалъ въ Савинъ монастырь, а опшуда въ Воздвиженское. Между тѣмъ отъ имени Царей написали къ Князю Андрею Ивановичу, что по извѣстнымъ его заслугамъ и вѣрности къ трону Государя желаютъ совѣтоваться съ нимъ въ нѣкоторомъ важномъ дѣлѣ и требуютъ его къ себѣ вмѣстѣ съ сыномъ. Сей Бояринъ, ничего не подозрѣвая (убѣдительно доказательство его невинности!), спѣшилъ къ Монархамъ; но Царевна Софія велѣла еще на дорогѣ взять подъ стражу отца и сына, оковать и привести въ Воздвиженское. Тамъ ожидалъ несчастныхъ эшафотъ безъ всякаго изслѣдованія и суда. Старецъ Хованскій со слезами просилъ Боярѣ, чтобы они только выслушали его; но Софія не велѣла принимать никакихъ оправданій — ему отрубали голову. Войско, собравшееся тогда вокругъ мона-

спыря Троицкаго , единодушно требовало дозволенія ипши въ Москву, истребишь опасный корпусъ Спрѣльцовъ, и навсегда успокоить Дворъ; но Государи, или, лучше сказать, правительствующая Царевна не хотѣла того: дерзкіе мяшежники были нужны для шайныхъ плановъ ея властолюбія. — Въ селѣ Воздвиженскомъ между поселянами сохранилось преданіе, что ПЕТРЪ Великій въ юности своей искалъ у нихъ безопасности. Мудрено поняшь, для чего Дворъ въ то время не прямо отправился къ Троицѣ, а остановился въ селѣ, укрѣпленномъ только своими овратами.

Версъ за семь отъ Троицы открываются, среди зелени лѣсовъ, злаяпы главы церквей ея, вокругъ огромной колокольни, подобной величественному столбу. — Я взѣхалъ на гору Волкушу. . . . Рускіе Патріоты! это мѣсто должно быть вамъ извѣстно. Здѣсь Архимандритъ монастыря Троицкаго благословлялъ креспомъ и кропилъ святою водою достойныхъ сыновъ Россіи, которые съ Вождемъ Пожарскимъ и съ Гражданиномъ Мининымъ шли освободить Москву отъ чужестранныхъ пирановъ! . . . Я спалъ на вершинѣ горы — и воображеніе представило глазамъ моимъ ряды многочисленнаго

войска подъ сѣнью распушенныхъ знаменъ, украшенныхъ именемъ городовъ, копорыхъ добрые жители шли подъ ними: Нижняго Новагорода, Дорогобужа, Вязьмы, Ярославля, Владимира, и проч. Мнѣ казалось, что я вижу сановитаго Пожарскаго среди мужеспвенныхъ воеводъ его, и слышу громъ оружія, которому черезъ нѣсколько дней надлежало грянуть во имя опечестива! . . . Рускіе были тогда сиротами: не имѣли Государя, и сражались за одну Россію.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ.)

В. Ф.

VIII.

С М Ъ С Ъ.

Въ Парижскихъ Журналахъ пишуть, что Аррасской жипель, именемъ Сен - Реми, купилъ въ 1794 году домъ Эмигранта Графа Брана, и начавъ ломать его, нашель въ стѣнѣ 80,000 экю, по естѣ рублей. Это щаспье, но вопшъ добродѣпель: гражданинъ Сен - Реми опдалъ и домъ и деньги бывшему Графу Брану, какъ скоро онъ возвратился въ Аррасъ.

Въ Кингстонѣ (въ Англии) естѣ древнѣй обичай, по которому городскіе судьи имѣють право купашь въ Темзѣ злонравныхъ женщинъ, опуская ихъ въ воду на креслахъ, нарочно для того сдѣланныхъ. Не давно наказывали такимъ образомъ жену одного ремесленника, но безъ всякаго успѣха: ибо она въ шу же минушу, какъ ее вынули изъ рѣки, вцѣпилась въ волосы первому человѣку, которой ей встрѣнился; судьба хопѣла, чшобы сей нещастный былъ мужъ ея. Онъ вмѣспѣ съ другими любопытными споялъ на берегу, желая видѣшь дѣйствіе сего купанья.

Въ Ливерпулѣ есть корабль спа-тридцати лѣтъ. Преданіе говоритъ, что нѣкогда былъ онъ съ тремя мачтами, а теперь обратился въ простую бригантину. Сей корабль называется *Трѣя Сестрами*, и въ 1669 году два раза привозилъ запасъ гарнизону осажденнаго Лондондерри. Изъ уваженія къ его лѣтамъ сей спарецъ Ливерпульской гавани освобожденъ отъ пошлинъ.

ПОЛИТИКА.

I.

Выборъ Парламентскихъ Членовъ въ Лондонѣ.

(Слѣдующая статья, переведенная изъ Англійскихъ Вѣдомостей, даетъ идею о порядкѣ избранія и забавныхъ сценахъ, которыя бывають при семъ случаѣ.)

Мы сказали, что Лордъ Гарднеръ и Г. Фоксъ будутъ снова выбраны опѣ Веспминстера: наше чаянїе сбывается. У нихъ полько одинъ совѣтникъ, нѣкто Граамъ, ремесломъ обойщикъ, безъ сомнѣнїя доброй человекъ, но худой Риторъ въ народномъ собранїи.

Сначала предложили Господина Фокса, и всѣ казались согласными. Онъ счелъ за долгъ оправдаться въ томъ, что удался отъ Парламента въ послѣднїя его засѣданїя. Веспминстерскїе избиратели были довольны сею апологіею; однакожь мы не перестанемъ думать, что гражданинъ не имѣетъ уже права быть совѣтникомъ народа, когда онъ отказывается быть защитникомъ его пользы. Никто болѣе насъ не удивляется великимъ талантамъ

Г. Фокса; никто болѣе нашего не вѣришь его добродѣтелямъ; но смѣемъ сказать утвердительно, что онъ, оставивъ Парламентъ въ самое опасное время, не исполнилъ должности Патрѳона, который забываетъ оскорбленную гордость свою тамъ, гдѣ идетъ дѣло о спасеніи опечесства. — Избиратели не такъ думаютъ, и безъ памяти хлопали въ ладоши при всякой фразѣ Г. Фокса.

Лордъ Гарднеръ заступилъ его мѣсто. Дѣйствіе Фоксовой рѣчи еще продолжалось, и Лорда худо слушали. Онъ говорилъ, кажешся, что любовь къ опечесству заставила его выйти изъ Парламента и сражаться на моряхъ съ непріятелемъ. Эта причина не хуже Фоксовой; однакожь многіе слушатели казались недовольными.

Наконецъ явился на кафедрѣ Г. Граамъ. Метаматематика Фоксовой рѣчи такъ утомила всѣ головы, что разсѣяніе было весьма нужно. Явленіе обойщика произвело громкой смѣхъ. Голова его не закружилась. Онъ привыкъ лазить по высокимъ лѣстницамъ и не думать о томъ, что внизу дѣлается! Черезъ нѣсколько минутъ смѣхъ было совсѣмъ унялся, но вдругъ явился подлѣ кафедры какой-то странный человекъ, сухой, блѣдной, и предложилъ Господина Граама въ Члены Парламента... Тутъ

снова раздался спрашной хохотъ! Обойщикъ уже не могъ вышерпѣть, и началъ жаловаться, что Веспминстерскіе граждане безвинно оскорбляютъ друга его. Сперва онъ говорилъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ; но повторивъ какія-то Шеридановы слова, вдругъ ободрился, и громко сказалъ, что „онъ не оставитъ „Парламента въ опасное время, какъ „нѣкоторые; не захочетъ быть слугою „Министровъ, какъ нѣкоторые; не запретъ „дверей своихъ отъ согражданъ, какъ „нѣкоторые.“ Тутъ Риторъ вынулъ изъ кармана бумагу и прочиталъ ее. Она заключала въ себѣ описаніе всѣхъ политическихъ добродѣтелей, копорыя онъ клялся имѣть въ душѣ и въ сердцѣ, естли граждане выберутъ его. Новой смѣхъ, копорому и самъ важной Фоксъ не могъ уже противиться, и вмѣстѣ съ другими держалъ себя за бока. Г. Граамъ съ торжественнымъ видомъ сказалъ: „Я занимаюсь „дѣлами столько же времени, какъ и Г. „Фоксъ. Веспминстерскимъ гражданамъ „не стыдно избрать добраго человека, „живущаго своими трудами. Я былъ ученикомъ Алдермана Скиннера, копораго „Лондонъ не постыдился избрать въ Лорды „Меры; а Скиннеръ имѣлъ также ремесло „обойщика: слѣдственно могу быть Чле-

„номъ Парламента.“ — Смѣхъ опять усилился. „Прочитай намъ описаніе поваровъ „двоихъ (*) (кричали нѣкоторые), чтобы мы могли судить о твоёмъ слогѣ!“ — Собрали голоса: за Фокса 1194, за Лорда Гарднера 1081, за Граама 555.

II.

Жизнь Туссеня Лувршюра.

(Окончаніе.)

Однакожь Директорія, оправдавъ Туссеня, выбрала новаго Коммиссара на мѣсто Сантюнакса; а именно, Генерала Эдувиля (который нынѣ Посломъ въ Россіи), храбраго Офицера, человека крошकाго и благоумнаго. Такія свойства могли обѣщать миръ и спокойствіе Колоніи; но вѣроломный Туссень, думая единственно о томъ, какъ присвоить себѣ самовластіе, не могъ ужиться съ добродѣтельнымъ чиновникомъ, который любилъ опечество, хотѣлъ служить ему, зналъ человѣческое сердце и вѣрные признаки лицемерія. Эдувиль не нашелъ его въ Капѣ: онъ былъ занятъ военными дѣйствіями, которыхъ

(*) Лондонскіе сбѣщники имѣютъ у себя лавки.

обстоятельствъ шѣмъ примѣчательнѣе, что они, изъясняя недоуваніе Директоріи на Эдувиля, служатъ доказательствомъ особеннаго Туссенева вѣроломства.

Чѣмъ болѣе сей власполюбивый Негръ приближался къ цѣли своей, шѣмъ болѣе искалъ онъ дружбы враговъ Франціи, особливо Великобританніи. Англійскій Генераль Меландъ хотѣлъ вывести войско свое изъ Сен - Марка, Порто - Пренса, Жереміи, Моля и другихъ мѣстъ, копорыя оно еще занимало на островѣ Эдувиля, узнавъ о семъ предложеніи Англійскаго Генерала, охотно согласился на то, но съ нѣкоторыми особенными условіями, сообразными съ достоинствомъ и пользою Республики. Сен - Домингскіе Эмигранты, жившіе въ Сен - Маркѣ, Порто - Пренсѣ и другихъ занятыхъ Англичанами мѣстахъ, испугались Эдувилевыхъ условій, изодрали его прокламацію, и поржественно объявили, что они хотѣли имѣть дѣло съ однимъ Туссениемъ. Меландъ послушался ихъ и заключилъ капитуляцію съ симъ Негромъ, не давъ знать о томъ Генералу Эдувилю.

Туссень, явно нарушивъ свою обязанность, съ великимъ поржествомъ вступилъ въ Моль. Его встрѣтили у главныхъ воротъ подъ великолѣпнымъ балда-

хиномъ , и съ радостными восклицаніями, съ военною музыкою, съ пушечною стрѣльбою , повели въ городской домъ обѣдать ; послѣ того Англійскія войска маневрировали въ его присутствіи , и Генераль Меландъ отъ имени Англійскаго Короля подарилъ ему мѣдную пушку.

Между тѣмъ Французское Правленіе было оскорблено въ лицѣ своего Агента , и всѣ истинные друзья Республики явно на то роптали. Чтобы прекратитъ ихъ неудовольствіе и опослать Эдувиля назадъ въ Европу , Туссень распустилъ слухъ , что сей Генераль есть врагъ Негровъ и хочетъ снова оковать ихъ цѣпями рабства ; а чтобы дать болѣе вѣроятности такому злословію , онъ уговорилъ Французскаго Коммиссара обнародовать уставъ земледѣлія , написанный по совѣту самого же Туссеня. Какъ скоро онъ вышелъ , друзья Африканскаго деспота , Моизъ , Кристофъ и другіе закричали , что это насиліе , прошивное свободѣ Негровъ и несогласное съ правами человека. Два Эдувилевы Адъютанта были зарѣзаны въ окрестностяхъ Капа — Негры хотѣли убить его самого — Туссень шелъ съ арміею и грозился истребить всѣхъ Бѣлыхъ въ Колоніи. Эдувиль , не имѣя способа усмирить мятежниковъ , видя

дурныя намѣренія ихъ начальника и въ при мѣсяца преперпѣвъ множество неудовольствій, рѣшился въ Нивозѣ седьмага мѣсяца возвратиться во Францію.

Кто не удивится предубѣжденіямъ Директоріи въ пользу Туссеня! Онъ немедленно отправилъ во Францію Полковника Венсана, усерднаго своего Агента, который осмѣлился описать Эдувиля гордымъ тираномъ, хотѣвшимъ уничтожить свободу Негровъ, и даже грабителемъ. Симвъ безстыднымъ доносомъ удалось ему привлечь вниманіе Правительства отъ испинной вины, и вооружить его противъ гражданина, который возвратился изъ С. Доминго съ чувствомъ добродѣтели своей и жестокихъ оскорбленій.

Между тѣмъ Санпонаксъ, а еще болѣе Генераль Эдувиль, оставили въ Колоніи многихъ друзей, которые во время ихъ правленія имѣли смѣлость проповѣдаться Туссеневу самовластію и намѣренію его выгнать Коммиссаровъ. Жестокій Негръ замѣтилъ ихъ и ждалъ случая отмстить симъ добродѣтельнымъ гражданамъ. Какъ скоро Эдувиль уѣхалъ, онъ взялъ многихъ изъ нихъ подъ стражу, заключилъ въ темницу, и нѣкоторыхъ распрѣлялъ какъ измѣнниковъ: на примѣръ Бригаднаго Начальника Баршелеми,

Генерала Мишеля, Бижу, Молина, Колло. Другіе были ушоплены ночью, изъ которыхъ всего болѣе сожалѣюшъ о храбрѣмъ Полковникѣ Левелъе, усердномъ Папирюшѣ и Республиканцѣ. Солдаты обожали его и жаловались на такое злодѣйство: Туссень распустилъ за то весь полкъ. Число жертвъ еще бы умножилось, если бы нѣкоторые заблаговременно не спаслись бѣгствомъ, оставивъ дома свои и все имѣніе.

Туссень пересталъ уже шайшъ свои намѣренія, и наказывая смертію друзей Франціи, искалъ союза враговъ ея. Въ Англійскихъ вѣдомостяхъ напечатана была слѣдующая сшапья, копорая служилъ яснымъ того доказательствомъ: „Генераль „Меландъ, прибывшій изъ Ямайки, за- „ключилъ съ Туссенею условія, весьма „выгодныя для нашей портовли съ Сен- „Домингской Колоніей.“ И сей лицемѣръ, входя въ дружесивенные переговоры съ Англією, все еще увѣрялъ Французское Правительство въ своей республиканской вѣрности!

Послѣ Эдувиля былъ Коммиссаромъ въ С. Доминго Гражданинъ Румъ. Сей новой Агентиъ, копорый не могъ ожидать для себя ничего благопріятнаго, нѣсколько мѣсяцевъ жилъ спокойно въ Капѣ, и Тус-

енъ всячески старался поддерживать его власть, будучи тогда занятъ войною съ Мулапскимъ Генераломъ Риго, войною кровопролитною и бѣдственною для Колоніи. Побѣжденный Риго спасся бѣгствомъ, и съ семействомъ своимъ уѣхалъ во Францію; но друзья его, которые положились на Туссенево слово, были разспрѣлены, вмѣстѣ съ большою частію всѣхъ Мулаповъ на островъ, и даже со многими Неграми, преданными Франціи.

Не имѣя уже никакихъ другихъ совѣтниковъ въ Колоніи, Туссень обратилъ свое вниманіе на Коммиссара Рума. Вдругъ сдѣлался бунтъ въ Капъ: Агента Французской Республики берущъ подъ стражу и ведущъ какъ плѣнника въ Бредскій лагерь. Исполнитель сего насилія былъ Генераль Моизъ, Туссенева племянникъ и погдашній вѣрный другъ.

Румъ восемь дней сидѣлъ подъ стражею и перпѣлъ всякія оскорбленія отъ Негровъ. Туссень былъ самъ въ лагерь, и слѣдственно все дѣлалось по его волѣ. Ему хотѣлось испугать Французскаго Коммиссара и сдѣлать его своимъ орудіемъ. Въ девятый день пришелъ къ Руму Генераль Моизъ и требовалъ, чтобы онъ далъ Туссеню письменное повелѣніе занять войскомъ Гишпанскую часть Сен-

Доминга. Румъ не хотѣлъ на то согласиться, не смотря на угрозы Моиза разспрѣлять его вмѣстѣ съ женою и съ дѣтьми. Это рѣшительное сопротивленіе раздражило Туссеня. Онъ велѣлъ дѣлать приготовленія къ его казни. Румъ все еще не колебался; но услышавъ наконецъ отъ злобныхъ Негровъ, что они умершвятъ всѣхъ Бѣлыхъ въ Колоніи, елики онъ не исполнитъ требованій ихъ начальника, сей несчастный Коммиссаръ пришелъ въ ужасъ и далъ слово повиноваться.

Окруженный яростными варварами, Румъ дрожащею рукою написалъ къ Дону Гарсіа, чтобы онъ дозволилъ Туссеню вступить съ войскомъ въ Гишпанскія селенія, отданныя по мирному прахпашу Франціи. Донъ Гарсіа не хотѣлъ сперва и слышать о томъ; но узнавъ, что Туссенъ готовится къ нападенію, пребывалъ сроку на три мѣсяца, желая уведомить Гишпанскаго Короля о семъ дѣлѣ. Африканскій Генералъ согласился подождать; но между тѣмъ, какъ Донъ Гарсіа, въ надеждѣ на его слово, ожидалъ спокойно отвѣта изъ Мадрита, бранъ Туссеневъ вступилъ въ Гишпанскія владѣнія съ 10000 войска. Изумлен-

ные Гишпанцы не могли долго проши-
вишься ; оставили Сен - Доминго и спа-
слись на корабляхъ въ Кубу и въ Порто-
Рико. Туссень , завладѣвъ всѣмъ оспро-
вомъ , взялъ опять подъ спражу Фран-
цузскаго Коммиссара , и скованнаго оп-
правиль въ Дондонъ , маленькое мѣстечко
внутри Колоніи , гдѣ Румъ спрадалъ въ
неволѣ семь мѣсяцевъ , и наконецъ ушелъ
въ сѣверную Америку , чшобы опшуда
возвращишься во Францію.

Съ сего времени Туссень сдѣлался
неограниченнымъ власпелиномъ Колоніи
и пиранспвовалъ ужаснымъ образомъ. Кро-
мѣ шести сотъ Бѣлыхъ , убитыхъ въ сѣ-
верной части оспрова , онъ разстрѣлялъ
даже собственнаго племянника своего , Гене-
рала Моиза , за то единственно , что
Негры любили его , и чшо онъ боялся
Моизовой власти надъ ними. Ему оста-
валось только объявить себя поржеспвен-
но главою оспрова — что онъ и сдѣлалъ
13 Мессидора , въ девятое лѣпо Республи-
ки , издавъ особенную Конспитуцію для
Сен - Доминго , ушверждавшую независи-
мость сей Колоніи отъ Франціи и сочи-
ненную подлыми его рабами. Напрасно
Бонапарте хопѣлъ усовѣспнить сего варва-
ра , и нѣсколько разъ писалъ къ нему

дружелюбно, чшобы онъ призналъ власть Республики: Туссень думалъ, что сей языкъ крепости означаетъ слабость, и не хотѣлъ отвѣчать. Даже при самомъ отправленіи флота и многочисленной арміи Консулъ обѣщалъ Туссеню благоволеніе Республики, естли онъ не будетъ мятежникомъ, и возвратилъ ему дѣшей, воспитанныхъ во Франціи. Ничто не могло пронуть сего жестокаго человѣка; привыкшаго къ самовластію и пиранству. Надлежало сразиться съ нимъ какъ съ непріадедемъ. Онъ побѣжденъ; но Сен-Домингская Колонія, нѣкогда цвѣтущая, представляетъ теперь горестную картину опустошенія — вотъ дѣло свирѣпаго Туссеня!

(Съ Француз.)

III.

Извѣстія и Замѣчанія.

Парижъ.

Между тѣмъ, какъ въ Европѣ мечтаютъ о скоромъ уничтоженіи Општоманской Имперіи, Республика заключаетъ съ Коншаншинопольемъ дружескія условія по торговлѣ: Французы хотѣли свободнаго кораблеплаванія на Черномъ морѣ, и Султанъ далъ имъ сіе право. Условіе подписано въ Парижѣ 25 Іюня. Французское Правленіе безъ сомнѣнія имѣетъ въ виду торговлю съ Россією, выгодную для обѣихъ Державъ. Одесса и Херсонъ скоро увидятъ въ гаваняхъ своихъ флаги Испаліи и Франціи. Сей край, гдѣ все напоминаетъ творческую мудрость **ЕКАТЕРИНЫ**, воскреснетъ и снова расцвѣтетъ при **АЛЕКСАНДРѢ**.

Франція, Россія и Пруссія согласно рѣшили судьбу Германіи; но Австрія, какъ говорятъ, не довольна симъ *планомъ удовлетвореній* и пребудетъ нѣкоторыхъ перемѣнъ. Оранскій Домъ получаетъ Фульду, Аббатства Корвейское, Вейнгартенское, и города Имперскіе, Дортмундъ въ Вестфаліи, Исни и Бухгорнъ въ Швабіи. Сверхъ того Франція и Пруссія заклю-

чили между собою особенный дружественный пракипашь. Король призналъ наконецъ Башавскую Республику. Теперь мудроно вообразить себѣ ясно политическую систему Европы и какое нибудь равновѣсіе. Пусть Консулъ войдетъ еще въ особенную дружескую связь съ двумя или тремя Европейскими Державами, и тогда система добродушнаго Аббапа Сен - Пьера приближися къ своему исполненію.

Въ Монитёрѣ напечатанъ органическій уставъ *Погетнаго Легіона*, который, не смотря на умную, орапорскую рѣчь Луцѣана Бонапарте, кажется странною выдумкою. Его не лзя назвашь дворянствомъ: ибо онъ не даетъ никакихъ гражданскихъ преимуществъ; не лзя назвашь рыцарскимъ Орденомъ: ибо всякой Орденъ имѣлъ какую нибудь цѣль, а Легіонъ никакой не имѣетъ; особенная клятва Членовъ бытъ защипниками Правленія должна бытъ клятвою всѣхъ Французовъ. Онъ будешь наградою храбрости и добродѣтели, говорятъ Консулы: въ чемъ же состоишь сія награда? въ имени и въ жалованьи; но люди никогда не повѣрявъ имени, еспьли они не знаютъ челоуѣкъ; оно будешь всегда пустымъ титуломъ, когда не соединено съ особенными граж-

данскими выгодами. Что касается до жалованья, то не могло ли Правительствѣ давати пенсій по извѣстнымъ заслугамъ, безъ всякаго рыцарскаго обезьянства въ такой землѣ, гдѣ сїи учрежденія прошивны кореннымъ политическимъ законамъ? Какая нужда дѣлать всю Францію на Когоршы, назначать удѣлы, заводить большіе и малые Совѣты, то есть особенныя правленія въ общемъ, и единственно для того, чтобы нѣкоторымъ людямъ дать жалованье? Политическая мудрость соразмѣряетъ во всякомъ отношеніи средства съ дѣйствіями: Почетный Легионъ представляетъ удивительную сложность въ средствахъ для произведенія весьма обыкновеннаго дѣйствія. Помощество не на мраморныхъ доскахъ Легиона будетъ искаать славныхъ именъ, а въ Исторіи. Еслили Бонапарте и на золотой доскѣ велишь написать имя Генерала Мену, Европа не будетъ уважать его. — А такъ называемыя *Легионныя гостиницы* въ самомъ дѣлѣ ничто иное, какъ трактиры; должно вычитать изъ жалованья Членовъ нужную сумму для ихъ содержанія въ сихъ домахъ. Мы еще не упомянули объ одной выгодѣ легионныхъ воиновъ: въ чрезвычайныхъ заведеніяхъ Совѣта будутъ говорить похвальное слово всякому,

кто умретъ изъ нихъ; это обѣщаетъ по крайней мѣрѣ успѣхи краснорѣчію.

(Изъ Анг. Вѣд.)

Въ Парижскомъ Журналѣ, называемомъ *Bulletin de Paris*, напечатана статья о *похищителяхъ*, которая обратила на себя общее вниманіе. Авторъ говоритъ, что похищителями должно именовать однихъ бунтовщиковъ, ужасными и незаконными средствами восходящихъ на престолъ (какъ - то не рѣдко случалось въ Азіатскихъ государствахъ), а не тѣхъ Героевъ, которые присвоиваютъ себѣ власть только для блага согражданъ, вводятъ порядокъ тамъ, гдѣ была анархія, и дѣлаются опцами народовъ. Онъ жалуется на *вѣтреность Исторіи*, называющей сихъ Героевъ оскорбительнымъ именемъ похищителей, и ставитъ въ примѣръ Деюцеса, который избавилъ народъ отъ опасныхъ мечтаній свободы, съ щастливою дерзостію объявилъ себя лезвьемъ Царемъ Медскимъ, завелъ блестящій Дворъ и новымъ подданнымъ своимъ являлся только въ сіяніи вѣнца Царскаго. „Можно ли (продолжаетъ Авторъ) называть похищителемъ мудраго Сиракузскаго Царя Герона? Если бы онъ сспался простымъ гражданиномъ, то Сиракузы,

„изнуренныя анархіею, не сдѣлались бы „щаспливѣйшею спраною міра въ его „придѣлѣннѣе правленіе.“ Издаватель сего Журнала есть, какъ извѣстно, важной человѣкъ въ Республѣ; онъ не даромъ помѣспилъ такую спатью — и Лондонскіе Журналисты называютъ ее *манифестомъ*, увѣряя, что Бонапарте хочетъ объявить себя Гальскимъ Императоромъ, надѣтъ корону на голову, сдѣлатъ ее наследственной и быть начальникомъ новой династїи. Все возможно; однакожь мы еще не хотимъ вѣрить тому до времени. Видимъ только, что Бонапарте будетъ скорѣе Герономъ, нежели Тимолеономъ. Впрочемъ друзья или льстецы его (ихъ, сказываютъ, мудрено различать при Дворахъ) напрасно доказываютъ, что Бонапарте не есть похищитель, и заранѣе бранятъ Испорїю: нѣтъ, она не назоветъ его симъ именемъ, а скажетъ, что онъ людей считалъ людьми, и даже самъ не хотѣлъ быть выше человѣка. Не Бонапарте свергнулъ Бурбоновъ съ прона; не Бонапарте сдѣлалъ Революцію: онъ только воспользовался ею для славы своей. —

Отецъ Консула умеръ въ Монпелье 24 Февраля 1785 году. Тамошній городской Совѣтъ опредѣлилъ соорудить ему монументъ, копораго мысль очень хороша.

Городъ Монпелье , предсшавленный въ видѣ женщины , лѣвою рукою снимаетъ крышку съ гроба , а правою указываетъ на *льедсталь* (на которомъ безъ сомнѣнiя должно поставить - со временемъ спашую Консула) ; внизу надпись : *Встань изъ гроба ; твой сынъ Наполеонъ даетъ тебѣ безсмертiе.* Надобно отдать справедливостъ Французамъ : они остроумны. —

Туссенъ Лувершюръ явился во Францiи. Генеральъ Леклеръ прислалъ его , и пишетъ , что онъ не хотѣлъ жить покойно , имѣвъ намѣренiе снова взбунтоваться. Любопышно знать , что сдѣлаетъ Бонапарте съ симъ чуднымъ Негромъ. Во Францiи онъ по крайней мѣрѣ не опасенъ. — Между тѣмъ Французская армiя въ Сен-Доминго уменьшается ; болѣзни свирѣпствуютъ , и большая часть людей умираетъ. Сахаръ и кофе будутъ дорого стоить Республикѣ.

14 Юля не ознаменовалось никакимъ опмѣннымъ происшествiемъ. Блестящiй парадъ , многочисленное собранiе въ Тюльери , концерны , освѣщенiе города и наконецъ свадьба были единственнѣмъ торжествомъ сего , какъ Французы говорятъ , великаго дня. Консуль явился на парадѣ

въ простомъ Драгунскомъ мундирѣ, среди Генераловъ, *облитыхъ* золотомъ и серебромъ. Мамелюки по-своему маневрировали вмѣстѣ съ Французскими войсками. Бонапарте еще не объявленъ Консуломъ на всю жизнь. Онъ съ удовольствіемъ принялъ въ даръ отъ города Парижа спашную лошадь Французской породы и сказалъ, что сядетъ на нее тогда, какъ ему надобно будетъ снова обнажить мечъ для защиты Республики. Лондонскіе Журналисты по обыкновенной своей Логикѣ заключатъ изъ сихъ словъ, что Бонапарте думаетъ воевать!

Новѣйшія донесенія Генерала Ришпанса изъ Гваделупы показываютъ, что и тамъ Негры хотѣли независимости. Они сражались съ Французами храбро и даже отчаянно. 400 Негровъ въ одной маленькой крѣпости, будучи окружены Французами, зажгли пороховой магазинъ свой и взлетѣли на воздухъ. Мулатъ Пелажъ, бывший начальникъ Негровъ, не только оставилъ ихъ, но еще и сражался съ ними, такъ храбро, съ такимъ геройствомъ, которому самъ Ришпансъ удивляется. Онъ сыгралъ роль свою удачнѣе Туссеня, и заслужилъ теперь благодарность Французскаго Правленія. — — Извѣстіе о заключеніи *особеннаго* друже-

свеннаго союза Французской Республики съ Пруссіею оказалось несправедливымъ; но Король, весьма довольный утвержденнымъ планомъ замѣнъ въ Германіи и своею частію, прислалъ Талерану и Бернонвиллю, которые трактовали о семъ предметѣ съ его Министромъ въ Парижѣ, богатые подарки. Уже Прусскія войска занимають Гильдесгеймъ, Падерборнъ, Нордгаузенъ и Мильгаузенъ (Имперскіе города). Курфирштъ Баварской получаетъ Епископство Аугсбургское, Сент-Ульрихъ, Фрейзингенъ, Кемпшенъ, Вирцбургъ, Бамбергъ, Ульмъ и еще семь другихъ Имперскихъ городовъ — то есть, 900000 жителей и пять милліоновъ гульденовъ ежегоднаго дохода. — Бонапарте назначилъ 60000 франковъ награжденія тому, кто въ разсужденіи электрической силы и Гальванизма сдѣлаетъ еще важныя открытія, подобно Франклину и Вольтѣ.

„Я желаю, говоритъ Консулъ въ письмѣ къ Институту, обратить на сей предметъ вниманіе Физиковъ: ибо онъ, по моему мнѣнію, весьма важенъ для пользы людей.“

Въ Англїи все еще занимаются выборами, копорые давно уже не были пакъ шумны, свободны и веселы, какъ нынѣ. Кандидаты не жалѣли денегъ. Одинъ изъ нихъ, Баронетъ Франсисъ Бордеиъ, нанималъ всякой день 600 каренъ для своихъ прїятелей! Обойщикъ Граамъ, сказавъ, что онъ въ завѣщанїи откажетъ сердце свое Вестминстерскимъ гражданамъ, еслили они его выберутъ, объявилъ послѣ, что ему хотѣлось только кандидатствомъ своимъ пострадать Фокса и Лорда Гарднера. — Нѣкто Торпонъ не выбранъ былъ въ Члены Парламента для того, что онъ соблазнилъ жену одного своего прїятеля. Торпонъ, не запираясь въ винѣ своей, говорилъ, что быть Членомъ Парламента не есть быть учителемъ Морали; однакожь ему не удалось собрать довольнаго числа голосовъ. Такія черпы нравовъ доспойны примѣчанїя. — Въ засѣданїи новаго Парламента увидимъ жаркїя прѣнїя о дѣлахъ Ост-Индской Компанїи, сего торговаго общества, имѣющаго въ своихъ повелѣнїяхъ обширныя царства и 50 милліоновъ жителей. Оно не рѣдко тиранспвуетъ въ Индїи, и недавно отняло владѣнїе у Набаба Карнапскаго, будпо бы за то, что опецъ его былъ въ тайной связи съ ея непрїятелями.

Парламентъ , увѣдомленный о семъ злоупотребленіи власши, долженъ изслѣдовать обстоятельство дѣла. — Въ Лондонскихъ и Парижскихъ вѣдомостяхъ напечатано слѣдующее разсужденіе о Франціи какого-то знаменитаго Англичанина (можетъ быть, Пиппа): „Вездѣ, гдѣ „Правленіе твердо и надежно въ разсужденіи будущаго, всякой въ своемъ состояніи имѣетъ у себя въ виду вѣрную цѣль; „напротивъ того переменна людей, слѣдственно и правилъ, весьма опасна. Будущее есть для всякаго мечъ Дамокловъ (*). Вотъ что всего болѣе привязываетъ Французовъ къ Бонапарте! „Великой человекъ не всегда можетъ „утвердить судьбу отечества. Огромная „машина, въ которой дѣйствуютъ различныя и противныя стихіи, подѣвліяніемъ одного Генія спремится къ „одной мѣтѣ. Но еслили этотъ Геній „исчезнетъ, то колеса вдругъ остановятся, стихіи раздѣлятся, и машина сдѣлается опять хаосомъ. Воображая, съ „какой вышины Франція можетъ низвергнуться въ одну минушу, я предпо-

(*) Діонисіевъ льстецъ, который всегда перевозилъ до небесъ блаженство сего ширана. Діонисій велѣлъ ему однажды обѣдать подъ мечемъ, висѣщимъ на лошадиномъ волосѣ, и спросилъ: можешь ли онъ ѣсть со вкусомъ?

„читаю самую малѣйшую и смиренную
„Державу этой огромной Республикѣ,
„которая теперь столь величественна и
„спокойна!“

Опять двѣ новыя Конспитудіи : Швейцарская и Лигурійская. Первая еще не напечатана въ *Монитёрѣ*, и для того помедлимъ говорить объ ней, хотя и кажется, что она утвердится, не смотря на многія частныя несогласія. Французскій Министръ въ Бернѣ, Верніакъ, подкрѣпляетъ ее всѣми силами; это хороший знакъ. Лигурійская или Генуэзская Конституція есть дѣло самого Бонапарте. Правленіе состоить изъ Сената, въ которомъ засѣдаетъ Дождь и 29 Членовъ — изъ трехъ избирательныхъ Коллегій : владѣльцевъ, ученыхъ и торговыхъ людей (подобно какъ въ Италіанской Республикѣ) — и Синдиката или Ценсуры, въ которой 7 Членовъ. Дождь избирается на 6 лѣтъ. Самъ Бонапарте, по желанію Лигурійцевъ, назначилъ всѣхъ главныхъ чиновниковъ, кромѣ Дожа, еще не избраннаго. — Такимъ образомъ полипитическій хаосъ раздѣляется; и дай Богъ, чтобы послѣ дней творенія настали дни общаго спокойствія!

Чишателямъ нашимъ извѣстенъ слухъ о раздѣлѣ Королевствъ Сицилійскаго и Неаполитанскаго, о которомъ наконецъ переспали говорить. Увѣряють, что Мадридскій Дворъ предлагалъ сей раздѣлъ въ Амьенѣ, но что Бонапарте на то не согласился. — Неаполитанскій Король, желая задобрить жителей Неаполя, торжественно объявилъ, что онъ забудетъ все прошедшее — и возвратился въ сію столицу при радостныхъ восклицаніяхъ народа и великолѣпномъ освѣщеніи города. Наконецъ Правительство спарается тамъ испребитъ всѣхъ бродягъ и шуеядцевъ какъ въ столицѣ, такъ и въ ея окрестностяхъ.

Тиролецъ, именемъ Джирардами, изобрѣлъ духовое ружье, которое надобно зарядить только одинъ разъ на 50 выстрѣловъ. Въ первые 20 выстрѣловъ пуля проходитъ сквозь толстую доску въ великомъ разстояніи. Аріостъ въ Поэмѣ своей говоритъ, что Сатана выдумалъ однажды на досугъ карабинъ; но вообразивъ, какъ бѣдственна можетъ быть эта выдумка для людей, бросилъ его въ море. Надобно же сдѣлать и съ симъ новымъ изобрѣтеніемъ, которое можно назвать адскимъ,

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

А В Г У С Т Ъ 1809.

№ 16.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Линдана и Вальмиръ.

Сочиненіе Госпожи Жанлисъ.

Была полночь. У Морфизы ужинало много гостей; въ карты играшь переспали. Всѣ женщины въ 40 и въ 50 лѣтъ искали своихъ муфтъ и велѣли подвозишь кареты. Скучные выходили одинъ за другимъ, зная хотя по свѣтское правило, что гдѣ не унимають, тамъ не надобно сидѣть долго послѣ ужина. Морфиза благодарила, обнимала, провожала, говорила всякой гость ласковое слово. Жеркуръ, во время сего волненія, сидѣлъ покойно у камина, подлѣ стола, на которомъ онъ два часа игралъ въ Вискъ — сидѣлъ шутъ для того, что не считалъ за нуж-

ное искать друга мѣста; не задумавшись, не съ намѣреніемъ, а единственно для покоя. Жеркуръ былъ одинъ изъ тѣхъ лѣнивыхъ людей, которыхъ сама Натура дѣлаетъ Философами: имъ хорошо вездѣ, гдѣ не дурно; они безъ всякихъ правилъ Морали любящъ миръ и тишину болѣе всего на свѣтѣ; не бываютъ коварными для того, что коварство требуетъ дѣятельности; не знаютъ сильныхъ страстей, и среди общаго волненія наслаждаются истиннымъ сокровищемъ мудрости: умѣренностію и покоемъ. Не лзя назвать ихъ жизни скучною; нѣтъ, они могутъ быть забавны и чувствительны по своему. *Не терпѣтъ* есть уже для нихъ щастіе; думать, не зная о чемъ, опдыхать и не заботиться, кажешся имъ живѣйшимъ удовольствіемъ. Они не хвалятся, не гордятся своею Философіею, и слѣдственно бываютъ скромнѣе обыкновенныхъ Философовъ.

Наконѣцъ Морфиза освободилась отъ хлопотъ, проводила всѣхъ важныхъ, *разсудительныхъ* людей, которые не сидятъ до свѣту, и сердечно обрадовалась, видя у себя только друзей своихъ: прекрасную Линдану, богатую, двадцатилѣтнюю вдову — Вальмира, страстно влюбленнаго въ Линдану, но съ малою надеждою —

и холоднаго Жеркура, который въ то время не имѣлъ никакой связи. Сѣли ближе къ камину. Одинъ Жеркуръ не пронулся съ мѣспа, сидя на покойныхъ креслахъ и рукою облокотившись на столъ: ему было и такъ очень хорошо! . . . Сперва поговорили о шѣхъ, которые уѣхали; но скоро Вальмиръ обратилъ разговоръ на чувствительность. Имѣя опъ природы пылкую душу, онъ изъяснялся съ великимъ жаромъ и со всею неумѣренностію молодаго челоуѣка, который говоритъ о любви при своей любовницѣ. Морфица восхищалась, Линдана слушала съ умиленіемъ, Жеркуръ отъ времени до времени улыбался. Вальмиръ, желая еще убѣдительное доказать власнъ любви, рассказывалъ многіе случаи: на примѣръ, какъ одинъ любовникъ, въ угонденіе любовницѣ, былъ шесть лѣтъ нѣмымъ; какъ другой десять лѣтъ выжилъ пуспынникомъ, возвратился съ длинною бородою и съ пламеннымъ сердцемъ; какъ третій, исполняя волю богини своей, долженъ былъ завоевать тронъ и сдѣлался Александромъ отъ любви. Всѣ такія испоріи прекрасны, сказалъ Жеркуръ: но давно ли это случилось? Сей вопросъ замѣшалъ романическаго Вальмира, и гордость Линданы оскорбилась насмѣшкою

холоднаго Жеркура. „Конечно, отвѣчала она съ притворною улыбкою: Жеркуръ правъ. Время любовныхъ чудесъ прошло; мы теперь ничто иное, какъ Царицы, сверженныя съ трона; слава наша соспоришь въ однихъ преданіяхъ древности, въ однихъ воспоминаніяхъ; власть поперяна — и навѣки!“ Нѣтъ, вы все царствуете, сказалъ Жеркуръ: но только образъ правленія спалъ другой. . . . Тотъ же, тотъ же! перервалъ съ жаромъ Вальмиръ: онъ былъ и есть деспотической. Женщина, которую люблю, можешь велѣшь мнѣ все — и непременно сдѣлаю. — „Вы это думаете, и довольно!“ отвѣчалъ Жеркуръ. Увѣренъ, сказалъ Вальмиръ. . . . „Какъ! не уже ли согласитесь на самое необыкновенное доказательство любви?“ спросила у него Линдана: „не уже ли все исполните, чего бы она ни потребовала?“ — Желая только знать волю ея. — „Если бы она вамъ сказала: оставьте Францію; путешествуя три года; во все это время не пишите ко мнѣ ни слова; наконецъ возвратитесь, и я ваша!“ . . . Ради Бога скажите, шутите вы или нѣтъ? спросилъ Вальмиръ. — Нѣтъ, отвѣчала Линдана съ живою и съ тайнымъ удовольствіемъ самолюбія: нѣтъ, я говорю, что думаю. — „Вы со-

гласишесь тогда бытъ моею?" — Клянусь, но единственно съ такимъ условіемъ. Чтобы пожертвовать мою свободу, мнѣ надобны не слова, а доказательства истинной и въ самомъ дѣлѣ чрезвычайной привязанности. — „Простите; я ѣду.“ — Тутъ Линдана, сердечно пронутивъ, подала руку Вальмиру, котораго, спавъ на колѣни, взявъ ее, поцѣловалъ, всталъ и хотѣлъ итти. . . . Поспѣйте, сказалъ Жеркуръ съ холодноспію, вынувъ карандашъ: запишемъ число, чтобы вы могли возвратиться точно въ назначенный срокъ. . . . Во время сего страннаго явленія Морфиза съ удивленіемъ смотрѣла на двухъ любовниковъ, и слушала ихъ съ такимъ любопытствомъ, которое не дозволяло ей говорить. Жеркуръ написалъ на картѣ и прочиталъ вслухъ: *28 Января 1782 года, въ два часа утра.* И такъ, любезной Вальмиръ (сказалъ онъ), мы увидимся съ вами не прежде 1785!.. Такъ, отвѣчалъ Вальмиръ: но прошу не жалѣть обо мнѣ. Увѣреніе, съ которымъ ѣду, сдѣлаешь для меня и самую разлуку любезною. . . Тутъ Вальмиръ вспомнилъ о хозяйкѣ, и подошелъ къ Морфизѣ, которая обняла его съ нѣкоторымъ восторгомъ. Линдана плѣнялась славою имѣннъ любовника, напомина-

ющаго своею привязанностию времена рыцарей. Вальмиръ гордился величіемъ роли своей ; надѣялся сдѣлать себя бессмертнымъ , и думалъ , что примѣръ его будетъ новою эпохою въ лѣтописяхъ любви. Питаясь такими лестными мыслями , онъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ распался на три года съ любовницею и съ друзьями , и побѣжалъ изъ комнаты , сказавъ , что прежде разсвѣта будетъ уже на пупи въ Англію. Когда онъ ушелъ , Линдана вынула плашокъ и закрыла имъ себѣ глаза на нѣсколько минутъ. Морфиза осыпала ее жестокими укоризнами и хопѣла , чтобы она ворошила спраснаго и великодушнаго Вальмира. Линдана объявила торжественно , что ни для чего въ свѣтѣ не переимѣнитъ слова ; и будучи умна , говоря пріятно , съ такимъ искусствомъ оправдывала свое пиранство въ разсужденіи бѣднаго Вальмира , такъ хорошо разсуждала объ истинной любви , о достоинствѣ женщинъ , о своихъ чувствахъ , что Морфиза (которая не могла спорить съ нею , и даже понимаетъ ее) наконецъ согласилась и сердечно удивлялась ей. Линдана взглядывала между тѣмъ на безмолвнаго Жеркура , чтобы видѣть , какое дѣйствіе производитъ въ немъ ея краснорѣчіе ; но къ досадѣ своей увидѣла , что онъ засыпаетъ.

Ударило пять часовъ, и Линдана встала. Морфиза обрадовалась, потому что она уже минулъ сорокъ съ великимъ трудомъ удерживала зѣвоту, которая душила ее. Что касается до Жеркура, то онъ съ сожалѣніемъ распался съ покойными своими креслами. Какъ, вы уже ѣдете! сказалъ онъ съ холоднымъ и безпечнымъ видомъ Линданъ, подавая ей руку. Морфиза засмѣялась. Линдана шупила надъ нимъ съ нѣкоторою досадою. Жеркуръ отвѣчалъ съ пріятностію — и такимъ образомъ распались.

Жеркуръ былъ самымъ моднымъ человекомъ въ свѣтѣ, и тѣмъ болѣе нравился, что имѣлъ въ себѣ много отъѣннаго; не искалъ въ женщинахъ, и не льстилъ имъ; дѣятельная роля щасливаго Адониса не соглашалась съ его характеромъ, и лѣность дѣлала его постояннымъ. Вступивъ въ свѣтъ, онъ привязался къ одной женщинѣ, не за умъ и красоту ея, а для того, что видался съ нею чаще, нежели съ другими. Связь ихъ продолжалась десять лѣтъ, и разорвалась только смертію. Женщины, которыя хотѣли быть предметомъ обожанія, рѣдко находятъ такое постоянство въ страстныхъ любовникахъ. Жеркуръ мало пужилъ о своей любовницѣ, но въ два года не подумалъ еще искать

другой. Хотя онъ же былъ способенъ къ сильнымъ чувствамъ, однакожь любезная женщина могла пронуть его, по крайней мѣрѣ на нѣсколько времени, и тогда обыкновенная холодность его давала мѣмъ болѣе цѣны и любезности сему неожиданному чувству, выражаемому просто, мало и безъ всякихъ романическихъ излишностей. Живость ума его равнялась съ неподвижностію его характера: это странное соединеніе дѣлало Жеркура еще забавнѣе и пріятнѣе въ обхожденіи. Случай и нѣкоторыя обстоятельство познакомили его съ Морфизою; онъ любилъ ея общество, хотя всѣ мѣ, которые составляли его, были несогласны съ нимъ въ сужденіи характера. Морфиза при ограниченномъ умѣ всему удивлялась, всегда обожала и любила до крайности; это ослѣпленіе есть страсть людей слабоумныхъ, и предохраняетъ ихъ отъ скуки въ жизни. Вальмиръ соединялъ въ себѣ многія пріятности съ сильнымъ восбраженіемъ и самую пылкою чувствительностію. Линдана не уступала ему въ живости романическихъ идей. Овдовѣвъ въ самой цвѣтущей молодости, съ рѣдкою красою, съ богатствомъ и съ непорочнымъ именемъ, она была предметомъ общаго вниманія. Женщины подобны завоевателямъ:

великіе успѣхи возвышаютъ ихъ гордость. Линдана хопѣла бытъ любимою до чрезмѣрности и имѣть славиться. Всегдашняя лесть испорчила ея опѣ природы нѣжное сердце, и неумѣренныя похвалы сдѣлали неумѣренными ея требованія. Обыкновенныя женщины вѣрятъ только опчасни, когда ихъ хвалятъ; но славныя умоу или красоу бываютъ хопя гораздо равнодушиѣ къ похвалѣ, но удивительны своимъ легковѣремъ; онѣ слушаютъ ее холодно, однакожь ни мало не сомнѣваются въ ея искренности; не пѣняются леспію, а между тѣмъ къ стыду своему не чувствуютъ ее. Гордость у самыхъ уминыхъ людей опнимаетъ тонкое чувство и пронцапельность. Скромность не обманывается, попому чпо она и въ своемъ дѣлѣ безпристрастна. Вальмиръ болѣе другихъ занималъ Линдану; рыцарскія идеи его опвѣпствовали ея понятію о совершенномъ любовникѣ. Она не была влюблена въ него, но часто объ немъ думала и гордилась его спрастію. Вальмиръ дозволялъ себѣ надѣяться: другой съ меньшею основательностію бываетъ даже увѣренъ въ своемъ щастіи. Сама Линдана виѣспѣ съ нимъ обманывалась. Прѣхавъ опѣ Морризы домой въ шестомъ часу упра, она была такъ распрогана, въ шакомъ волненіи, чпо

не могла лечь на постелю, выслала дѣвку свою, забылась и просидѣла на креслахъ до восхожденія солнца, предспавляя себѣ Вальмира влюбленнымъ Героемъ и радуясь всего болѣе мыслю, что такая жертва удивитъ свѣтъ! Какая слава! какое торжество быть любимой споль безмѣрно, и еще въ осьмомъ - надешать вѣкъ!... Она въ то же время воображала и холоднаго Жеркура... мудро ли? онъ досадила ей. „Нечувствительной Жеркуръ (мыслила Линдана) не повѣритъ никогда, чтобы любовникъ могъ жертвовать всѣмъ предмету страсти своей. Съ какимъ равнодушіемъ онъ слушалъ Вальмира! даже ни мало не удивился! и конечно не думаетъ, чтобы Вальмиръ въ-самомъ дѣлѣ уѣхалъ!... Холодное сердце не понимаетъ такой любви.... Жаль! потому что Жеркуръ уменъ, пріятенъ и даже любезенъ.... Но я должна думать о Вальмирѣ, должна имъ однимъ заниматься“.... Эта послѣдняя мысль заставила вздохнуть Линдану.

Въ девять часовъ она послала человека къ Вальмиру. Ей сказали въ отвѣтъ, что онъ въ семь уѣхалъ въ Англію. Бѣдной Вальмиръ! думала Линдана: что скажетъ теперь Жеркуръ?.. Мнѣ хочется увидѣться съ нимъ, чтобы радоваться его удивленію.

Въ 12 часовъ она сѣла въ карету, поѣхала къ Морфизѣ и нашла ее въ восхищеніи отъ Вальмирова письма — слѣдующаго содержанія :

„Черезъ нѣсколько минутъ я побѣду, исполнивъ пріятную для меня должность — должность увѣрить васъ, милосивая государыня, въ моей благодарной, почтительной и нѣжной привязанности. Я начну свое путешествіе съ Англій, и пробуду тамъ 6 или 7 мѣсяцевъ; оттуда побѣду въ Италію, въ Сицилію, въ Грецію, а наконецъ въ Гишпанію. Еще повѣрю вамъ : не жалѣйте обо мнѣ! Она сказала : *я терзѣ три года ваша!*.. Боже мой! Линдана будетъ моя!.. Ахъ! вы знаете, что я за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ не хотѣлъ вѣрить успѣшеніямъ великодушной дружбы вашей! не имѣлъ надежды! Судите, что долженъ теперь чувствовать! Чего стоить такое счастье?.. Она запретила мнѣ писать къ ней и говорить о моей любви во все время разлуки; исполню ея повелѣніе, и впредь не буду въ письмахъ своихъ упоминашь о Линданѣ. Но мнѣ конечно дозволено приписать ей журналъ моего путешествія, который черезъ три года повергну къ ногамъ ея. Она увидитъ,

„что мое сердце ею одною занималось во
 „время ссылки моей! Всякой день буду
 „говорить съ Линданою: сколько томовъ
 „могу написать! Ей нѣкогда вручу ихъ...
 „Долговременная разлука безъ сомнѣнiя
 „горестна; но въ эту минуту чувствую
 „одно блаженство, думаю единственно о
 „томъ, что она дала мнѣ слово *быть*
 „*моею*. Эта восхищительная мысль не есть
 „ли награда за всѣ жертвы и горести?...
 „Простите, милосивая государыня!
 „Коляска моя готова. Спѣшу ѣхать, по
 „есть повиноваться ей. Мнѣ кажется, что,
 „удаляясь отъ Парижа, я буду прибли-
 „жаться къ цѣли моего благополучiя. Вы
 „увидите 28 Января 1785 году щаспли-
 „вѣйшаго изъ смертныхъ и самаго искрен-
 „нѣйшаго изъ друзей вашихъ.“

Бѣдной Вальмиръ! сказала Линдана:
 любезной молодой человѣкъ! Это письмо
 очень мило. Сдѣлайте одолженiе, любезной
 другъ, покажите его Жеркуру. — Онъ не
 достоинъ того, отвѣчала Морфиза съ
 важнымъ видомъ: однакожь прочту ему,
 чтобы устыдить его. Ахъ, милой другъ!
 какъ должны прогнать васъ нѣжныя Валь-
 мировы чувства! — „Они прогнаютъ меня
 несказанно.“ — Какъ украсится ими жур-
 наль его! Это будетъ истинное *чувство*

тельное лутешествіе. — „И безъ соинѣнїя не хуже Йорикова.“ — Онъ болѣе другихъ имѣетъ право говорить о любви; спрась его не мнимая, любовница не вымышленная, какъ у модныхъ пушешественниковъ. — „Я заспаваю его напечатать свой журналъ.“ — Онъ будетъ милою, единственною книгою. Однакожъ знаете ли, любезная Линдана, что онъ уѣхалъ не бывъ въ Версалїи, не выдавъ Министровъ и не взявъ отпуска? — „Это прекрасно.“ — Онъ думалъ только о васъ. Фортуна, честолубіе, самая пристойность имъ забышы. — „Вотъ вѣрное доказательство истинной страсти! Что скажете объ этомъ Жеркуръ?“ — И всѣ нынѣшніе молодые люди, вѣтреные и холодные? — „Такъ надобно быть любимою. Женщина, довольная слабымъ чувствомъ, теряетъ свое достоинство.“ — Ахъ! какъ выдаютъ насъ за - мужъ! На примѣръ, мнѣ выбрали супруга любезнаго и благоразумнаго, которой ни въ чемъ не отнимаешь у меня воли и ведетъ себя прекрасно; для всѣхъ обыкновенныхъ людей я щастлива; но... съ моею чувствительностію, съ моимъ сердцемъ такого щастія мало; мнѣ хотѣлось бы любить съ *изступленіемъ*; хотѣлось бы *эирнаго слѣянїя сердецъ*, возможнаго только за предѣ-

лами обыкновенной свѣтской любви (*)... Спанемъ говоришь о Вальмиръ. Надобно, чшобы вы, милая Линдана, шеперь же поѣхали въ Версалю и выпросили ему у Министра ошпускъ, черезъ Герцогиню Д**. — „Поѣду сію минушу, и возвращусь къ вамъ ужинашь.“

Морфиза ошановила Линдану, уговаривая ее написать нѣсколько шрокъ къ Вальмиру — „въ первый и въ послѣдній разъ,“ сказала она: „онъ стоишь того, чшобы вы письменно подшвердили ваше обязашельство.“ Линдана согласилась; написала, и торжественно повпюрила свое обѣщаніе, но запретила ему ошвѣчашь. Она поѣхала въ Версалю, увидѣлась съ друзьями своими и за шайну. рассказала имъ, чшо сдѣлалъ для нее Вальмиръ. Друзья удивлялись, хвалили его съ жаромъ, расшрогались, и выпросили для Вальмира дозволеніе пупешествовать. Съ сего дня онъ сдѣлался Герсемъ *чувствительныхъ женщинъ*, копорья иногда составляли уже нѣкотораго роду секшу; говорили много о дружбѣ, о любви и *достойнствѣ* женскаго полу; имѣли особен-

(*) Это выраженіе взяно изъ одного нозаго романа, говоришь Авшоръ.

ной, *страстной языкѣ*; оставляли другимъ, обыкновеннымъ женщинамъ крошкя, умеренныя склонности, пріятность невинности и робости, превосходя самыхъ мужчинъ въ *твердости, силѣ характера и Философіи*. Линдана не могла еще равняться съ ними, однакожь имѣла щасливое къ тому расположеніе, которое подавало надежду, что она съ помощію нѣкоторыхъ книгъ и примѣровъ не отстанетъ отъ другихъ Героинь въ семъ родѣ. Въ девять часовъ вечера Линдана съ торжественнымъ возвратилась изъ Версаліи. Морфиза любила всегда театральныя явленія, и, какъ скоро отворились двери, бросилась на встрѣчу къ Линданѣ, пробѣжала мимо всѣхъ госпій своихъ, схватила ее за руку, отпела къ окну, и задыхавшись спрашивала: *что? что?*.. Линдана тихонько отвѣчала на всѣ ея вопросы, и разговоръ ихъ продолжался до самаго того времени, какъ поставили кушанье. Не смотря на всю занимательность сего таинственнаго разговора, Линдана примѣтила, что Жеркуръ въ комнатѣ, и что онъ смотритъ на нее. Женщины умѣютъ глядѣть въ сторону, не поворачивая головы. Природа справедливо наградила симъ особеннымъ дарованіемъ тѣхъ, которыхъ не должны никогда смо-

прѣшь пристально, и копорья часто обзаны пошупляшь глаза въ землю.

Пошли въ споловую. Жеркуръ предложилъ руку Линданѣ, копорая удивилась, какъ будно бы не видавъ его прежде. Сія маленькая хитрость естъ не притворство, а неумышленное движеніе въ женщинахъ, хотящихъ закрышь тѣмъ невольную склонность, иногда отъ самихъ себя, по скромности или гордости. Онѣ показывають, будно не примѣтили человека, копорато искали глазами входя въ комнату, и копорато безъ сомнѣнія прежде всѣхъ увидѣли.

Сѣли за столъ — Жеркуръ подлѣ Линданы. Было много людей, и когда разговоръ сдѣлался общимъ, Линдана начала пихонько говорить съ Жеркуромъ о письмѣ Вальмировомъ. Онѣ уже читалѣ его. Чпожь вы скажете? спросила она: видите ли, чпо сильныя спраспи бывають, и даже въ *наше время*? — И вижу и нѣшѣ, отвѣчалѣ Жеркуръ. — „Можно ли?“ — Есльди, на примѣръ, Вальмирѣ любитѣ путешествованіе, а вы, наскучивѣ его исканіемъ, обрадовались этому случаю освободиться отъ него: то все геройство исчезаетѣ. — „Вы чуднымъ образомъ изьясняете вещи.“ — Всего чуднѣе было бы для меня то, чпобы вы въ самомъ дѣлѣ

любили Вальмира. — „Чуднѣе? какая спранныя мысль! Я была бы очень не благодарна, естли бы не любила его.“ — Любовь не раждаешя никогда опѣ должносипи. Не достоинство, а взорѣ вселяетѣ ее: вопѣ шайна и прелестѣ любви! — „Вы сами сочинили это правило; однакожь могу вамѣ сказашѣ искренно, чипо сердце мое привязано къ Вальмиру.“ — А я съ своей спороны увѣренѣ, чипо вы не имѣете къ нему любви. — „Это прекрасно! какѣ, я не люблю Вальмира?“ — Ни мало. — „Не по иному ли, чипо разсталась съ нимѣ на три года?“ — Признаюсъ, чипо это обстоятельство совсѣмѣ не кажешя мнѣ прогашельнымѣ доказательствомѣ любви. — „Оно и не естѣ доказательство; но любя я хочу бытъ любимой.“ — Онѣ увѣрялѣ васѣ въ спраши своей? — „Что же?“ — Можно ли послѣ того сомнѣванься, когда любишь? — „Вы хопите, чипобы мы вѣрили одному слову?“ — Не я, а любовь того хочетѣ, когда она подлинно дѣйствуетѣ въ сердцѣ. — „Я не сомнѣвалась въ его искренности, а хопѣла только увѣришься опытомѣ въ его постоянствѣ.“ — Опытомѣ! самая дружба не смѣетѣ его требовашѣ; а любовь еше нѣжнѣе. — „Я буду радованься его жертвою и гордишься мыслѣю.“

что онъ заслужилъ предпочтеніе.“ — Вы не будете имѣть удовольствія *отдать* себя; Вальмиръ купитъ руку вашу прехлѣпнею скукою. — „Онъ не будетъ такъ думать.“ — А вы сами можете ли не упрекать себя? развѣ любовь есть торгъ? — „Не торгъ; но всякое чувство требуетъ увѣренія.“ — Кто любитъ, тотъ вѣритъ. — „И такъ я кажусь вамъ виноватою?“ — Если вы любите, то не понимаю васъ. — — Тутъ Жеркуръ долженъ былъ опвѣчать другимъ, и разговоръ пресѣкся, оставивъ глубокое впечатлѣніе въ сердцѣ Линданы. Жеркуръ не только не хвалилъ, но еще осуждалъ ее! не находилъ въ ней *чувствительности*, и думаетъ о любви совсѣмъ иначе! Не смотря на Жеркурову холодность, она внутренно отдавала справедливости его здравому сужденію. Какъ! мыслила Линдана: не уже ли романическое воображеніе еще далѣе опъ любви, нежели и самое равнодушіе? Онъ удивляетъ меня своимъ хладнокровіемъ, похожимъ на истину. Надобно непременно возобновить этотъ разговоръ. — — Въ самомъ дѣлѣ Линдана опять прѣехала къ Морфизѣ, чтобы видѣть Жеркура; но онъ уѣхалъ въ Версалью на восемь дней. Во все это время она скучала и на все досадовала. Обык-

новенныя разсужденія о чувствительности въ домѣ у Морфизы уже совсѣмъ не занимали ее; она брала въ нихъ участіе единственно изъ благоприспособности.

Наконецъ Жеркуръ возвратился, и снова оживилъ ее; однакожь Линдана перемѣнила тонъ свой; говорила уже просто, безъ всякихъ мудроспей, и даже съ нѣкоторымъ видомъ робости, которой въ ней прежде никогда не бывало; она колебалась въ своихъ мнѣніяхъ; не вѣрила самой себѣ; досадовала, беспокоилась . . . мучительное состояніе для человѣка, которой привыкъ властвовать и все рѣшать! Нѣсколько дней Линдана не могла говорить съ Жеркуромъ; и когда нашелся случай, не смѣла имъ пользоваться. Жеркуръ не упоминалъ о Вальмирѣ; говорилъ о постороннихъ вещахъ, но веселѣе и пріятнѣе обыкновеннаго. Линдана въ грусти и задумчивости не умѣла быть любезною; чувствовала свою неловкость и досадовала. На другой день занемогла *нервною слабостію*, и послала за Докторомъ Бордо, которой прославился практикою своимъ *о лульѣ*, и зналъ женщинъ гораздо лучше, нежели Медицину. Другой, обыкновенной Медикъ сказалъ бы Линданѣ просто и грубо, что она здорова; но ученой Бордо вынулъ часы

съ секундами, успремилъ глаза на стрѣлку, взялъ руку, кошую больная пропнула ему съ шомноспію, нагнулъ голову, съ видомъ величайшаго вниманія стоялъ неподвижно долѣе десяти минуиъ, и считалъ біенія пульса. Наконецъ, вышедши изъ своего глубокомыслія, сказалъ: „такъ, причина болѣзни еспь *моральная!*“ . . . Надлежало согласишься, когда пульсъ открылъ истину; и Линдана призналась, что ея сердце въ волненіи. Она не назвала человѣка — и кого могла назвать? Вальмиръ ли беспокоилъ ее своимъ ошсупствіемъ, или Жеркуръ своимъ хладнокровіемъ, оскорбительнымъ для ея самолюбія? Линдана сама не знала. Женщины никогда не хошяшъ знать того, въ чемъ онѣ еще не признались себѣ откровенно. Это избавляетъ отъ труда боротъся съ собою; а когда сердце заговоритъ уже такъ громко, что не лъзя будетъ не слыхатъ его, тогда мы скажемъ: *теперь уже не время ему противишься!*

Однажды Линдана пріѣхала къ Морфизѣ ввечеру и нашла у нее Жеркура вмѣстѣ съ тремя или четырьмя мущинами. Говорили еъ живостію и спорили. Морфиза, по своему обыкновенію, ушверждала съ великимъ жаромъ противное здравому смыслу. Въ такихъ случаяхъ другіе не опро-

вергали ее, для того, что не слушали. Она повпоряла, кричала, выходила изъ силъ, и въ заключеніе говорила, что ея мнѣніе справедливо, ибо никто въ самомъ дѣлѣ не могъ опровергнуть его. — „Ахъ, милая Линдана! какъ я вамъ рада!“ сказала она, увидѣвъ ее: „здѣсь споръ и шумъ; никто не хочетъ слушать. Вы должны привести насъ въ разсудокъ. Жеркуръ въ нынѣшній вечеръ совершенно снялъ съ себя маску; онъ утверждаетъ величайшія спранныости, и „... Не знаю, что вамъ кажется спраннымъ, опевчалъ Жеркуръ: говорили о древнихъ рыцаряхъ; я хвалю ихъ геройство, великодушіе, любовь и дружбу; думаю только, что нынѣ мы не можемъ подражать имъ, естли снова не впадемъ въ варварство... „Я увѣрена, что можемъ!“ перервала Морфиза... Надобно согласиться (продолжалъ Жеркуръ), что вѣрные рыцари безъ великаго труда хранили вѣрность свою. Они молчали или говорили только о войнѣ; не знали прелести ума, Искусствъ, талантовъ. Воскресите Амадиса въ Парижъ; велите ему три мѣсяца заниматься спектаклями, балами; велите ему здѣсь ужинать... желайте ему нравиться... (это слово было сказано Линданѣ)... и наконецъ спросите у него, думаетъ ли

онъ безпрестанно о богинѣ души своей? . . .
 Тутъ опять всѣ начали говорить, кромѣ
 Линданы и Жеркура, который всегда мол-
 чаль во время споровъ, и думаль о дру-
 гомъ, естли споръ не занималь его. Уди-
 вленный безмолвемъ Линданы, онъ взгля-
 нуль на нее: она покраснѣлась, и попу-
 пила глаза въ землю. Жеркуръ всмалъ,
 подошелъ къ ней, облокотился на каминъ,
 и сказалъ тихонько: „Не правда ли, что
 предки наши не имѣли идеи о той любез-
 ности и прелести разума, которая всего
 болѣе прогаеть сердце? . . . Вы не хотите
 говорить; не хотите согласиться со
 мною?“ . . . Развѣ не довольно того, что-
 бы слушать васъ? съ живою ошвѣчала
 Линдана . . . Для свѣпскихъ людей, кото-
 рые умѣютъ замѣчать всѣ нѣжныя ошпѣн-
 ки спраспей и чувствъ, скрывааемыхъ въ
 сердцѣ, одно слово открываетъ иногда
 душу. Краска, замѣщательство, вырази-
 тельный взоръ, въ особенноти не быва-
 ютъ вѣрными знаками; но *вмѣстѣ*, и съ
 такими словами, которые легко можно
 растолковать въ пользу тайнаго желанія,
 составляютъ уже доказательство. И такъ
 Жеркуръ узналь, что Линдана имѣеть
 къ нему склонность; онъ былъ пронупъ,
 но скрыль свою чувствительность. Му-
 щины въ обхожденіи съ вѣпреными кокет-

ками славятся такою пронцапельно-
 стію и не шаятъ догадки своей, зная,
 что надобно пользоваться щасливою ми-
 нутою; напротивъ того *не хотятъ* раз-
 умѣшь первой нескромности добродѣтель-
 ныхъ женщинъ: онѣ могли бы испугаться
 и преодолѣшь еклонность; надобно имѣ
 дашь время запушаться въ сѣняхъ. Эпа
 хитрость есть похвала для женщины;
 шайный любовникъ боится ея гордости,
 размышленій, и надѣется на поспоянство.
 Что въ разсужденіи одной есть оплош-
 ность, то въ разсужденіи другой есть
 тонкая хитрость.

Линдана, видя равнодушное спокой-
 ствіе Жеркура, сама вышла изъ замѣ-
 шательства. Тупъ Морфиза начала гово-
 рить съ нимъ. Вижу, что вы дѣлаете,
 сказала она засмѣявшись: вамъ хочется
 обольстить Линдану. — „Ни мало,“ отвѣ-
 чала Линдана: „онѣ и не думаетъ объ
 этомъ!“ Тупъ вошли другіе гости, и
 разговоръ сдѣлался общимъ.

За ужиномъ Жеркуръ не сѣлъ рядомъ
 съ Линданою, которая была не весела и
 задумчива. Послѣ ужина хозяйка вздумала
 ѣхать въ маскарадъ съ Жеркуромъ и Лин-
 даною. Морфизѣ было уже 54 года; но
 она все еще безъ памяти любила сего
 роду забавы, для того, что славилась

такъ - называемымъ *маскараднымъ остроуміемъ*; забывала свое природное добродушіе; всѣхъ крипиковала, насмѣхалась, осыпала знакомыхъ и незнакомыхъ эпиграммами, чтобы поддерживать славу свою.

Когда всѣ госпи уѣхали, хозяйка надѣла большую маску, Линдана капотъ, Жеркуръ черную домину, и во второмъ часу прѣехали въ маскарадъ. Морфиза съ обыкновенною своею живостію говорила со всѣми масками; но скоро одна голубая домина обратила на себя все ея вниманіе — Морфиза подала ей руку, оставила товарищей, и скрылась въ шолпѣ. Линдана уснула, сѣла и спросила у Жеркура, любитъ ли онъ то, что называютъ *маскараднымъ уломъ*? „Я люблю *уль ежедневной*, ошѣчалъ онъ, и не могу терпѣть того, которой прошивенъ скромности и пихосии, споль любезнымъ въ женщинѣ. Не говорю уже объ эпомъ спранномъ пискѣ, несносномъ для меня въ маскарадныхъ разговорахъ; такой голосъ сдѣлалъ бы и самыя любезныя слова непріятными.“ — И шакъ вы никогда не влюблялись въ маскарадъ? — „Напротивъ, я разлюбилъ въ немъ многихъ женщинъ, копорыхъ находилъ въ свѣтѣ милыми.“ — Я никогда уже съ вами не поѣду въ маскарадъ. — — Это

слово, сказанное съ величайшимъ простосердечіемъ (naïveté) пронуло Жеркура, хопя онъ припворно засмѣялся и сказалъ: „Вотъ дѣйспвіе маски! вы, обыкновенно не любя ни надѣ кѣмъ смѣяться, вздумали выгупишь надо мною!“ — Это шушка? — „Не знаю; мнѣ извѣстно единспвенно то, что живо чувспвовать дѣйспвіе любезности есть иногда нещасіе.“ — Ахъ! я увѣрена, что излишняя чувспвительность не потревожитъ никогда вашего спокойствія! — „Еслили вы такъ думаете, то не перемѣните никогда вашихъ мыслей.“ — По чему же? — „По тому что я никогда не вздумаю увѣрять васъ въ противномъ.“ — Конечно; что вамъ нужды! — „Что мнѣ нужды? требуете ли отъ меня совершенной искренности? Я могу молчать; но никогда не скажу вамъ неправды; никогда не дозволю себѣ припворспва.“ — Это правда; надобно согласишься, что вы не любите припворяться. — „Слѣдспвенно вы мнѣ повѣрите?“ — Всегда. — „Какая польза?“ — Развѣ совершенная довѣренность для васъ ничто? — „Ваша довѣренность? нѣтъ, я не требую ее. Что вы мнѣ скажете новаго? развѣ чувства ваши мнѣ неизвѣстны?“ — И такъ я напрасно буду желать дружбы вашей? — „Совершенно напрасно!“ — Я не ожидала такого отвѣта. — „Еслили

будете меня спрашивать, по услышите еще много неожиданного.“ — Вы не хотите быть другомъ моимъ? — „По крайней мѣрѣ не могу сдѣлаться имъ скоро; мнѣ надобно много, много времени; и можетъ быть никогда бы не успѣлъ въ этомъ намѣреніи. Дозволите ли спросить, отъ чего вы краснѣеешь?“ — Какъ! по чему вы это знаете? — „Не уже ли думаете, что эта несносная маска можетъ скрыть отъ меня лицо ваше? Нѣтъ, я вижу его.“ ...

Въ сію минушу явилась Морфиза съ незнакомою своею маскою, осипнувъ отъ крику и хромяя отъ усталости; она сѣла подлѣ Линданы, а незнакомецъ споялъ передъ нею. „Я привела къ вамъ самую любезнѣйшую маску,“ сказала Морфиза: „незнакомецъ наговорилъ мнѣ чудеса; я никакъ не могу узнать его.“ — Не мудрено, сказалъ пихонько Жеркуръ Линданѣ: онъ рѣдко бываетъ въ хорошихъ домахъ, и Морфиза вѣрно никогда не встрѣчалась съ нимъ. Это Дюваль, глупецъ и нахаль. — Онъ еще не успѣлъ договорить, когда Морфиза начала упрашивать Линдану, чпобы она вступила въ разговоръ съ голубою доминою. „Это рѣдкой умъ,“ примолвила Морфиза: „что слово, то эниграмма.“ Второй пориреть не могъ испре-

бить въ мысляхъ Лиданы впечатлѣній перваго. Сверхъ того, досадуя, что ей помѣшали говорить съ Жеркуромъ, она совсѣмъ не расположена была слушать маскарадныхъ шутокъ. Дюваль, выдавъ ее въ спектакляхъ, узнавъ Лидану, не смѣя на маску, и началъ осыпать ея красноту глупыми похвалами, которыхъ она приняла сухо. Онъ разсердился, вздумалъ говорить о Вальмировомъ путешествіи и шутилъ очень грубо. Лидана не удостоила его отвѣта. Дюваль продолжалъ. Тутъ Жеркуръ снялъ съ себя маску и взглянулъ на него сурово, не говоря ни слова. Это испугало Лидану. Пойдемъ - те, сказала она, и встала, взявъ Жеркура за руку, какъ будто бы для того, чтобы удержать его. Увидимся ли мы? спросилъ Дюваль у Жеркура, который, вмѣсто отвѣта, пожалъ его руку и отворочился. Лидана хотѣла ѣхать: Морфиза согласилась, будучи въ крайнемъ замѣщательствѣ отъ худаго успѣха своей голубой доины. Лидана досадовала и боялась; однакожь, не видя подлѣ себя Дюваля, успокоилась. Жеркуръ проводилъ ихъ до кареты, и сказалъ, что уѣдетъ за ними же. Лидана худо провела ночь, и въ восемь часовъ утра послала человѣка къ Жеркуру, будно бы за книгами, которыхъ онъ обѣ

шалъ ей. Слуга возвратился съ отвѣтомъ, что Жеркуръ упалъ съ лошади и вывихнулъ себѣ ногу... „Боже мой!“ воскликнула Линдана, залившись слезами: „онъ вѣрно раненъ на поединкѣ!... Что будетъ со мною?“....

(Окончаніе влредь.)

II.

Письмо Христофора Колумба къ Гиспанскому Королю, недавно найденное.

Сіе любопытное письмо не есть вымыселъ: оно взято изъ стариннаго манускрипта, отысканнаго въ Ямаикѣ, и писано во время послѣдняго Колумбова путешествія, когда онъ, открывъ Мексику и весь берегъ твердой земли, отъ залива Гондураскаго до устья Ореноки, принужденъ былъ поставить на мѣль корабли свои въ Ямаикѣ. Спрадая отъ подагры, оставленный большею частію своихъ мажорговъ, имѣя крайній недостатокъ въ сѣспныхъ припасахъ и будучи въ войнѣ съ дикими жителями острова, онъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ увѣдомить о себѣ Короля, и отправилъ вѣр-

наго слугу своего въ Сен - Доминго , на маленькой Индѣйской лодкѣ , съ разными бумагами и съ слѣдующимъ письмомъ , которое , по всей вѣроятности , не дошло тогда до Гишпанскаго Двора.

Христофоръ Колумбъ къ Фердинанду , Королю Гишпанскому.

Ямайка , 1503.

Всемилошпивѣйшій Государь !

Діего Мендесъ и посылаемыя съ нимъ бумаги извѣспятъ Ваше Величество о богатствѣ золотыхъ минъ , открытыхъ мною въ провинціи Верагваской , гдѣ я хотѣлъ оставитъ брата моего , еспли бы воля Небесная и дѣйствіе рока тому не воспрепятствовали.

Какъ бы то ни было , но злощасный Колумбъ охотно уступитъ другимъ щасливѣйшимъ мореплавателямъ славу довершишь его открытія и завести тамъ колоніи , еспли онѣ послужатъ ко славѣ и пользѣ Короля моего.

Когда Богъ дозволитъ Мендесу пріѣхать въ Гишпанію , то онѣ безъ сомнѣнія докажетъ Вашему Величеству и августѣйшей Монархинѣ (*), что я прибавилъ къ Гишпанскимъ владѣніямъ не замкъ

(*) Изабеллѣ.

съ садомъ , но цѣлую половину свѣта , съ безчисленными подданными , землями чудесно - плодоносными и такими богатствами , какихъ не представляло воображеніе и едва можетъ пожелать воспользолюбіе.

Но ахъ ! ни Мендесъ , ни сіе письмо , и никакой языкъ не изобразитъ поски моей , плѣсныхъ и душевныхъ страданій , опасости и бѣдствій ; въ которыхъ я нахожусь съ моимъ сыномъ , братомъ и друзьями.

Уже болѣе десяти мѣсяцевъ мы живемъ на открытой палубѣ кораблей нашихъ , стоящихъ на мѣли берега. Здоровые мапрозы мои взбунтовались по внушенію братьевъ Перрассовъ ; а плѣ , которые оспались вѣрными , умираютъ. Мы извели всѣ съѣстные припасы Индѣйцевъ , и , будучи ими оставлены , ожидаемъ голодной смерти.

Къ сему бѣдствію надобно еще прибавить столько горестныхъ обстоятельствъ , что трудно сыскать на землѣ другога , подобнаго мнѣ нещасливца. Кажется , будто самое Провидѣніе служитъ моимъ завистникамъ , и всѣ услуги , всѣ открытія вмѣняетъ мнѣ въ пресупленія. О небо ! и вы , святые жители его ! сотворите , чтобы Король Фердинандъ и Госу-

дарыня всемилоспивѣйшая, Донна Изабелла, узнали, что я всѣхъ на свѣтѣ злощастнѣе, и единственно отъ моего усердія къ ихъ пользѣ!

Нѣтъ, ничто не можетъ сравняться съ моимъ бѣдствіемъ! Я вижу, какъ лютая смерть приближается ко мнѣ и (что еще ужаснѣе!) къ вѣрнымъ друзьямъ моимъ и товарищамъ. Увы! человеклоубіе и справедливостъ удалились въ небесныя жилища свои! потѣ нынѣ преступникъ, кто сдѣлалъ или обѣщаль великое!

Видя передъ собою гибель, могу ли пользоваться титуломъ Намѣстника и великаго Адмирала? онъ сдѣлаетъ меня еще ненавистнѣе народу Гишпанскому! Нѣтъ сомнѣнія, что судьба хочеть прервать слабую нить бытія моего. Кромѣ моей старости и жестокой подагры, я страдаю еще отъ другихъ болѣзней, въ ужасной пустынѣ, гдѣ нѣтъ ни лекарствъ, ни пищи для тѣла, ни духовника для души, среди бунтовщиковъ и мятежниковъ, съ моимъ сыномъ, братомъ и друзьями больными; и сверхъ того оспавленъ Индѣйцами!

Епископъ Сен - Домингскій Овандо присылалъ сюда, не для того, чтобы оказать мнѣ помощь, а единственно желая узнать, умеръ ли я; ибо послан-

ные не имѣли ко мнѣ писемъ, не хотѣли взять ихъ отъ меня, не хотѣли даже говорить съ нами. Враги мои увѣрены, что я здѣсь погибну.

Пресвятая Богородица, милосердая къ угнепненнымъ и злощаснымъ! для чего ты не допустила жестокаго Бовадиллу (*) прекратить мою жизнь, когда онъ похитилъ у меня золото, споль дорого купленное, и безъ всякаго суда, безъ малѣйшей вины, послалъ меня въ Гишпанію, оковавъ цѣпями? Сіи цѣпи оспающся единственнымъ моимъ сокровищемъ; я велю зарыть ихъ съ собою въ землю, елики Богъ дастъ мнѣ могилу! ибо желаю, чтобы вмѣстѣ со мною исчезла и память сего варварскаго дѣла. Елики бы я тогда умеръ, то Овандо не имѣлъ бы удовольствія черезъ 10 или 12 мѣсяцевъ видѣть меня жертвою несчастныхъ обстоятельствъ и злобы людей.

Мать Иисусова! не дай ему новымъ злодѣйствомъ посрамить Каспилланскаго имени! Да не знаютъ будущіе вѣки, что въ настоящемъ были такіе гнусные люди, которые думали услужить Королю

(*) Сен - Домингскаго Губернатора, которъи гналъ Коломба.

Фердинанду погибелію бѣднаго Колумба, не за вины его, а за то, что онъ имѣлъ славу открытъ новой свѣи и подарить его Гишпаніи!

Великій Боже! то было дѣломъ Твоимъ: ибо Ты направилъ и велъ меня къ сей великой цѣли. Умилосердися надо мною и преклони ко мнѣ сердца людей, которые еще любящъ справедливостъ и челоуѣчество!.. А вы, души праведныхъ, видящія мою невинностъ и спраданія! сжалитесь надъ симъ бѣднымъ вѣкомъ, споль зависпчивымъ и нечувспвишптельнымъ къ судьбѣ моей!

Теперь могу надѣяться сполько на сожалѣніе и правосудіе попощпва; оно конечно будетъ спронупо моимъ жребіемъ, когда узнаетъ, что я на свое иждивеніе, съ опасностію жизни моей и брата любезнаго, и почти безъ всякихъ издержекъ со стороны Короля, въ 12 лѣтъ и въ четыре пушеспствія оказалъ ему такія услуги, какихъ донинѣ смерпные еще не оказывали своему Государю и опеществу, и въ награду за то лишенъ всего, кромѣ цѣпей моихъ! Челоуѣкъ, который покорилъ новый міръ для Гишпаніи, не имѣетъ ни въ новомъ, ни въ старомъ, самой бѣднѣйшей хижины,

въ копорой онъ могъ бы укрыться съ жалкимъ семействомъ своимъ !

Есильи Небо, предвидя въ отккрытіи новаго свѣща какія нибудь ужасныя бѣдствія для спараго, осуждаешъ меня, въ наказаніе за то, погибнушь въ сей лютой ссылкѣ: то молю васъ, Ангелы, защитники невинныхъ! молю донести сіе письмо до рукъ моей Королевы. Она знаешъ, что я прешерпѣлъ для славы ея, и не захочешъ по своей справедливости оспавить въ бѣдности дѣтей и брашьевъ того человека, которой отккрылъ для Гишпаніи источникъ несмѣтныхъ богатствъ и прибавилъ къ ея владѣніямъ обширныя имперіи, дополъ неизвѣстныя ! Есильи Она жива, то побоишся, чтобы жестокость и неблагодарность людей въ разсужденіи меня не воспалили гнѣва Небеснаго, и чтобы Всевышній не наказалъ потомства Гишпанской націи за вину предковъ, и не отдалъ другимъ народамъ богатствъ отккрытаго мною міра !

(Изъ *European - Magazine.*)

III.

*Историческія воспоминанія, вмѣстѣ
съ другими замѣчаніями, на пути
къ Троицѣ и въ семь монастырѣ.*

(Продолженіе.)

Лавра со всѣхъ сторонъ окружена горами, покрытыми нѣкогда дремучимъ лѣсомъ. Святой Сергій, рожденный въ несчастныя времена нашего опечесыва, когда внѣшніе непріятели и внутренніе раздоры обращали Россію въ истинную юдоль плача, въ самой цвѣтущей юности удалился отъ свѣта, который представлялъ ему горестное зрѣлище злодѣйствъ и бѣдствій. Здѣсь мракъ лѣсовъ и дикое уединеніе, оградивъ его своею тишиною, не мѣшали святому юношѣ мирно бесѣдовать съ Творцемъ Намуры; здѣсь, отвращаясь сердцемъ и взоромъ отъ мятежной земли, въ безмолвіи пустынь гласилъ онъ съ Пророкомъ древности: *Небеса повѣдаютъ славу Божию! . . . Но Святой Угодникъ, какъ говоритъ почтенный Историкъ Лавры, сокрывъ себя въ пустынь, не могъ сокрыть имени своего. Мѣрскія добродѣтели ищутъ славы: она сама находитъ небесную святость, и не щадитъ ея скромности. Скоро уединеніе благочесиваго Сергія сдѣлалось*

извѣстнымъ, и многіе спарцы захотѣли молишься вмѣстѣ съ юношею. Вотъ происхожденіе сей обители, смиренной въ своемъ началѣ, славной и великолѣпной въ послѣдствіи! по естъ, судьбу ея можно нѣкоторымъ образомъ уподобить жребію самой Христіанской Религіи.

Я обошелъ сперва вокругъ стѣны монастырской и гошическихъ башенъ ея. Глубокой ровъ, высокія стѣны и самое положеніе монастыря дѣлали его нѣкогда лучшею крѣпостію нашего государства. Въ пятомъ - и шестомъ - надешасть вѣкѣ монахи ограждали себя каменными стѣнами не сполво отъ мірскихъ соблазновъ, сколько отъ грозныхъ непріятелей, которые искали у нихъ сокровищъ. Всѣ старинные монастыри вокругъ Москвы построены на высокіхъ мѣстахъ, безъ сомнѣнія не для хорошихъ видовъ, о которыхъ не думали святые отшельники, но для удобнѣйшей защиты. — Я видѣлъ слѣды багарей, которыми Поляки громили Троицкія стѣны; но и развалины бывающъ тамъ могилою непріятеля, гдѣ два сильныя чувства: любовь къ отечеству и Вѣра, вооружающъ защитниковъ.

Входя во внутренность ограды, вы видите передъ собою монументны чепы-

рехъ вѣковъ , которые , по словамъ Спихотворца , привѣтспвуютъ васъ

*Одинъ съ угрюмостью своей ,
Другой съ улыбкою веселой !*

Соборъ Троицкй основанъ еще при Князѣ Васильѣ Дмитрѣевичѣ , слѣдспвенно въ началѣ 15 вѣка ; онъ въ свое время казался безъ сомнѣнйя великолѣпнымъ , а теперь малѣйшая изъ приходскихъ церквей въ Москвѣ болѣе его. Италіянскй Архитекторъ , именемъ Аристопель , родомъ изъ Болоньи , привезъ къ намъ вкусъ щастливаго вѣка Медисовъ въ Княженіе Іоанна Васильевича и построилъ въ Москвѣ Соборъ Успенскй , служившй образцомъ и для Успенскаго Собора Лавры , храма величеспвеннаго ; прежде того въ Россіи не имѣли идеи о хорошей архитектурѣ. — Изъявивъ Христіянское усердіе къ святынѣ Троицкаго монастыря , я съ любопытствомъ осмапривалъ достопамятности церквей и ризницы. Два образа , даръ Царей Іоанна и Годунова Троицкому Собору , осыпаны рѣдкой величины драгоцѣнными камнями. Тутъ же Рускіе Паптріопы съ особенною вѣрою прикладываются къ образу Сергія , написанному на опломкѣ гробовой доски его и бывшему во всѣхъ походахъ съ Государемъ ПЕТРОМЪ Вели-

кимъ, и еще съ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ: вотъ славное знамя Россіи! — Между многими любопытными вещами я замѣшилъ Евангеліе Царевны Софіи и многія церковныя утвари, вышитыя самою Императрицею Анною, Которая опмѣнно любила женскія рукодѣлья. Елисавета Петровна подарила монастырю богатую служебную шапку и панатію, а Великая ЕКАТЕРИНА большіе золотые сосуды. Однимъ словомъ, здѣсь всякой Руской Государь ознаменовалъ Свое царствованіе какимъ нибудь даромъ, кромѣ, есльи не ошибаюсь, ПЕТРА Великаго. Иностранцы, которые видали богатство Италіянскихъ и Гишпанскихъ монастырей, могутъ еще подивиться богатству Троицкой ризницы, большимъ серебрянымъ паникадиламъ, подсвѣчникамъ и другимъ украшеніямъ здѣшнихъ церквей. Серебряная рака Чудотворца Сергія есть конечно самая драгоценнѣйшая гробница въ свѣтѣ. Кромѣ щедрости Государей, кромѣ 100.000 дунѣвъ, бывшихъ во владѣніи у сего монастыря, вклады частныхъ людей также не мало способствовали его велелѣпію. Сіе опмѣнное усердіе къ Лаврѣ не прохлаждается въ сердцахъ Россіянъ. Не только жители Москвы и въ радостяхъ и въ горестяхъ своихъ посѣщаютъ ее, но и другіе, изъ

самыхъ отдаленныхъ мѣстъ отъ столицы, ѣздятъ сюда на богомолье. Святость Лавры торжественно вѣствовала и въ наши времена: когда Москва и окрестности ея представляли ужасъ язвы — когда всѣ деревни на Троицкой дорогѣ, и даже здѣшнія слободы были опустошены ею — ни одинъ человекъ не заразился въ монастырѣ, отворенномъ для всѣхъ молебщиковъ, которые толпами приходили въ него.

Между колокольнею и Троицкимъ Соборомъ стоить каменный обелискъ, сооруженный Митрополитомъ Платономъ. Тамъ, на бѣлыхъ мраморныхъ доскахъ, изображены *четыре* эпохи славы его и незабвенныя услуги, оказанныя имъ Россіи.

1. Когда Димитрій, вдохновенный любовью къ отечеству, осмѣлился наконецъ, черезъ 200 лѣтъ удивительной робости Славянскаго попомства, сразиться съ Татарами, онъ спѣшилъ принять совѣтъ и благословеніе Сергія, который не только утвердилъ его въ семъ великомъ предпріятіи, но далъ ему и двухъ иноковъ, Пересвѣпа и Ослябя, явившихъ себя Героями на полѣ сраженія. Хотя радость народа и торжество Димитрія были кратковременны: хотя засѣбный Тахшамыщъ скоро послѣ опустошилъ Рос-

сію , взялъ и выжегъ Москву : однакъжъ на полѣ Куликовскомъ исчезло гибельное суевѣріе Рускихъ , главная вина ихъ поспыднаго рабства : *они считали грозныхъ Татаръ бисемъ Небеснымъ , которому ниско не могло противиться.* Такимъ образомъ великодушный Князь Александръ , Герой на берегахъ Невы , ужасъ Шведовъ и храбрыхъ Нѣмецкихъ Рыцарей , унижался передъ Батыемъ и Сарпакомъ — не спыдился смиренно молишь ихъ о помилованіи Россіи ! Богатыри его : Полоченинъ Храбрый , Миша Новгородецъ , Сава Сильный , Рагмиръ Смѣлый , не дерзали поднять руки на Татарина ! Но Димитрій далъ примѣръ , и великій Князь Іоаннъ имъ воспользовался ; свергнулъ иго — и Москва въ спѣнахъ своихъ увидѣла плѣнныхъ Князей Татарскихъ .

2. Въ мятежное царствованіе Шуйскаго Троицкій монастырь былъ осажденъ Поляками , которые требовали , чтобы онъ сдался Ажедимистрію , извѣстному подъ именемъ Тушинскаго . Архимандритъ Іосафъ съ Воеводами Долгорукимъ и Голохвастовымъ изъявили непріятелю одно презрѣніе . Начались приступы , кровопролитныя сраженія , и монахи вмѣстѣ съ малочисленными спрѣльцами умирали на спѣнахъ ; святыя гимны Христіянскіе , которые день и ночь

не умолкали въ храмахъ Троицы, были для Рускихъ гимнами бившы. Дѣло невѣроятное! цѣлая армія болѣе года осаждала монастырь, истощила всѣ усилія, и наконецъ опустуила. — Троицкая обитель увѣнчала подвигъ свой пѣмь, что отправила къ Царю всѣ церковныя сокровища: ибо ему нужны были деньги для содержанія войска.

5. Когда недоспойные бояре и гнусные изиѣнники свели съ престола несчастнаго Шуйскаго и впустили Поляковъ въ Москву злодѣйствовать, тогда Троицкіе Папрѣоты, Архимандритъ Діонисій и Келарь Авраамъ Палицынъ писали грамоты во всѣ города и молили гражданъ вспомнить опечесство. Трубецкій, ими убѣжденный, собралъ войско и приступилъ къ Москвѣ; но не могъ или не хотѣлъ усмирить мятежниковъ въ своей арміи. Пожарскій остановился въ Ярославѣ: Келарь Палицынъ спѣшилъ къ нему, заклиналъ его не медлить, самъ отправился съ войскомъ къ столицѣ, былъ въ сраженіяхъ и способствовалъ побѣдамъ. Козаки, требуя жалованья, взбунтовались: начальники Троицкаго монастыря, не имѣя денегъ, прислали имъ ризы, спихари, жемчужныя эписпрахи; мятежники были пронуты, ничего не взяли,

и клялись быть вѣрными. — — Столица освободилась отъ ига; юный Михаилъ царствовалъ, но Польскій Королевичъ Владиславъ называлъ себя Царемъ Рускимъ, и скоро осадилъ Москву; не могъ взять ее, и приступилъ къ Троицкому монастырю — но шамъ были еще живы побѣдители Сапѣги и Пана Лисовскаго: храбрые иноки снова явились на сѣнѣхъ съ Келаремъ Авраамомъ, и такъ славно опразили Владислава, что онъ потерялъ надежду завоевать престолъ Россійскій — заключилъ перемиріе съ монастыремъ и требовалъ мира съ Россією.

4. Наконецъ юный ПЕТРЪ два раза находилъ въ сѣнѣхъ Троицкихъ убѣжище отъ злобы Спирѣльцовъ. Здѣсь вооружился онъ мечемъ правосудія для наказанія заговорщиковъ и швердостію прекрапильныхъ умысловъ Сѣфіна власполоубія.

Однимъ словомъ, Троицкая Лавра съ самаго основанія своего была истиннымъ Рускимъ Палладіумомъ, и благочестивые старцы ея не только молитвами, но и дѣломъ ревностно служили отечеству. Вообще должно оудать справедливостъ Россійскому Духовенству: оно во всѣхъ народныхъ бѣдѣнствіяхъ изъявляло героическій патріотизмъ — и для того свирѣнство Поляковъ, желавшихъ спокойно ширани-

сповоашъ въ Россіи, болѣе всего успремлено было прошивъ нашего Духовенства. Такъ добродѣпелный Паппріархъ Эрмогенъ сдѣлался жерпвою ихъ люпосипи и своей любви къ опечеству. Гепманъ Желковскій требовалъ отъ него, чпобы онъ запретилъ Пожарскому собирать войско; но сей великій мужъ отвѣчалъ ему: *а кто же спасетъ Россію?* и плавая въ крови своей, еще грозилъ Гепману правосудіемъ Неба и храбростію вѣрныхъ сыновъ опечества. Паппріоты! вамъ надобно знать, что прахъ Эрмогена покоится въ Чудовѣ монастырѣ. Опъ того, что мы не имѣемъ порядочной Исторіи, славныя и великія дѣла предковъ намъ мало извѣсны; но ихъ довольно для пера краснорѣчиваго. Съ нѣкотораго времени намъ напвердили о Мининѣ и Пожарскомъ: ихъ любовь къ опечеству безъ сомнѣнія прогашельна; но еще прогашельнѣе для меня тогдашнее брашское согласіе Рускихъ воиновъ, изображенное сею милою, простою черпою въ нашихъ лѣтописяхъ: *никакой ссоры между людьми Пожарскаго не бывало, но все совѣпно и единомышленно другъ съ другомъ поступали.* Вотъ что должно быть въ памяни всѣхъ Рускихъ! Мы со слезами читаемъ въ Греческой Исторіи, съ какимъ усердіемъ маленькія Республики высылали

гражданъ своихъ прошивъ Царя Персидскаго: у насъ была такая же элоха. Рускіе съ радоснію опдавали имѣніе и жизнь опечешву. На примѣръ: Смоленскъ осажденъ Сигизмундомъ; жишели окрестныхъ мѣстъ оспавляютъ и дома и семейства свои въ жершву Полякамъ, чшобы спѣшнить къ Пожарскому подѣ зная опечештва!

Я съ любопыщствомъ взглянулъ на Троицкія пушки, бросавшія громъ на Поляковъ, и разсмапривалъ оспашки оружія, копорымъ ихъ разили храбрые иноки. Здѣсь была особенная палата, наполненная бердышами, мечами и пищалами; но Генераль - Фельдцеймейстеръ Шуваловъ по указу Императрицы Елисаветы Петровны взялъ сіе древнее оружіе въ Пешербургъ; оспалась шолько нѣкоторая часпъ его на память монашшрю.

Въ Лаврѣ двѣ библіотеки: одна принадлежитъ Семинаріи, а другая монашшрю; первая сосшбитъ изъ 6000 книгъ, иноспранныхъ и Рускихъ, испорическихъ, нравоучишельныхъ, богословскихъ, и проч; а во вшорой однѣ церковныя книги и рукописи. Въ Россіи, подобно какъ и во всѣхъ другихъ земляхъ, монахи во время общаго невѣжештва были почти единственными хранишелями любопышныхъ манускриптовъ. Всѣ испорическія рукописи были изъ

Троицкой библіотеки посланы къ **ЕКАТЕРИНѢ** Великой, которая споль ревностно занималась нашею Исторіею; но мнѣ сказывали, что въ нихъ нѣтъ никакихъ важныхъ опмиѣнъ прошивъ напечатанныхъ лѣтописей.

Къ любопытнымъ вещамъ въ Лаврѣ принадлежишь и большой колоколъ, въ 4000 пудъ вѣсомъ, первой въ Россіи и въ цѣломъ свѣтѣ, такъ, что и славный Кипайскій не можетъ съ нимъ равняться. Вѣроятно, что онъ и навсегда останется первымъ: вкусъ къ огромнымъ колоколамъ проходишь. Троицкіе всѣ называющіяся особенными именами: Годуновъ, Лебедь, Переспоръ, и проч. — Видъ съ колокольни (превышающей двумя или тремя сажнями Ивана Великаго) опмиѣнно хорошъ; монастырскія окрестности живописны.

Еще недавно сломанъ Троицкій каменный дворецъ Царя Іоанна Васильевича. Архитектура нынѣшняго дворца не показываетъ древности. Спранно, что въ архивѣ монастырской не нашлось никакихъ записокъ о его построеніи. Знаютъ только, что онъ назывался Писаревскимъ, и что Тихонъ Писаревъ былъ Троицкимъ Архимандритомъ около 1720 году; слѣдственно можно заключишь, что онъ и постро-

енѣ въ это время; внутри же украшенъ лѣпною работою при Елисаветѣ Петровнѣ. Зала, расписанная бирюзовою краскою, представляетъ въ барельефахъ всѣ побѣды ПЕТРА Великаго, съ девчизами не дурно вымышленными. Я съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на барельефы и читалъ надписи. Въ двухъ комнапахъ споянѣ алебаспровыя изображенія всѣхъ нашихъ Князей и Государей съ самаго Рюрика, сдѣланныя съ медалей, которыя не весьма удачно изобрѣшены художникомъ. На примѣръ, Святославъ, чудесный Герой своего времени, споль прекрасно и живо описанный Несторомъ, изображенъ какимъ-то смиреннымъ Игуменомъ: ни одной черпы геройской! Лицо Годунова характернѣе другихъ; оно безъ сомнѣнія есть также вымыселъ; въ его время у насъ не писали портретовъ, воображая, что это грѣхъ, и что одни лица Святыхъ достойны живописи. Любопышно знаешь, когда и съ кого былъ написанъ первый портретъ въ Россіи? — ПЕТРЪ Великій могъ еще жить въ эпохѣ дворцѣ. Онъ часто бывалъ въ Троицкомъ монастырѣ и часно бралъ деньги изъ монастырской казны, давая собственноручныя росписки, которыя и теперь хранятся въ Лаврѣ. Онъ посылалъ Архимандрита

въ церковь, оставался съ Келаремъ, и дружески спрашивалъ: есть ли у нихъ деньги? Келарь опвѣчалъ: „какъ не быть для Вашего Величества?“ и приносилъ мѣшки. Надобно знать, что Троицкіе Архимандриты не вмѣшивались въ экономію монастыря: ею занимались всегда Келари. Я слышалъ сіи подробности отъ такого человека, которому онъ извѣстенъ по вѣрному преданію. — Садъ подлѣ дворца, состоящій изъ алей сѣнисныхъ, вокругъ немалаго пруда, и большое зданіе, гдѣ живутъ семинаристы, называются также Писаревскими.

Троицкая Семинарія, заведенная при Государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ, есть одно изъ главныхъ духовныхъ училищъ въ Россіи. Въ ней всѣхъ учениковъ около 400, изъ которыхъ 150 на полномъ казенномъ содержаніи. Кромѣ древнихъ языковъ, здѣсь учатъ Французскому и Нѣмецкому. Это похвально: кому надобно проповѣдывать, кто долженъ знать Боскэна и Массильона. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ монаховъ говорили со мною по Французски, а важные учили вмѣшивали въ свой разговоръ Лапинскія фразы. Они доказывали мнѣ, что ученость привѣтлива: ходили со мною и все показывали съ видомъ искренней услужливости.

Наука даетъ челоѣку какое-то благородство во всякомъ сошпоаніи.

Въ Лаврѣ погребены многіе знаменитые люди; и читая списокъ ихъ, я нашелъ множество именъ, кошорыхъ уже нѣтъ въ нашихъ дворянскихъ книгахъ: на примѣръ, Князей Пожарскихъ, Горбачыхъ, Гагиныхъ, Ряполовскихъ, Воробьевскихъ. Князя Долгорукиа имѣли бы право возобновить фамилію Пожарскихъ, кошорой послѣдняя опрасль, внука (если не ошибаюсь) Князя Дмитрія Михайловича, вышла за Долгорукаго; съ нею исчезло сіе имя, столь любезное для Рускихъ! — Мнѣ показывали гробъ славнаго Архимандрита Діонисія. Я спросилъ, гдѣ лежатъ кости добродѣтельнаго Келаря Авраама? и къ сожалѣнію услышалъ, что Преосвященный Платонъ, любя великихъ мужей Россіи, напрасно искалъ его могилы; время сокрыло ее завѣсою тайны. Извѣстно только по запискамъ монастырскимъ, что Авраамъ оставилъ по кончинѣ своей: мало богатства, но много славы! — Въ Успенскомъ Соборѣ погребена единственная Лифляндская Королева въ свѣтѣ, Марѣа Владиміровна, двоюродная племянница Царя Іоанна Васильевича и супруга Магнуса, столь извѣстнаго въ нашей Испоріи. Іоаннъ игралъ судьбою сего Датскаго

Принца ; давалъ ему города , чпобы снова опнимапъ ихъ ; велѣлъ Лифляндцамъ быпъ ему вѣрными , и жестоко наказывалъ ихъ за сѣю вѣрность ; пожаловалъ его въ Короли , и взялъ въ плѣнъ. Нѣжная супруга раздѣляла съ Магнусомъ непостоянную судьбу его ; она по любви къ нему опказалась опъ Россіи , когда онъ прибѣгнулъ наконецъ къ защитѣ Польши , и горести сократили жизнь ея. — Въ часовнѣ , при церкви Сошеспвія Св. Духа , спойтъ гробъ ученаго Грека Максима , еще болѣе добродѣтельнаго , нежели ученаго. Онъ прѣпивился браку Великаго Князя Василія Іоанновича съ Княжною Глинскою , находя его незаконнымъ — былъ сосланъ въ заточеніе , возвращенъ при Іоаннѣ и жилъ въ Троицкомъ монастырѣ , когда Царь , послѣ своей тяжкой болѣзни , съ Царицею и съ сыномъ прѣѣхалъ въ сѣю обитель. Узнавъ о намѣреніи его опправиться въ Кириловскій монастырь , Философъ Максимъ всячески уговаривалъ Государя остаться въ Москвѣ , доказывая , что Богъ во всѣхъ мѣстахъ равно присутствуешъ , и что гораздо лучше царствовать добродѣтельно , нежели скитапъся по опдаленнымъ монастырямъ. Видя же , что Іоаннъ не принимаетъ его совѣта , онъ предсказалъ

ему кончину Царевича. Такъ повѣствуетъ Курбскій, говоря, что благочестивый Максимъ призывалъ къ себѣ Князя Мстиславскаго, Адашева и его самого, заклиная ихъ удерживать Царя. Но Иоаннъ не послушался, и предсказаніе сбылось. Сей анекдотъ дѣлается еще любопытнѣе своимъ послѣдствіемъ. Въ монастырѣ Св. Николая, на берегу рѣки Яхромы, путешествующій Царь желалъ увидѣться съ однимъ старымъ монахомъ, который прежде былъ Епископомъ, и котораго любилъ отецъ его. Князь Щербатовъ говоритъ, что лѣтописцы наши не сказываютъ имени сего монаха, а сохранили только его прозваніе *Толорковъ*. Почтенный Историкъ ошибся: Князь Курбскій именуетъ его Севастіаномъ, прибавляя, что онъ былъ родомъ изъ Лифляндіи, и за его злыя дѣла лишенъ Епископскаго сана по смерти Василія Иоанновича. Сей чернецъ совѣтовалъ Царю быть истинно самодержавнымъ, отнять всю власть у Боярѣ и царствовать ужасомъ. Иоаннъ, по словамъ Курбскаго, такъ плѣнился коварнымъ совѣтомъ монаха, что поцѣловалъ руку его съ воспоргомъ, сказавъ: *самъ отецъ мой не могъ бы присовѣтовать мнѣ лучше!*.. Царевичъ Димитрій скончался дорогою; скоро умерла добродѣтель-

ная Царица Анастасія; Иоаннъ началъ свирѣнсповавать, и къ семейственнѣмъ упратамъ своимъ прибавилъ еще важнѣйшую: поперю любви народной. — Умный Историкъ долженъ разсказывать пакѣ анекдоты: ибо они любопытны и показываютъ образъ мыслей времени; но онъ имѣетъ еще и другую обязанность: разсуждать, и сказки опличать отъ истины.

Подлѣ Успенскаго Собора вроспаешь въ землю маленькая, желѣзомъ крытая палатка, гдѣ погребена фамилія Годуновыхъ: Царь Борисъ, супруга его, сынъ Феодоръ и несчастная Ксенія. Кто не оспановипись шуть подумать о чудныхъ дѣйсвіяхъ власполюбія, которое дѣлаешь людей великими благодѣтелями и великими преступниками? Естли бы Годуновъ не убійствомъ очистилъ себѣ путь къ престолу, то Исторія назвала бы его славнымъ Государемъ; и царскія его заслуги столь важны, что Рускому Патриоту хотѣлось бы сомнѣваться въ себѣ злодѣянтіи: такъ больно ему гнушатся памятью челоука, который имѣлъ рѣдкій умъ, мужественно прошивоборствовалъ государственнѣмъ бѣдствіямъ и страстно хотѣлъ заслужить любовь народа! Но что принято, утверждено общимъ мнѣніемъ, то дѣлается нѣкотораго роду святынею;

и робкій Историкъ, боясь заслужить имя дерзкаго, безъ критики повтораесть лѣтописи. Такимъ образомъ Исторія дѣлаешиа иногда эхомъ злословія... Мысль горестная! Холодный пепель мертвыхъ не имѣесть заступника, кромѣ нашей совѣсти: все безмолвствуетъ вокругъ древняго гроба! глубокая тишина его прерываешиа только благословеніями или проклятіемъ идущихъ мимо и чинающихъ гробовую надпись. Что, естли мы клеветемъ на сей пепель; естли несправедливо перзаемъ память челоуѣка, вѣря ложнымъ мнѣніямъ, приняшимъ въ лѣтопись безмыслѣемъ или враждою?.. Но я пишу теперь не Исторію; слѣдешвенно не имѣю нужды рѣшиши дѣла, и признавая Годунова убійцею Святаго Димитрія, удивляюсь Небесному правосудію, Которое наказало сіе злодѣйство столь ужаснымъ и даже чудеснымъ образомъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ.)

IV.

О долголѣтной жизни.

Г. Синклеръ, Членъ Англійскаго Парламента, издаеъ подѣ симъ титуломъ

книгу, весьма полезную и любопытную. Изъ наблюдений его слѣдуемъ, что обстоятельствова благопріятныя для долгой жизни сущь: 1) *Климатъ* умеренный и даже холодный; въ жаркихъ земляхъ люди не могутъ быть долговѣчны. Въ умеренныхъ климатахъ частые дожди не вредны для здоровья. Г. Синклеръ ставитъ въ примѣръ дождливую Ирландію, гдѣ очень много стариковъ. — 2) *Образованіе теловѣка*: плопные и не высокаго росту люди живутъ долѣе. Малорослые держатъ себя *пряме*; дыханіе ихъ свободнѣе; они дѣяшельнѣе; жизненные силы въ нихъ менѣе разсѣяны. Возрастаніе медленное и поспепенное до зрѣлыхъ лѣтъ считается также благопріятнымъ для долголѣпія. — 3) *Родители*: надобно, чтобы они были здоровы и не имѣли наследственныхъ болѣзней. — 4) *Характеръ* спокойный и веселый. Спрасни и прудная головная работа вредны здоровью. Фоншенель безъ своего забавнаго нрава не могъ бы дожить до 90 лѣтъ; объ немъ говорили справедливо, что онъ *сохранилъ молодость до послѣдней минуты старости* своей. Думаютъ, что во время Регента при Дворѣ Французскомъ было много стариковъ отъ тогдашней общей веселости. Смѣхъ всего здоровѣе, говоритъ

Рабле; изъ чего можно заключить, что смѣшныя книги и шеапральныя пѣсы способствують долгой жизни. — 5) *Состояніе въ гражданскомъ обществѣ*. Замѣчая, что въ средней сослоянїи, въ которомъ неизвѣсны безпокойства честолюбія, люди живутъ долѣе; частый обманъ надежды, терзая сердце, изнуряетъ жизненныя силы. Мораль, Философія и кропкія чувства Религіи сохраняютъ здоровье. — 6) *Ремесло*: на примѣръ, рудокобы и спекольщики должны умиратъ скорѣе садовника, рыбака, споляра. Хотя Тайлеръ, Шотландскій рудокобъ, жилъ 132 года, а спекольщикъ Примъ 102; однакожь такіе примѣры рѣдки. — 7) *Движеніе или работа*: и по и другое въ умеренности своей бываетъ главнымъ источникомъ здоровья. — 8) *Бракъ*: всѣ люди за спо лѣтъ были женаты. Американскій Докторъ Рошъ увѣряетъ, что безбрачное состояніе для мужчинъ вреднѣе, нежели для женщинъ. — 9) *Полъ*: женщины, которыми исполнилось 48 лѣтъ, живутъ послѣ долѣе мужчинъ. Женевцы, отдавая капиталы въ проценны на жизнь, всегда выбирали женщину въ 24 года, имѣющую дѣтей; она болѣе всѣхъ можетъ надѣяться на долговременную жизнь. — 10) *Возобновленіе молодости*: бываетъ иногда, что

за сорокъ лѣтъ вырастаютъ у человѣка волосы, зубы, и силы умножаются: вотъ знакъ долговременной жизни! — Г. Синклеръ прибавляетъ, что пища, одежда, домъ, Медицина, упражненіе и привычки имѣютъ также великое вліяніе на здоровье человѣка.

Таблица обыкновенной жизни, взятая имъ изъ Гуфландовой книги, весьма печальна: изъ 100 человѣкъ не болѣе шести доживаютъ до 60 лѣтъ. Они умираютъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Прежде десяти лѣтъ 50.

Между 10 и 20 — 20.

— 20 и 30 — 10.

— 30 и 40 — 6.

— 40 и 50 — 5.

— 50 и 60 — 5.

94.

Вотъ богатая матерія для проповѣдниковъ и Моралистовъ! Такая краткая и невѣрная жизнь стоить ли того, чтобы терзать себя и другихъ? Самое пламенное честолюбіе можетъ охладѣть, когда мы рѣшимся часто взглядывать на сію таблицу. — Но не грустите излишно, нѣжные и спрасные друзья жизни! Надежда оспалась въ Пандориной коробкѣ; слѣдующія строки могутъ утѣшить васъ:

Галлеръ исчислилъ 1115 человекъ, жившихъ за сто лѣтъ; изъ нихъ 1000 жили отъ 100 до 110 лѣтъ, 62 отъ 110 до 120, 29 отъ 120 до 130, 15 отъ 130 до 140, 5 отъ 140 до 150. Англичанинъ Парръ жилъ 152 года, а Дженкинсъ 169 лѣтъ.

Синклеръ между многими вопросами предлагаеиъ слѣдующій: „Какое вліяніе имѣеиъ нынѣшній образъ жизни Французовъ на ихъ здоровье?“ Одинъ Парижскій Медикъ отвѣтствуетъ ему въ *Монитёрѣ*, что нынѣ вообще живутъ во Франціи долѣе, 1) отъ большаго употребленія кофе, уменьшившаго въ городахъ употребленіе дурнаго вина и водки; сверхъ того кофе самъ по себѣ имѣеиъ жизненную силу — 2) отъ большаго числа раннихъ браковъ, не допускающихъ людей до распутства — 3) отъ меньшаго принужденія въ общесшвенной жизни — 4) отъ лучшей одежды, удобности и порядка въ домахъ — и наконецъ 5) отъ успѣховъ Медицины.

О Вашингтонѣ.

Въ исходѣ прошедшаго Мая скончалась въ Америкѣ вдова Генерала Вашингтона въ своемъ Мон-Вернонскомъ помѣстьѣ. Она имѣла дѣшей ошѣ перваго супруга; но ушвердитель Американской свободы не оставилъ наслѣдниковъ добродѣтелей своихъ: шѣмъ болѣе сожалѣють о его кончинѣ добрые сограждане, которые, можно сказать, богошворили сего великаго человѣка.

Вашингтонѣ служилъ въ наши времена едва ли не единственнѣмъ примѣромъ древней простоты во нравахъ, которую мы славимъ всего болѣе отъ того, что не видимъ ее. Правда, что онѣ родился въ землѣ незнакомой съ искусствами роскоши; отдаленные берега Атлантическаго моря еще сохранили печать Намуры, и Республиканцы Американскіе удержали характеръ ея въ самыхъ своихъ политическихъ законахъ.

Послѣдніе дни Вашингтоновой жизни въ мирномъ уединеніи Мон-Вернона казались яснымъ вечеромъ прекраснаго дня. Отдавъ мѣсто Президента Джону Адамсу, онѣ долженъ былъ въ угожденіе согражданамъ еще называться Генералиссимусомъ Американской арміи; но, сіе

достоинство не мѣшало ему наслаждаться покоемъ, любезнымъ его спароспи. Мон - Вернонъ, гдѣ всѣ иностранцы и многочисленные друзья Американскаго Героя были съ ласкою принимаемы, сохранялъ скромную наружность и сельскую пищу свою. Хозяинъ его занимался единственно добродѣтелями золотого вѣка; садилъ, пахалъ и сѣялъ, окруженный множествомъ невольниковъ, которые любили его какъ отца. Ошпуда вѣжалъ онъ въ Филадельфію и въ другіе города иногда въ простой коляскѣ, иногда въ обыкновенной почтовой каретѣ или *дилижансѣ*. Не рѣдко случалось, что путешественники, сидя съ нимъ въ шракширѣ за общимъ столомъ, предлагали ему пить здоровье Генерала Вашингтона, не зная, что онъ съ ними обѣдаетъ. — Казалось, что Революція отравила его отъ Французовъ; по крайней мѣрѣ онъ удалялся отъ нихъ, и безъ крайней необходимости не говорилъ уже по - Французски, любивъ прежде языкъ сей болѣе всѣхъ другихъ.

Съ Французскаго.

С М Ъ С Ъ.

Г. Горнманъ, въ описаніи своего Африканскаго путешествія, говоритъ, что одинъ старой Арабъ, встрѣтившись съ нимъ на пути его изъ Каира въ Мурзукъ, столицу Фецана, или древней страны Гарамантовъ, и видя, что переводчикъ готовилъ ему кушанье, сказалъ: „Ты молодецъ, а заставляешь другихъ слушать себя! Это можетъ быть обычай невѣрныхъ (Христіянъ); но у насъ его нѣтъ. Слава Богу! мы въ пустыняхъ своихъ ни отъ кого не зависимъ; подобно бѣднымъ пилигримамъ, ѣдимъ и пьемъ, что находимъ, и что сами приготавливаемъ. Тебѣ надобно выучиться всему, что дѣлаютъ Арабы; и тогда, въ случаѣ нужды, поможешь другимъ. Иначе скажутъ, что ты хуже женщины; презрятъ тебя и ограбятъ, какъ человека недостойнаго имѣть избытокъ. Ты безъ сомнѣнія богатъ (примолвилъ старикъ съ насмѣшкою), и платишь дорого слугамъ своимъ.“ — Это наставленіе (пишетъ Г. Горнманъ) сильно на меня подѣйствовало: я началъ все дѣлать самъ, и поварищи мои, Арабы, стали уважать меня гораздо болѣе прежняго,

говоря: *теперь мы видимъ, что и ты человекъ!*

Любовь сильнѣе всего дѣйствуетъ на развитіе Генія: какой Поэтъ не чувствовалъ ея вліянія на талантъ свой? Мильшонъ, Гомеръ и Демосѣенъ Англій, сдѣлался Поэтомъ отъ слѣдующаго романческаго приключенія. Онъ учился въ Кембричскомъ Университетѣ и былъ тогда красавецъ. Однажды, гуляя съ поварищами по берегу рѣки, играя и рѣзвясь съ ними, онъ такъ уснулъ, что бросился на правую подъ деревомъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Двѣ иносстранныя дамы, проѣзжая мимо, увидѣли красавца, остановились, вышли изъ кареты и нѣсколько минутъ смотрѣли на него съ удивленіемъ; послѣ чего одна изъ нихъ, молодая и прекрасная, вынула карандашъ, написала нѣсколько строкъ и положила бумагу подлѣ спящаго Мильшона. Онъ сказали ему: *прости, Адонисъ!* сѣли въ карету, и скрылись. Товарищи Мильшоновы видѣли ихъ; разбудили его и рассказали ему сіе приключеніе. Онъ взялъ бумагу и съ воспоргомъ прочиталъ Италіянскіе стихи изъ Гварини такого содержанія:

Глаза закрытые! вы должны быть прекрасны!
 Уже я чувствую волнение въ крови,
 Воображая васъ. Сколь былибъ вы опасны,
 Когдабъ открылися съ улыбкою любви?

Съ сего времени Мильпонъ безпре-
 спанно занимался прелестною незнаком-
 кою, искалъ ее въ Англии, въ Италіи;
 пылалъ воображеніемъ, и началъ писать
 стихи. Такимъ образомъ сей молодой
 женщиной вѣкъ Мильпоновъ, нашъ и по-
 помство обязаны однимъ изъ лучшихъ
 произведеній ума человѣческаго: *Потерян-
 нымъ Раемъ*.

Въ одномъ Нѣмецкомъ Журналѣ, по-
 слѣ описанія Энгелева (*) погребенія, ска-
 зано: „Нѣвицы любящъ изъявляютъ прога-
 „пельнымъ образомъ уваженіе къ мерп-
 „вымъ; и сверхъ того въ насъ есть ка-
 „кая-то меланхолическая склонность за-
 „ниматься всѣмъ, что относится къ
 „могила и смерти. Весьма многіе Нѣмцы
 „всякаго роду и соспоянія заготовляютъ
 „одежду, въ которой они хоятъ быть
 „погребенными, хранятъ ее въ какомъ
 „нибудь уединенномъ мѣстѣ, показыва-
 „ютъ за тайну друзьямъ своимъ и со-
 „вѣщающа съ ними о гробовомъ нарядѣ,

(*) Энгель сочинилъ Свѣтскаго Философа, Ми-
 микю и похвальное слово Фридриху Великому.

„какъ бы о свадебномъ и праздничномъ.
 „Нѣкоторые заказываютъ себѣ даже и
 „гробы въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ.“

Изъ Копенгагена пишутъ о чудесномъ дѣйствіи музыки на человѣческія нервы. Одинъ музыкантъ игралъ на скрипкѣ при больной женщинѣ, которая 8 лѣтъ была въ жестоконъ параличѣ отъ сильнаго испуга и не имѣла никакого движенія. Онъ увидѣлъ, что игра его производитъ въ ней какое-то дѣйствіе; продолжалъ, и впечатлѣніе звуковъ обнаруживалось минуша отъ минушы сильнѣе. Наконецъ, черезъ часъ, она могла поднять голову и руки. Теперь сія женщина въ Швендбургѣ, гдѣ искусный Докторъ взялся довершить ея исцѣленіе.

VII.

У т р о ().*

Огнистый Сиріусъ сверкающія спирѣлы
 Металъ еще съ небесъ въ подлунные предѣлы;

(*) Оно напечатано въ Цешербургѣ вмѣстѣ съ Гимномъ Клеанпа. Для удовольствія чинашелей Вѣшника, живущихъ въ Москвѣ и въ провинціяхъ, помѣщаю здѣсь эту въ самомъ дѣлѣ живописную картинку ушра.

Онъ зрѣлъ, какъ солнцу путь заря уготовляла,
 Лиловые ковры съ улыбкой разстлала,
 Врага востока опперла,
 Крылашихъ коней запрягла,
 И звѣздъ царя, сего вѣчнаго возницу,
 Румяною рукой взвела на колесницу;
 Какъ хоромъ упренныхъ часовъ окружена,
 Подвинулась въ свой путь она,
 И восшумѣла въ слѣдъ съ колесъ ея волна;
 Багряны возжи напряглися
 По конскимъ блестящимъ спинамъ:
 Лешаихъ вверхъ, пышущъ огонь, свѣпѣ мещущъ по спранамъ,
 И мглы подъ ними улеглись,
 Тумановъ рѣки разлились,
 Изъ коихъ зыблющихъ сбдинъ,
 Челомъ сверкая золотымъ,
 Возспали горы изъ долинъ,
 И воскурился сверхъ ихъ пюнкій дымъ.
 Онъ зрѣлъ, какъ свѣща богъ съ морями
 соравнялся,
 И алый лучъ по нихъ восколебался,
 Посыпались со скалъ
 Рубины, яхонты, кристалъ,
 И бисеры перловы
 Зажглися на вѣшвахъ;
 Багряны тѣни, бирюзовы,
 Смилися съ златомъ въ облакахъ —
 И все сіяніе покрыло!
 Онъ видѣлъ, какъ сіе божественно свѣшило

Рѣсь пестрый алчный шигръ въ лѣсѣ кра-
депся дебрисный
И ищетъ, гдѣ залегъ олень роговъпвисный ;
Тамъ къ плещущимъ ключамъ въ зеленый
мягкій логъ

Спредишься въ жаждѣ пить единарогъ ;

А здѣсь по воздуху вишаетъ

Пернатыхъ, насѣкомыхъ рой ;

Лѣса, поля, моря и холмы населяетъ

Чудесной пестрошю :

Тѣ въ златѣ, тѣ въ сребрѣ, тѣ въ розахъ,
тѣ въ багрянцахъ,

Тѣ въ свѣтлыхъ заревахъ, тѣ въ желтыхъ,
сизыхъ глянцахъ,

Гуляютъ по цвѣтамъ вдоль рѣкъ и вокругъ озеръ ;

Надъ ними въ высотѣ ширяется орелъ !

А тамъ, съ пологихъ горъ, слѣдъ кровы, ба-
шенъ спицы,

Лучами опраязь, мелькаютъ на водахъ.

Тутъ слышенъ рога зовъ, тамъ эхо отъ отъ
цѣвницы,

Блеянье, ржанье, ревъ и топотъ на лугахъ.

А здѣсь, сквозь птичій хоръ и шумъ отъ водопада,

Несутся грома въ слухъ съ великолѣпна града,

И изъясляютъ зодчихъ трудъ.

Тамъ полеяне плугъ влекутъ ;

Здѣсь сѣти рыболовъ выдаютъ,

На удѣ блещетъ серебро ;

Тамъ огонь съ оружьявойскъ сверкаетъ. — —

И все то благо, все добро !

Клеантъ , на все сіе взирая ,
 Былъ внѣ себя Природы очѣ чудесъ ;
 Вѣрховный умъ Творца восбравая ,
 Излилъ потоки сладкихъ слезъ . —
 Все дѣло рукъ Твоихъ ! вскричалъ во умиленѣ ,
 И арфу въ восхищенѣ
 Пріавъ , благоговѣнья полнѣ ,
 Въ дорическій настроя тонѣ ,
 Умолкъ ; — но лишь съ небесъ , сквозь дубъ
 сводѣ лиственный
 Проникнувъ , на него палъ свѣтъ багряный ,
 Брада сребристая , чело ,
 Зардѣвшись , какъ солнце расцвѣло :
 Ударилъ по струнамъ , и отъ холма съ вершинѣ
 Какъ искръ спруи въ долѣ быстро по-
 кашились ,
 Далеко звуки разгласились
 Воспѣлъ онъ Богу гимнѣ

Державинъ.

VIII.

П о д р а ж а н і е.

Кипридѣ вздумалось оставить здѣшній свѣтъ,
Сокрыться въ монастырь, и все свое имѣнье
Отдать мнѣ съ Хлоей въ награжденье;
 Не знаю, кто ей далъ совѣтъ
Въ душеприкащики пожаловать Амура,
 Не бога — бѣдокура.
Онъ Хлоєю прельстясь, ее обогатилъ;
Ей отдалъ радости, забавы, утѣшенье;
 А я въ наслѣдство получилъ
 Однѣ лишь слезы и мученье!

В. Пушкинъ.

ПОЛИТИКА.

I.

Письмо изъ Берна.

Гельвеція, испытавъ разныя Конституціи, послѣ долговременнаго волненія утвердила наконецъ правленіе, которое кажется ей лучшимъ и сообразнѣйшимъ съ пользою разныхъ частей ея.

Трудно было достигнуть до сей цѣли въ такой землѣ, гдѣ всякой Кантонъ долго имѣлъ свои особенные законы, нравы, правленіе и налоги. Надлежало согласить людей, которые исповѣдуютъ разныя вѣры и говорятъ разными языками; одни живутъ на землѣ плодородной, а другіе среди льдовъ и пропастей. Подчиняя всѣ Кантоны одной системѣ, законодатель не могъ соблюсти ихъ частныхъ и мѣстныхъ выгодъ; взявъ ихъ за главное основаніе Конституціи, онъ боялся слишкомъ раздробить правленіе. Чтобы избѣжать сихъ двухъ опасностей, собрались въ Бернѣ Нюшабли, выбранные изъ гражданъ, не имѣющихъ никакого участія въ правленіи временномъ. Папріоты надѣялись, что мнѣніе ихъ будетъ

пѣмъ безпристрастнѣе. Сѣи Нопабли въ пишинѣ сочинили Конспипуцїю, и народъ по большинству голосовъ принялъ ее.

Новое правленїе соспоипѣ изъ общаго Сейма, имѣющаго власнѣ законодательную — изъ Сенапа, предлагающаго законы, и Совѣта, который исполняетъ ихъ, и въ которомъ засѣдаютъ три Члена Сенапа. Такимъ образомъ всѣ Канпоны, посредствомъ своихъ Депушаповъ въ Сенапѣ и Сеймѣ, имѣютъ участїе въ законодательной власти.

Предметы общей пользы, безопасность Республики и ея связи съ другими Государствами относятся къ главному или общему правленїю. Но всякой Канпонъ имѣетъ свое особенное образованїе, свою экономїю и полицїю; печется о школахъ, благотѣпельныхъ заведенїяхъ, содержанїи дорогъ, и даетъ жалованье духовенству. Такимъ образомъ Канпоны имѣютъ способъ угождать своимъ мѣстнымъ выгодамъ, но не могутъ отдѣлиться отъ Республики, будучи соединены съ нею общеспвеннымъ Правленїемъ (располагающимъ воинскою силою), единообразїемъ законовъ уголовныхъ и коммерческихъ, и наконецъ учрежденїемъ вышняго судилища, которое рѣшитъ всѣ важныя дѣла. — Патрїоты надѣялся, что такое соединенїе часпныхъ

выгодъ съ общемо пользою обезоружить наконецъ малое число недовольныхъ, жалбующихъ о прежнихъ системахъ.

Упомянутая Гельвеція должна чувствовать нужду въ спокойствіи и согласіи Кантоновъ, безъ чего она не могла имѣть никакой политической связи съ другими землями. — Всѣ части новой Конституціи приводятся въ дѣйствіе. Сенатъ наименовалъ уже членовъ Исполнительнаго Совѣта: Гражданъ Дольдера, Рипмана и Фисли; первый называется Ландманомъ, а второй и третій Штапгальперами. Городъ Бернъ съ радостію торжествовалъ день новаго политическаго образованія Гельвеціи.

(Изъ Монитёра.)

II.

Письмо изъ Балтимора.

II въ Англіи и во Франціи по разнымъ причинамъ описываютъ Луизиану земнымъ раемъ, въ который надобно только войти, чтобъ быть счастливымъ; но она въ самомъ дѣлѣ есть ничто иное, какъ дикая земля, и Французское Правленіе должно издержать много денегъ,

чтобы сдѣлать ее важною для торговли. Въ 45 миляхъ отъ устья рѣки Сѣто, на западномъ берегу Миссиссипи, одинъ изъ нашихъ соопечесивенниковъ, Полковникъ Морганъ, вздумалъ заводить колонію съ дозволенія Короля Гишпанскаго, и мѣсто, назначенное для города, названо Новымъ Мадритомъ; но гораздо легче назвать, нежели населить городъ. Впрочемъ планъ сего Новаго Мадрита очень хорошъ; недостаетъ бездѣлицы: домовъ и жителей. Улицы должны быть въ 25 сажень шириною, съ прекрасными аллеями и съ *намоствами* (trattoirs) съ обѣихъ сторонъ, такъ какъ въ Филадельфїи. Назначено множество народныхъ гульбищъ, множество алей вокругъ всего города. Не забыли и Короля Гишпанскаго: ему отвели нѣсколько тысячъ сажень для дворца; а въ случаѣ нужды могли бы прибавить впрое — и тогда бы онъ все еще не могъ жаловаться на близкое соседство. Если бы во Франціи или въ Англіи было такое прекрасное, живописное и волшебное мѣсто, какое назначено для Новаго Мадрита, то скоро выросъ бы великолѣпный городъ, единственный въ свѣтѣ. Можеть быть новыя властители Луизианы произведутъ въ дѣйство планъ гражданина Моргана.

Рѣка Миссиссипи , орошающая плодосную землю Луизианы, открыта въ 1541 году Фердинандомъ Сото. Г. Ласаль первый въ концѣ 17 вѣка доплылъ до самаго устья ея, и по возвращеніи своемъ во Францію описалъ сію страну такими прелестными красками, что Лудовикъ XIV вздумалъ завести тамъ Колонію, и отправилъ туда эскадру подъ начальствомъ Ласалья. Слѣдствія были несчастливы: Французы, непривычные къ климату Луизианы, сдѣлались его жертвою. Самъ Ласаль погибъ отъ руки своихъ раздраженныхъ товарищей. Король отдалъ Луизиану Господину Грозату; но по смерти Лудовика XIV она снова возвратилась подъ власть Французской Державы, которая въ 1763 году уступила ее Гишпаніи.

III.

Таблица Англійской торговли въ теченіе 12 лѣтъ.

I. Ввозимые товары.

Годы.	Цѣна товаровъ , кромѣ Индѣйскихъ и Кипайскихъ.	Цѣна Индѣйскихъ и Кипайскихъ товаровъ.
1787	14,573,156-15- 7	3,430,868- 0- 6
1788	14,573,290-17- 9	3,453,897- 3- 5
1789	14,461,954- 9- 2	3,559,148- 1- 5
1790	15,981,015-11- -	3,149,870-14- 8
1791	15,971,069- - 7	3,698,713-13- -
1792	16,957,810-17- 3	2,701,547- 9- 4
1793	15,757,693-16-10	3,499,023-12-10
1794	17,830,418-19- -	4,458,475- 1- 5
1795	16,976,199- 1- 8	5,760,710- 8- 3
1796	19,800,957- - 5	3,586,362-18- -
1797	17,063,794- 8- 5	3,950,162- 9- -
1798	20,236,285-19-11	3,712,707- 4- 8

Что въ сложности двенадцати лѣтъ составляетъ 244 милліона , 545 тысячъ , 113 фунтовъ стерлинговъ , 13 шиллинговъ и 8 пенсовъ , то есть около 2450 милліоновъ рублей.

II. Вывозимые товары.

Годы.	Цѣна собствен- ныхъ Англійскихъ товаровъ.	Цѣна иностран- ныхъ товаровъ.
1787	12,054,924- 5- 2	4,815,890- 2- 5
1788	12,724,612- 7- 1	4,747,796- - 6
1789	13,779,506- 2- 6	5,561,042-14- 5
1790	14,921,084- 9- 7	5,199,037- 7-11
1791	16,810,018-16- 4	5,921,976-10-11
1792	18,356,851- 6-11	6,568,348-16- 6
1793	13,892,268-17- 7	6,497,911- 9- 3
1794	16,725,402-16- 2	10,003,564-19- 3
1795	16,527,215- 2- 2	10,785,125-15- 2
1796	19,106,444-17- 5	11,317,740 - 8
1797	16,903,103- 6- 1	12,015,907- 2- -
1798	19,771,510-11- 4	15,883,885-15-11

Что въ сложности двенадцати лѣтъ составляетъ 288 милліоновъ, 888 тысячъ, 467 фунтовъ стерлинговъ, 15 шиллинговъ, 1 пенни, то есть около 2890 милліоновъ рублей.

IV.

С м ъ с ъ.

По случаю собранія голосовъ для выбора Бонапарше на всю жизнь въ Консулы,

извѣстный Генераль Лафаетъ написалъ къ нему письмо, въ которомъ давалъ ему разныя *наставленія*, и между прочимъ совѣтовалъ возстановить свободное книгопечатаніе безъ цензуры. Бонапарте велѣлъ одному изъ Адьютантовъ своихъ отвѣчать ему словесно: „если бы я „послушался Генерала Лафаета, то мы „оба съ нимъ не могли бы прожить ни „трехъ мѣсяцевъ во Франціи.“

Извѣстно, что славный Сіесъ есть Авторъ нынѣшней Французской Конституціи; но въ планѣ его столько перемѣнили, что едва оспалось самое основаніе. Не давно Сіесъ изъяснялъ одному изъ пріятелей своихъ разныя неудовольствія въ разеужденіи нынѣшней системы Французскаго правленія. „Вы сами сочинили эту Конституцію,“ сказалъ ему сей пріятель. *Правда*, отвѣчалъ Сіесъ: *но злой духъ насѣялъ множество лжегелъ въ моей жизни*. Вообще Сіесъ любитъ говорить шекспирами изъ Библии.

Бонапарте, отправляя Адмирала Виллареша въ Мартинику, сказалъ ему: „Вы будете шамъ полнымъ властелиномъ, какимъ мнѣ не возможно быть во „Франціи.“ Однакожь онъ не примолвилъ: *къ сожалѣнію!*

Извѣстія и Замѣчанія.

Англія и Франція составляютъ великую сцену Европейской Полишики; когда шамъ не дѣлается ничего важнаго, мы говоримъ: „нѣтъ полишическихъ новостей!“ Розница между сими двумя Государствами есть та, что въ одной мы любопытствуемъ знать дѣла народныя, а въ другой дѣла Консула Бонапарте. Въ Англіи шумные выборы почти всѣ кончились, и всѣ именитые Члены бывшего Парламента снова выбраны. Нѣкопорымъ стоила эта честь дорого: на примѣръ, Франсисъ Бордетъ издержалъ около 500,000 рублей на пиры и подарки, чтобы имѣть удовольствіе отъ времени до времени употреблять пышныя фразы и бранить Министровъ въ Парламентѣ, гдѣ всякой Членъ, по законамъ Англіи, можетъ смѣло говорить все, что ему угодно, не давая отчета въ словахъ своихъ. Французы съ великимъ жаромъ осуждаютъ необузданность Брипанскаго народа при выборахъ и находятъ страшное Якобинство въ Англіи: какъ времена или, лучше сказать, Французы перемѣняются! *Тѣмъ лучше!* скажетъ истинный другъ людей и спокойствія, особливо читая въ Моншёрѣ,

что великіе Французскаго имени должно быть опнынѣ слѣдствіемъ цвѣтущихъ мануфактуръ и благоразумной системы Правленія въ разсужденіи Колоній (la grandeur du nom Français fera le résultat d'un bon système colonial & de la prospérité de nos manufactures); это общаесть намъ много поваровъ, и можемъ бысть опасно шолько для кошелька небережливыхъ людей. Бонапарте хотѣлъ безъ сомнѣнія ободрить Французскихъ фабриканповъ, назвавъ ихъ главнымъ орудіемъ народной славы. Великіе люди не говорятъ ничего безъ великаго намѣренія; иначе такая мысль могла бы показаться спранною. Мы еще не находили въ Исторіи, чпобы какой нибудь народъ былъ возвеличенъ фабрикантами! — Къ похвальнымъ учрежденіямъ Консула принадлежитъ новая строга я ценсура театральныхъ піесъ и запрещеніе играть всѣ неблагопристойныя, вредныя для нравственности. Истинные таланты не будутъ жаловаться на сію строгость, имѣя способъ нравиться безъ ничтожной игры словъ и тѣхъ безчинныхъ сценъ, которыя можно назвать школою разврата, и которыя забавляютъ одинъ грубой партеръ. Чпобы возвысить достоинство Театра, драматическихъ Авторовъ и Актеровъ, надобно сдѣлать его училищемъ

нравовъ, свѣтскихъ добродѣтелей и благороднаго тона. — Въ Парижскомъ Журналѣ, Bulletin de Paris, издаваемомъ Государственнымъ Совѣшникомъ С. Жанъ д'Анжели, напечатанъ совѣшъ названъ Францію Республикою - Имперією, а Бонапарше Великимъ Президентомъ. — — Въ Мониторѣ описывающа всѣ наглосипи и злодѣйства Алжирскихъ разбойниковъ: изъ чего заключаюпъ, что Консуль намѣренъ унять сихъ варваровъ.

Слухи о намѣреніи нѣкоторыхъ Дворовъ въ разсужденіи Турецки попревожили Лондонскихъ купцовъ, имѣющихъ дѣла съ Конешанпинополемъ. Министръ Гакесбури отвѣчалъ имъ, что ему неизвѣстны никакія намѣренія, опасныя для цѣлосипи Општоманскихъ владѣній.

Французскія войска выступаютъ изъ Швейцаріи: чѣмъ утверждается ея независимость и новая Конспишущія.

Изъ Тексея пишутъ, что тамъ всѣ практики наполнены людьми, будущими въ Голландскія Колоніи искашь фортуны.

Бернардень Сен - Пьеръ, Авторъ прекраснаго романа Paul & Virginie, напечаталъ въ Журналахъ извѣстіе, важное для мореплавателей. Онъ увѣдомляетъ, что

письма, вложенныя въ бутылку хорошо закупоренную и брошенную въ море, доходятъ до своей цѣли: волны рано или поздно выкидываютъ ихъ на какой нибудь берегъ. Бернарденъ разсказываетъ щастливые опыты. Первая бутылка, брошенная въ Бискайскомъ заливѣ 17 Авг. 1786, найдена 9 Мая 1787 на берегахъ Нормандіи; вторая съ письмомъ къ нему самому приплыла въ три недѣли отъ 42 градуса широты къ Мысу Пріорскому; третья, кинутая въ море въ 200 миляхъ на сѣверъ отъ Иль-де-Франса, проплыла 900 миль и найдена на берегу Мыса Доброй Надежды; а четвертая въ Гваделупѣ, проплывъ въ 2 мѣсяца болѣе двухъ сотъ миль.

„Успѣхъ сихъ опытовъ (говоритъ Бернарденъ) можетъ быть спасеніемъ мореплавателей, которые, претерпѣвъ кораблекрушеніе, живутъ на берегахъ необитаемыхъ и неизвѣстныхъ. Такимъ образомъ злосчастный Лаперузъ, можетъ быть, донынѣ скипается въ какихъ нибудь пустыняхъ!“.. Сія надежда, что Лаперузъ еще живъ, опровергается выпискою изъ Иль-де-Франскихъ Вѣдомостей, напечатанною въ послѣднемъ *Мониторѣ*. Тамъ сказано: „Американскій Капитанъ Индженоль, прѣхавшій изъ Китая, слышалъ на Сандвичскихъ островахъ, что еще пре-

„жде Французской Революціи (неизвѣ-
 „стно точно, въ какомъ году), одинъ
 „корабль, вышедшій изъ Брестской гавани,
 „приспалъ къ острову, называемому *Коро-*
 „*левою Шарлотою*, въ Комшерварскомъ за-
 „ливѣ; что на семъ кораблѣ было мно-
 „жество больныхъ; что дикіе жители
 „взошли на него, убили Капитана и всѣхъ
 „матрозовъ, исключая одного молодого
 „человѣка, котораго судьба неизвѣстна.
 „Вѣроятно, что сей корабль, послѣ сож-
 „женный дикими, былъ Лаперузовъ.“

Конецъ четвертой Части.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Ч Е Т В Е Р Т О Й Ч А С Т И.

І Ю Л Ъ № 13.

Стран.

I. Топографическое описаніе царства Позѣи. - - -	3
II. Исторія Лафлѣра, Стернова слуги.	12
III. Феноменъ Англійской Литтера- туры. - - -	21
IV. Письмо молодого Француза изъ Неаполя. - - -	26
V. Рыцарь нашего времени.	35
VI. Къ Л*, на смерть подруги его.	51
VII. Элегія. - - -	52
VIII. Жизнь Туссеня Лувертюра.	57
IX. О нынѣшнихъ Министрахъ Англій.	68
X. Извѣстія и замѣчанія.	73

І Ю Л Ъ № 14.

I. Предубѣжденія женщины. -	85
II. Отъ чего въ Россіи мало Автор- скихъ талантовъ? - - -	120
III. Гробъ Нарциссы. - - -	129
IV. Благоразумный человекъ. -	132
V. Письмо изъ Парижа. -	138
VI. Республика Семи-Острововъ.	145
VII. Число жителей въ Англій. -	154
VIII. Умноженіе жителей и великіе успѣхи торговли въ сѣверной Америкѣ. - - -	155
IX. Извѣстія и замѣчанія. - -	157

А В Г У С Т Ъ № 15.

	Стран.
I. О напрасныхъ ожиданіяхъ.	- 165
II. Игра судьбы.	- 177
III. Бѣдный Жакъ.	- 193
IV. О Крокодилѣ.	- 199
V. Воздушное путешествіе.	- 202
VI. Письмо изъ Неаполя.	- 206
VII. Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицѣ.	- 207
VIII. Смѣсь.	- 226
IX. Выборъ Парламентскихъ Членовъ въ Лондонѣ.	- 229
X. Жизнь Туссеня Лувертюра (окончаніе).	- 232
XI. Извѣстія и Замѣчанія.	- 241

А В Г У С Т Ъ № 16.

	Стран.
I. <i>Лиядана и Вальмиръ.</i>	253
II. <i>Письмо Христофора Коломба къ Гвишпанскому Королю, недавно найденное.</i>	280
III. <i>Историческія воспоминанія, вмѣ- стѣ съ другими замѣчаніями, на пути къ Троицѣ и въ семь монастырѣ (продолженіе).</i>	287
IV. <i>О долголѣтной жизни.</i>	304
V. <i>О Вашингтонѣ.</i>	309
VI. <i>Смѣсь.</i>	311
VII. <i>Утро.</i>	314
VIII. <i>Подражаніе.</i>	320
IX. <i>Письмо изъ Верна.</i>	321
X. <i>Письмо изъ Балтимора.</i>	323
XI. <i>Таблица Англійской торговли въ теченіе 12 лѣтъ.</i>	326
XII. <i>Смѣсь.</i>	327
XIII. <i>Извѣстія и Замѣчанія.</i>	329